

18+

МИРИНА ПАНИНА

Мирина — жрица СКИФИИ



Ирина Федоровна Панина

Мирина – жрица Скифии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71730949

ISBN 9785006562998

Аннотация

Роман «Мирина – жрица Скифии» посвящен древней малоизученной странице истории нашей родины, когда современный Алтай был заселен кочевыми племенами скифов. Судьба юной жрицы Мирины становится той осью, вокруг которой развиваются драматические события, сочетающие борьбу сил добра со злом. Книга предназначена для всех людей, любящих историю нашей родины, кто с горячим сердцем и чистой совестью думает о ее будущем. Астахов Михаил Викторович, доцент Самарского государственного университета.

Содержание

мирина – жрица скифии	5
ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ДѢТЯ СТЕПЕЙ	10
скифы	45
ЦАРЕВИЧ УАРХАГ	96
МИР ДУХОВ	111
Маленькая жрица	155
МЕСТЬ ЧЕРНОГО ШАМАНА	213
Конец ознакомительного фрагмента.	228

Мирина – жрица Скифии

Ирина Федоровна Панина

© Ирина Федоровна Панина, 2025

ISBN 978-5-0065-6299-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ирина Панина

мирина – жрица скифии

Историко-фантастический роман

Роман «Мирина – жрица Скифии» посвящен древней малоизученной странице истории нашей Родины, когда многие ее современные районы, в том числе и Алтай, были заселены скифами, кочевыми племенами, от которых историки нередко вели происхождение Руси. Судьба юной жрицы Мирины становится той осью, вокруг которой развиваются драматические события, сочетающие борьбу человеческих чувств и сил Добра со Злом, проявлений дикостей древности и достижений передовых инопланетных цивилизаций. Книга предназначена для всех людей, любящих историю нашей Родины, для всех, кто с горячим сердцем и чистой совестью думает о ее будущем.

Астахов Михаил Викторович, доцент Самарского государственного университета, кафедра отечественной истории и историографии

Роман посвящается великой скифской жрице Кадын, Величаемой Очиболой – хранительницей Алтая, осквернение погребального кургана которой вызвало нарушение энергетического баланса Алтайского края и привело к несчастьям

и природным катаклизмам.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Фантастический роман «Мирина – жрица Скифии» является своеобразным продолжением написанной ранее книги «Золотой век Атлантиды». Во втором романе отображается окончание очередного тысячелетнего цикла, когда на Земле, как и во времена Атлантиды, происходят мощные столкновения сил Добра и Зла, и мы вновь погружаемся в напряженную атмосферу событий давно минувших столетий.

Одно из самых значимых и чудесных мест на Земле – Алтай, чье название на языке монголов означает «Золотой». В центральной части этого мощного горного массива возвышается в поднебесье величественная двуглавая Белуха, покрытая вечными снегами и сияющими ледниками. За свою несравненную красоту и поистине магнетическое воздействие на людское сознание Священная гора по праву считается Царицей Алтая. Огромные ледники Белухи дают начало нескольким бурным рекам, главной из которых является полноводная Катунь. С гигантской силой вырываясь из живописных обрывистых ущелий, река как бы охватывает Катунский хребет с юга, запада и севера. Горные склоны покрыты густыми хвойными лесами, состоящими из лиственниц, пихт и елей, вековых сосен и кедров. А в межгорных котловинах раскинулись обширные степи, изобилующие разнотравием с ковром необычайно ярких цветов.

Мне посчастливилось неоднократно бывать на Алтае, любоваться неповторимым величием и первозданной красотой горных хребтов, стремительностью чистых рек, небесной синевой озер и мощью водопадов. Довелось посетить и Беловодье, где находится сакральный Энергетический Центр территории Алтая, где, как ни в каком другом месте, ощущается его благотворное влияние на психику и духовное здоровье пребывающего там человека. Потому-то мне чрезвычайно близка уникальная культура и особое человеколюбие местного населения. Современные алтайцы, считая себя потомками древних кочевых скифов, трепетно относятся к своей истории. Они свято чтят свою знаменитую Очиболу, являющуюся своеобразным оберегом и защитницей народов, проживающих в алтайском регионе. Специалисты-историки называют скифскую Святыню разными именами – «Снежная леди», «принцесса Кадын», «Пазырыкская амазонка». После того, как в 1993 году советскими археологами произошло изъятие мумии Очиболы из могильника, находившегося на священном высокогорном плато Укок, на Алтае участились сильные землетрясения и прошла мощная череда стихийных бедствий. От всей души присоединяю свой голос к требованиям жителей Алтайского края – вернуть скифскую Святыню в ее усыпальницу на Укоке, чтобы восстановить нарушенное равновесие сил Добра и Зла в одном из энергетических центров нашей планеты, расположенных на востоке России.

Роман «Мирина – жрица Скифии» начинается с картин детства юной Мирины, которой суждено было стать знаменитой скифской жрицей и пройти жизненный путь, наполненный яркими сценами верной дружбы и жестокой борьбы, побед силы человеческого духа и неумолимости рока судьбы...

ДѢТЯ СТЕПЕЙ

Светало. Невысокая босоногая девчушка с черными, как смоль, развевающимися волосами бежала по росистой траве. Душистый степной ветер, пахнувший полынью, бессмертником и клевером, охлаждал ее смуглое, чуть скуластое лицо. Подол ярко-красного платья промок от росы и прилипал к ногам девочки, но она не замечала этого.

Сердце девятилетней скифянки наполняли восторг и ликование от ощущения своего единения с окружающим миром – бездонным небом, ковыльными степями, опоясанными величественной цепью Алтайский гор, зеленой долиной Катúни, где паслись несметные табуны породистых лошадей, и родным кочевьем, раскинувшимся неподалеку от берега реки.

На востоке пламенела заря. Поставив на землю корзинку с собранными лечебными травами, девочка протянула навстречу зарождающемуся дню свои тонкие загорелые руки и радостно засмеялась. В первых лучах появившегося из-за горизонта солнца на нежной шейке ребенка блеснуло золотое ожерелье с подвесками в виде фигурок зверей. Узкие запястья юной кочевницы были увиты серебряными браслетами в форме змеек с глазами из хрусталя.

Раскинув руки, девочка упала на спину в густую душистую траву и стала наблюдать за изменчивыми очертания-

ми облаков, тающими в небесах, словно дым от костра. Взошедшее золотисто-оранжевое солнце быстро высушило росу, и появился рой надоедливо жужжащих комаров. В небесной синеве показался большой ястреб. Высмотрев добычу, он камнем упал в зеленое море трав и тут же взмыл в воздух. В острых когтях птицы бился толстый сурок. Девчушка проводила глазами скрывшегося вдали ястреба и сладко потянулась.

– Мирина! Мириночка! – послышался издали ласковый женский голос.

– Я здесь, бабушка! Здесь! – проворно вскочив на ноги, отозвалась девочка.

Заметив среди стеблей полыни нежно-сиреневый цветок сон-травы, Мрина выдернула его из земли вместе с корнем и положила в корзину с целебными травами. Юная скифянка небрежным жестом откинула со лба прядь волос и поспешила навстречу выходившей из близлежащего леса величавой пожилой женщине в пестротканой шерстяной одежде с двумя большими корзинами в руках. При виде внучки на мудром строгом лице Аргимпáсы, так звали женщину, появилась добрая улыбка. Аргимпаса была самой сильной и знаменитой жрицей-прорицательницей Скифии. Она знала все целебные травы, составляла из них разнообразные настои, отвары и зелья, умела вправлять кости и залечивать раны, гадать, видеть прошлое и предсказывать будущее. За мудрость, отзывчивость и доброту кочевники любили и почита-

ли старую жрицу, стараясь всячески услужить ей. Даже могущественные вожди и старейшины родственных племен относились к Аргимпасе с большим уважением.

Зачастую Аргимпаса с Мириной еще в предрассветных сумерках покидали родное кочевье и отправлялись в степь или поросшие густым лесом горы, чтобы завестись впрок целебными растениями. На этот раз, пока Мирина собирала нужные травы в степи, жрица бродила по лесной чаще, разыскивая там лечебные корни и съедобные грибы. Подбежав к Аргимпасе, девочка заглянула в корзину, доверху наполненную боровиками, и потянула носом. От крепких отборных боровиков приятно пахло грибной сыростью.

– Бабушка, мне так хочется поплавать! Может, пойдем к реке?! – попросила Мирина, умоляюще глядя в лицо жрицы.

Получив согласие, девочка крепко прижала к себе полную корзину и во весь дух помчалась по ковру из темно-красного клевера к сверкающей вдали голубой ленте Катунь.

Когда Аргимпаса добралась до реки, Мирина уже радостно плескалась в студеной воде. Оставив корзины в тени раскидистого дерева, провидица широким рукавом утерла струящийся по лицу пот. Затем, прикрыв ладонью глаза от слепящих солнечных лучей, она стала наблюдать за резвящейся в воде девочкой. Аргимпаса безмерно любила свою непоседливую внучку и гордилась ею. Мирине были присущи живость ума, безмерная доброта, жажда познания и поистине

уникальная память. Все это позволяло девочке с легкостью усваивать жреческие премудрости, которым обучала ее бабушка.

– Ты будешь самой знаменитой жрицей всей Скифии! Слава о тебе пройдет по всем кочевьям, – вполголоса проговорила Аргимпаса, любуясь внучкой, уверенно противостоящей стремительным водам Катуня.

Подумав, провидица разулась, подняла подол длинного платья и осторожно вошла по колено в обжигающе-холодную воду. Девочка подплыла ближе к берегу и с хохотом стала плескаться водой в бабушку.

– Миринка! Мириночка! Ах ты, маленькая проказница!!! – со смехом восклицала Аргимпаса, прикрываясь свободной рукой от каскада летевших на нее брызг.

В последний раз обдав бабушку ледяным дождем, девочка стремительно выскочила из воды. Наклонив голову набок, Мирина запрыгала на одной ножке, стараясь избавиться от попавшей в ухо воды. Аргимпаса подошла к внучке, засучила высоко рукава и сильными движениями ладоней выжала ее мокрые волосы. Чтобы поскорее согреться, Мирина принялась носиться по берегу реки, словно резвый жеребенок. Тепло улыбнувшись, Аргимпаса опустилась на землю и, прислонившись спиной к большому нагретому солнцем валуну, стала сосредоточенно перебирать собранные ею целебные растения.

Спустя некоторое время к ней примчалась разгоряченная

Мирина. Опустившись на колени, она заглянула в лицо Аргимпасы и, смешно вытягивая губы, виновато проговорила:

– Ты не сердись на меня, бабушка, за то, что я забрызгала тебя водой?!

– Ну что ты, родная! Разве я могу сердиться на тебя?

Большие черные глаза пожилой жрицы с любовью были устремлены на ребенка. Годы не погасили их яркого блеска, а лишь придали им бездонную глубину и мудрость.

Мирина присела на землю рядом с бабушкой и задумчиво потрогала золотые фигурки медведей, пришитых к украшенному бисером войлочному нагруднику Аргимпасы, после чего прижалась губами к ее морщинистой руке. Обнаженные от плеча до кисти руки жрицы были покрыты сложной татуировкой, выполненной особой китайской тушью, причем священная татуировка распространялась также и на большие пальцы. С носителем такого знака можно было говорить лишь с почтительной интонацией. Придет время и ей, Мирине, дочери могущественного скифского вождя Таргитая, тоже нанесут сакральную татуировку. Но этот знак высокого отличия еще нужно было заслужить.

Глубоко вздохнув, девочка положила голову на колени бабушки. Аргимпаса заботливо расправила ее густые влажные волосы, чтобы они поскорее высохли. Мечтательно глядя перед собой в высокое пылающее синевой небо, Мирина некоторое время прислушивалась к пению птиц. Затем она взяла из корзины стебель полыни и растерла его в ладонках.

Приложив ладони к лицу, девочка с наслаждением вдохнула горький, пьянящий аромат травы. Из всех степных ароматов запах полыни был для нее самым любимым.

– Нам пора, детка! – взглянув на внучку, строго промолвила Аргимпаса. – Не сегодня-завтра должны вернуться из похода наши отважные воины. После битвы с презренными массагетами среди скифов наверняка будут раненые, и нам необходимо успеть приготовить для них целебные отвары и снадобья, – немного помолчав, жрица добавила. – Будем надеяться, что среди наших людей не окажется павших в сражении!

Мирина согласно кивнула головой и заботливо помогла подняться с земли бабушке. Подхватив корзины с лечебными травами и грибами, Аргимпаса и девочка направились к стойбищу. Когда они проходили мимо большой отары овец, скифские пастухи с коричневой от загара и грязи кожей почтительно склонились перед величаво ступающей провидицей и ее внучкой.

Вот и родное кочевье.

– Смотри-ка, Мириночка! – проговорила жрица, указывая рукой на развесистый куст арчи. – Твоя верная подруга уже заждалась тебя!

На краю стойбища под большим кустом арчи сидела темноволосая девочка в свободном небесно-голубом платье. Она нежно баюкала куколку, завернутую в цветастую ткань.

– Томіра! Я здесь!!! – закричала во весь голос Мирина.

Девочка подняла голову, вскочила на ноги и, крепко прижимая к себе куклу, опрометью бросилась навстречу подруге. Подбежав, она радостно улыбнулась Мирине и низко поклонилась Аргимпасе. Жрица ласково погладила Томиру по голове. Черные блестящие волосы девочки были заплетены в тугие косы, увешанные серебряными бубенчиками, а ее тонкую шею украшала нитка коралловых бус. Аргимпасе нравилась эта смышленная симпатичная девчушка с открытым приветливым лицом и покладистым характером. Она заметно отличалась от других детей племени своей добротой и отзывчивостью. Девятилетняя Томира была не по годам рассудительна и умна, она часто удерживала более живую, подвижную Мирину от необдуманных поступков. Обратив свои лукавые смеющиеся глаза на подругу, Томира затараторила:

– Мириночка, миленькая! Ну что же ты так долго? Мне уже наскучило ждать! А я тебя все жду и жду! Сегодня моя мать обещала напечь лепешек. Ты любишь пшеничные лепешки? Я – страсть как! Ну, что же ты мне не отвечаешь, Миринка?! – притопнув ногой от нетерпения, воскликнула девочка.

– Да ты своей безудержной болтовней мне и рта не даешь открыть! – звонко расхохоталась Мирина. – Конечно, я очень люблю вкусные пшеничные лепешки! Кто же их не любит?!

Глядя на весело щебечущих детей, Аргимпаса широко улыбнулась, морщинки на ее лбу разгладились, а лучистые

глаза засияли теплым светом.

– Мириночка, может ты пойдешь к нам полакомиться лепешками? – спросила Томира и, бросив умоляющий взгляд на жрицу, робко добавила. – Если, конечно, твоя бабушка позволит!

– Иди. Иди, дорогая! Я сама управлюсь с делами! – кивнув внучке, отозвалась Аргимпаса.

Получив согласие жрицы, девочки радостно переглянулись, а Томира захлопала в ладоши.

– Мирина, детка, передай маме Томиры мои наилучшие пожелания, а также грибы, которые я набрала в лесу.

– Непременно, бабушка! – воскликнула девочка, звонко чмокнув Аргимпасу в щеку.

Подхватив корзину с грибами, подружки резво побежали между юрт по протоптанной дорожке. Жрица с мягкой улыбкой посмотрела им вслед. Томира и Мирина были ровесницами. Несмотря на разность характеров, девочки отлично ладили между собой.

Когда они скрылись из виду, Аргимпаса подняла с земли корзины с целебными травами и кореньями и степенно зашагала к своему шатру, расположенному рядом с большим белым шатром вождя племени.

Скифское кочевье жило своей привычной жизнью. Отовсюду раздавался стук пестов о каменные чаши, в которых женщины старательно толкли овес. На дымящихся кострах в бронзовых котлах с четырьмя ушками кипела баранья по-

хлебка, заправленная съедобными растениями. Кочевники очень любили дикий чеснок и всякие пряные травы, придающие еде кислоту.

Молоденькие девушки в пестрых одеждах с высокими кувшинами на плечах грациозно шли к роднику за холодной водой. Длинные косы скифянок были украшены звонкими бубенчиками, а виски – изящными золотыми и серебряными подвесками. На стройных шеях и на груди девушек переливались радужным многоцветием сердоликовые, нефритовые, бирюзовые и бронзовые бусы.

Часть женщин носила с пастбищ свеженадоенное кобылье молоко в больших ведрах, сделанных из овечьих шкур, а другие – готовили из принесенного молока кумыс. Тем временем крепкие бородатые мужчины неторопливо, со знанием дела, мастерили повозки на высоких колесах, обновляли конскую упряжь и седла.

Мирина и Томира немного поболтали с детворой, направлявшейся в лес за ягодами, а затем поспешили к просторной юрте, расположенной на дальней окраине стойбища.

В уставленной нехитрой утварью юрте Томиры аппетитно пахло свежим хлебом и бараньей похлебкой с чесноком. Мать девочки Спаретта – строгая, хорошо сложенная женщина с приятными чертами лица – пекла пшеничные лепешки в жаровне на раскаленных углях. Подняв голову, она приветливо улыбнулась вошедшим детям и утерла рукавом слезящиеся от дыма глаза. Мирина выполнила поручение ба-

бушки и вручила Спаретте корзину с отборными боровиками.

– Провидица Аргимпаса очень добра и великодушна. Поблагодари ее за подарок от моего имени, Мириночка! – проговорила женщина.

Томира поцеловала свою куколку, которую до сих пор бережно прижимала к груди, и поместила ее на небольшой коротконогий столик рядом с глиняной фигуркой богини Апи. Куколка была искусно сделана из лошадиных бабок и наряжена в шелковую расшитую бисером одежду. В скифских племенах куклы служили не только игрушками. Они считались вместилищем Духов предков и почитались как хранительницы домашнего очага. Куколки являлись также женскими покровительницами, которых жена приносила с собой в дом мужа. Так куклы переходили из поколения в поколение, от матери к дочери, и потому Томира тщательно берегла и заботилась о своей любимице.

Спаретта разостлала на полу цветастые войлочные коврики, бросила на них подушки для сидения и поставила перед девочками деревянное блюдо с горячими лепешками. Затем она налила в расписные чаши пахучий отвар из ягод шиповника и земляники.

Некоторое время женщина с умилением наблюдала за детьми, за обе щеки уписывающими приготовленное лакомство. Тоже решив поесть, Спаретта выловила из котла большой кусок мяса и, присев у дымящего очага, впилась

зубами в баранину. Ловко управляясь с острым ножом, она отхватывала им кусочки мяса прямо перед собственным носом. Спаретта неторопливо прожевывала мясо, запивая его крепким кумысом. Горячий бараний жир обильно стекал по ее руке до локтя, заливая шерстяную лоснящуюся по бокам юбку.

Основательно подкрепившись лепешками, девочки отказались от похлебки и, поблагодарив Спаретту за угощение, покинули юрту. Неподалеку от жилища Томиры сидевшие под большим деревянным навесом пожилые кочевницы валяли войлок. Разложив перед собой овечью шерсть, они били ее длинными тонкими прутьями, раздергивали на соломенных циновках, а затем поливали шерсть горячей водой и свертывали в рулон.

Рядом с женщинами крутились вездесущие чумазые ребяташки. Они подхватывали готовые свертки войлока и бежали в степь. Для того, чтобы войлок хорошо свалялся, детям было наказано таскать его по траве, катать и пинать ногами. Мирина и Томира остановились возле седой костлявой старухи, которая дрожащими узловатыми пальцами раздергивала и перебирала шерсть. Старуха подняла морщинистое лицо и, мигая близорукими глазами, строго спросила:

– Ну, а вы, стрекозы, что без толку глазеее? Собираетесь помогать?

Подруги быстро переглянулись и в один голос воскликнули:

– Ну конечно, бабушка! Как не помочь!

– То-то! Сразу бы так! – шамкая беззубым ртом, укоризненно пробурчала старуха.

Ухватив по свертку войлока, пристыженные девчонки потащили их в степь. Вместе с другими детьми они долго толкали свои войлочные свертки ногами, прыгали на них и мяли. Выросшие в нелегких условиях дети кочевников были выносливы и неприхотливы. Ослепительно яркое алтайское солнце нещадно жгло им плечи, спину, руки и колени. Земля горячо дышала, было даже видно, как над ней, словно над раскаленной жаровней, дрожит воздух. Несмотря на это, девица без усталости носилась по степи и шумела, не умолкая.

Солнце перевалило за полдень, когда ребятня вернулась в стойбище. Их встретили нестройным лаем разморенные жарой собаки. Большие, похожие на волков, псы разлеглись в тени повозок и, высунув длинные красные языки, прерывисто дышали. Дети отдали готовый войлок женщинам, и те принялись заботливо разминать его локтями. От этого войлок становился мягче.

– Томирочка, пойдем к реке! Искупаемся! – предложила Мирина. – Ты меня слышишь? – громко повторила она, стараясь поймать ускользающий взгляд подружки.

Немного поколебавшись, Томира облизнула пересохшие губы, шумно вздохнула и обреченно кивнула головой. Девочка боялась воды и не любила реку, так как Мирина настойчиво заставляла ее учиться плавать. Но Томира не ре-

шалась отказать близкой подруге, опасаясь вызвать ее недовольство и колкий упрек.

Выйдя за пределы стойбища, девочки, прежде всего, направились к кристально чистому роднику, струившемуся в густых зарослях арчи. Припав к земле, они долго с наслаждением пили вкусную студеную воду. Утолив жажду, Мирина поднялась с колен и, вытерев ладошкой мокрый подбородок, огляделась по сторонам. Величественная цепь синеющих гор с вздымавшимися ввысь заснеженными вершинами, обрамляла изумрудно-зеленые пастбища с табунами породистых скифских лошадей. По ярко голубому небу постепенно плыли белоснежные перистые облака, отражавшиеся в блистающих водах Катуня.

– Томира, Томирочка! Посмотри, как прекрасен наш Алтай!!! – восторженно закричала Мирина, в порыве чувств крепко сжав руку подруги. – Недаром всемогущая скифская богиня Апи избрала его своим домом!

– Да, очень красиво! – окинув взором окрестности, согласилась девочка и, немного подумав, добавила. – Я не перестаю удивляться тебе, Миринка, ведь эту чудную картину ты видишь изо дня в день. Как же ты можешь каждый раз находить в ней что-то новое?

Томира перевела взгляд на сияющее лицо подруги и, тихонько ахнув, растерянно замолкла. Необычайно яркие, пронзительно черные глаза Мирины излучали свет невиданной красоты и, казалось, видели все и вся – то, что было на-

дежно скрыто от взоров простых смертных.

– Почему ты на меня так странно смотришь, Томира?! – прервала затянувшееся молчание озадаченная Мирина.

– Знаешь, Мириночка, мне на миг показалось, что вместо тебя я вижу саму богиню Апи, – с благоговением прошептала девочка и смущенно потупилась.

– Вот еще! Что выдумала-то!!! – расхохоталась Мирина и, крепко чмокнув подругу в нос, напомнила. – Нас ждет Катунь!

Не теряя времени, девочки наперегонки помчались к блиставшей на солнце реке. По дороге они повстречали пожилых рыбаков, возвращавшихся в стойбище с богатой добычей. Их улов состоял из двух огромных, покрытых тиной, сомов, нескольких сазанов и крупных щук.

– Фу-у, какое страшилище! – проговорила Томира, опасливо разглядывая большую зубастую щуку.

– Подумаешь, страшная! Зато жареная – так просто объедение, пальчики оближешь! – озорно подмигнув подруге, хихикнула Мирина.

– У провидицы Аргимпасы есть рыба? – добродушно улыбнувшись девочке, поинтересовался один из рыбаков.

– Нет! У нас сегодня на ужин только овечий сыр, да сладкий пирог, – пожав плечами, отозвалась Мирина.

Рыбак обхватил рукой щучью голову и, ткнув грязным пальцем в зубастую пасть рыбины, важно заявил:

– Так вот именно эту увесистую хищницу я и намерен от-

нести в дар почтенной Аргимпасе.

– Мы с бабушкой будем очень благодарны вам за столь щедрый подарок, – вежливо произнесла Мирина и поклонилась довольному рыбаку.

Тепло попрощавшись с детьми, рыбаки, сгибаясь под тяжестью добычи, неспешно продолжили путь.

Оказавшись, наконец, на берегу Катуня, Мирина быстро сбросила одежду и вприпрыжку побежала к тому месту, где береговой утес был особенно крут и высок. Взобравшись на самый верх, она помахала рукой Томире и, сильно оттолкнувшись от скалы, прыгнула вниз головой в воду. Видя, что подруга долгое время не показывается на поверхности, Томира в смятении заметалась по берегу. Через некоторое время Мирина вынырнула ниже по течению недалеко от перепуганной девочки. У Томиры вырвался шумный вздох облегчения.

– Мириночка, ну зачем ты так делаешь? Я же чуть не умерла от страха! – запричитала она, размазывая струившиеся по щекам слезы. – Мне ведь казалось, что я больше никогда не увижу тебя! А что бы я сказала провидице Аргимпасе?!

– Ах ты, глупышка! – стоя по колено в воде, разразилась смехом Мирина. – Я вовсе и не собиралась тонуть. Ты даже не представляешь себе, какое блаженство плыть, разрезая плечом пенные волны, чувствовать могучую силу воды!

Громко шмыгнув носом, Томира нерешительно подошла

ближе и исподлобья взглянула на подругу.

– Ну, что ты медлишь? Идем ко мне, иначе ты так никогда и не научишься плавать! – требовательным голосом проговорила Мирина, протягивая руку к съежившейся от страха девочке.

Судорожно глотнув воздух, Томира с бешено бьющимся сердцем осторожно вошла в реку. Зажмурившись, она плюхнулась в воду и, несколько раз взмахнув руками, попыталась плыть. Но тщетно, река захлестнула ее и стала затягивать на глубину. Томира пронзительно вскрикнула, захлебнулась и пошла ко дну. Мирина немедленно бросилась на помощь. Нырнув, она ухватила тонущую подругу за косы и рванула вверх.

Когда перепуганная Томира оказалась на берегу, она, кашляя и громко лязгая зубами от пережитого, решительно заявила:

– Никогда больше я не поддамся твоим уговорам, Мирина, и не полезу в воду!

Мирина пристально и строго посмотрела в глаза трясущейся от холода девочки и с возмущением воскликнула:

– Нет, ты уж выслушай меня, Томира!!! Ты что, хочешь навсегда прослыть трусихой? Ни в одном скифском кочевье нет более позорного прозвища!

– Ох, будет тебе! – пытаюсь оправдаться, заверещала Томира, с непередаваемым ужасом вглядываясь в лицо подруги. – Дай мне чуть-чуть отдышаться, и я вновь пойду в реку.

Мириночка, ты ведь никому не скажешь, что я сильно напугалась?! Ладно?

– Ну, уж так и быть, не скажу! – примирительно улыбнувшись, заверила ее Мирина.

Ткнувшись холодным носом в плечо подруги, Томира благодарно всхлипнула. Затем она резво вскочила на ноги и, пытаясь согреться, прижалась спиной к накалившемуся за день большому каменному валуну. Через некоторое время, крепко стиснув зубы, Томира с разбегу бесстрашно бросилась в обжигающе-холодную Катунь. Борясь с течением и отчаянно барахтаясь в реке, она вдруг почувствовала, что вода держит ее, мягко выталкивая на поверхность. Ликованию девочки не было предела. Подбадривая подругу, Мирина все время держалась рядом, готовая прийти на помощь в любой момент.

– Здорово! Я смогла! У меня получилось!!! – захлебываясь от переполнявшего ее восторга, громко закричала Томира.

– Ты самая отважная девочка на свете! – радостно засмеялась в ответ Мирина и с чувством добавила. – Я ни на миг не сомневалась в тебе!

Потеряв счет времени, Томира раз за разом бросалась в реку и в итоге научилась довольно сносно держаться на воде. Она уже посинела от холода, но Катунь властно манила к себе девочку, даруя непередаваемое чувство единения с животворной силой воды. Вволю наплескавшись, продрог-

шие дети наперегонки побежали домой. По дороге к кочевью они согрелись.

– Я голодна, как волк! – сообщила подруге Томира.

– Так пойдем к нам! Бабушка накормит сладким пирогом с ягодами, – предложила Мирина.

Томира согласно кивнула головой и в предвкушении лакомства облизнула губы.

Увидев разгоряченные лица девочек, их мокрые волосы и искрящиеся счастьем глаза Томиры, Аргимпаса всплеснула руками и воскликнула:

– Ай да, Томирочка! Похвально, что ты смогла преодолеть свой страх и научилась-таки плавать!

– Это меня Мирина научила! – с нескрываемой гордостью заявила девочка и вдруг затараторила. – Я ее так люблю! Так люблю! Это было просто замечательно! Сначала я захлебнулась и чуть не утонула, но Мириночка меня спасла! Она крепко ухватила меня за косы и вытащила из воды.

– А как же иначе? – недоуменно пожав плечами, отозвалась Мирина. – Мы же скýфы и должны во всем помогать друг другу!

Жрица ласково взглянула на подруг и, обняв их за плечи, завела в свой шатер. Аргимпаса накормила детей только что сваренной вкусной ухой из щуки и пирогом с ягодной начинкой. Присев рядом с девочками, жрица налила себе кумыса в расписную чашу и стала неторопливо отпивать его мелкими глотками. С наслаждением поедая увесистый кусок слад-

кого пирога, Томира в который раз принялась разглядывать великолепный ковер, украшающий стенку шатра. На нем была изображена сидящая на троне богиня-мать Апи, облаченная в длинные пестрые одеяния. В правой руке она держала большую ветку с отростками, заканчивающимися пятью парами раздвоенных лепестков, символизирующих целебные растения Алтая. Трон великой богини Апи был основан на корне могучего дерева, а само Древо жизни росло прямо из колен скифского Божества. Жрица Аргимпаса собственноручно выткала этот замечательный ковер незадолго до рождения Мирины.

Скифские женщины слыли искусными рукодельницами, прекрасными знатоками природы и тонкими наблюдателями. Они с любовью украшали свои шатры и юрты тканями коврами, кошмами, узорчатыми войлочными изделиями, изображая на них радостное многоцветие окружающего мира. А мужчины славились далеко за пределами Скифии уникальной резьбой по дереву. С необыкновенной фантазией вырезая всяких причудливых зверей, они украшали ими не только свои жилища, но и седла породистых лошадей.

Взгляд Томиры остановился на деревянном кувшине, покрытом изящной резьбой. Позолоченные ручки сосуда были сделаны в виде летящих фигурок горных баранов – архаров с повернутой назад головой. А рядом с постелью провидицы Аргимпасы на подставке возвышались две позолоченные фигурки оленей с великолепными ветвистыми рогами. У ко-

чевых скифов могучий царственно-гордый олень был самым почитаемым животным – олицетворением света и солнечно-го Божества. Томира глубоко вздохнула, в скромной юрте ее родителей не было таких прекрасных вещей.

Покончив с трапезой, Аргимпаса убрала остатки еды и принесла вместительную каменную чашу. Ловко орудуя тяжелым пестиком, жрица стала растирать в чаше заранее заготовленные и высушенные целебные травы.

– А мне можно помочь? – умоляюще глядя в сосредоточенное лицо Аргимпасы, робко попросила Томира.

– Конечно, детка! – отозвалась провидица и, пододвигая ей свою чашу, добавила. – Только не торопись, лекарство надо готовить с душой и любовью!

Прижав к верхней губе высунутый кончик языка, Томира принялась старательно растирать сушеную траву каменным пестиком. Мудрое лицо Аргимпасы озарила теплая улыбка. Старая жрица поощряла интерес этой милой любознательной девчушки к целебным травам, лечению больных и раненых соплеменников.

Тем временем Мирина занималась приготовлением целебного настоя из собранных утром растений. Она тщательно разминала руками чашечки цветов и заливала их чистой ключевой водой. Этот настой применялся для лечения внутренних недугов и расстройств.

Некоторое время понаблюдав за работой детей, Аргимпаса вскипятила воду для приготовления отвара из целебных

плодов и листьев.

– Лекарства изготавливаются из множества растительных материалов: листьев, стеблей, корней и коры, а также из цветов, плодов, веток и семян, – неспешно поясняла жрица. – Чаще всего для лечения больных используются дикая гречиха, липа, ромашка, зверобой, одуванчик, крапива, красный клевер, валериана, полынь, подорожник. На недужного человека действует целительная сила, присущая этим растениям. Опытный жрец или шаман – знающий толк в лечебных травах, сможет даже приготовить чудодейственный состав, с целью развить в боязливом человеке смелость и способность взглянуть в лицо своему страху.

Немного помолчав, Аргимпаса серьезно и строго взглянула на притихших девочек и назидательно проговорила:

– Запомните! Многие болезни проистекают не от заразы, а от несоблюдения в нашей жизни заветов всемогущей богини Апи – покровительнице скифов!

Мирина и Томира сосредоточенно слушали наставления мудрой и опытной провидицы, стараясь не пропустить ни единого сказанного ею слова. Негромкие уверенно произнесенные слова Аргимпасы крепко оседали в сознании детей, пробуждая чувство ответственности не только за свои поступки, но и за праведную жизнь всего племени.

Почуяв чужаков, залились лаем сторожевые псы. Аргимпаса поспешно поднялась и вышла из шатра. Следом за ней метнулись девочки. Жрица громко цыкнула на собак и они,

поджав хвосты, бросились в рассыпную.

У шатра остановилась крытая войлоком повозка на высоких деревянных колесах, из которой раздавался надрывный детский плач. Повозкой управлял высокий широкоплечий кочевник с суровым мужественным лицом. Судя по богатой одежде, это был знатный воин. На нем была вышитая рубаха, короткий подбитый алым шелком шерстяной кафтан, перетянутый в талии позолоченным поясом, и узкие коричневые штаны. Высокую обувь незнакомца стягивали бронзовые браслеты, а за украшенным золотой бляхой поясом сверкал скифский боевой топорик – сагарк.

Воин ловко спрыгнул с повозки и, сняв с головы остроконечную войлочную шапку, почтительно обратился к пожилой жрице:

– Идет молва, провидица Аргимпаса, что ты самая мудрая и многоопытная целительница всей Скифии. Прошу тебя, окажи милость, помоги моему маленькому сыну! Он кричит, не смолкая, вот уже несколько дней. Шаман моего кочевья не смог помочь ребенку. Мы с женой в отчаянии, ведь это наш первенец!

Загорелое скуластое лицо незнакомца хранило спокойствие, но было очевидно, что ему стоило больших усилий подавить волнение в голосе.

– Я постараюсь помочь твоему сыну, – кивнув головой, с достоинством проговорила Аргимпаса.

Облегченно вздохнув, воин бросился к повозке и помог

выйти из нее молодой грузной женщине в цветастом шелковом платье. Она бережно прижимала к себе годовалого ребенка. Малыш пронзительно кричал и корчился от сильной боли. На красивом округлом лице женщины застыла маска страдания, а полные слез карие глаза умоляюще смотрели на жрицу. Пока мужчина поспешно складывал у ног Аргимпасы дары: двух связанных барашков, глиняный горшок с диким медом и великолепную шкуру черно-бурой лисицы, простодушная Томира, приоткрыв от восхищения рот, разглядывала украшения незнакомки. Поверх отороченного горностаем нагрудника женщины сверкали бусы из драгоценных камней, на руках блестели изящные золотые браслеты, в ушах – серьги с подвесками, а высокая замысловатая прическа из кос крепилась костяными и серебряными шпильками. Внимательно рассмотрев женщину, Томира перевела взгляд на роскошную упряжь породистых лошадей. Бронзовые удила коней были украшены позолоченными головами барсов, а золотые налобные бляшки инкрустированы цветными камешками.

Приняв подношение, Аргимпаса пригласила приезжих в свой шатер. Мирина проворно развязала барашков и поместила их под навес в небольшой загон. После чего она обхватила руками тяжелый горшок с медом и, прижав его к животу, потащила в шатер. Томира погладила ладошкой пушистый лисий мех и, кокетливо дернув плечиком, закуталась в чернобурку. Гордо выпрямившись и величаво ступая, буд-

то царица, она двинулась вслед за подругой. Мирина обернулась и, передразнивая Томиру, сильно раздула щеки и скосила глаза к переносице. Глядя друг на друга, девочки прыснули от смеха.

Тем временем Аргимпаса уже осмотрела больного ребенка. Мельком глянув на вошедшую Мирину, она велела ей принести гостям прохладного кумыса. Затем жрица подошла к резному сундуку и достала из него ожерелье, составленное из просверленных камушков, рыбьих позвонков, резцов сурка и медвежьих когтей. Жреческим украшениям придавалось большое значение, так как в них таился магический смысл. Они являлись личными амулетами, охраняющими прорицателя от злых духов, сопутствовали удаче в целительстве и гадании.

Аргимпаса надела на себя ожерелье и, вознеся молитву покровительнице скифов богине Апи, приступила к лечению. Она раздела плачущего ребенка и уложила на ковер рядом с очагом. Приподняв голову малыша, жрица напоила его теплым болеутоляющим настоем. Затем быстрым уверенным движением вправила большую паховую грыжу и принялась водить ладонью по напряженному, вздутomu животу мальчика. Мать с замиранием сердца наблюдала за действиями пожилой целительницы. Вскоре под чуткими руками Аргимпасы ребенок успокоился, его животик стал мягким. А когда малыш заулыбался и начал что-то лепетать, лицо молодой женщины просияло.

Аргимпаса подняла голову и, окинув красноречивым взором расплывшуюся фигуру гостя, с уверенностью заявила:

– Второй ребенок, которого ты носишь под сердцем, тоже мальчик.

Женщина радостно заулыбалась, обнажив крепкие белые зубы. Она поспешно сняла с себя великолепные сердоликовые бусы и, в знак признательности за добрую весть, с почти-тельным поклоном вручила их Аргимпасе.

– Судьба скифских племен решается на поле брани, – одобрительно посмотрев на жену, проговорил мужчина. – Я счастлив, что судьба распорядилась одарить меня вторым сыном. Нашему кочевью нужны сильные мужественные воины.

Жрица передала малыша в руки матери, и та принялась нежно целовать его в пухлые смуглые щечки. Аргимпаса подробно рассказала женщине, как ухаживать за мальчиком, пока он полностью не поправится, и дала с собой кувшин с целебным настоем.

Низко поклонившись жрице, воин торжественно произнес:

– Аргимпаса, ты не только необыкновенно прозорливая искусная целительница, но и очень добросердечная женщина! За исцеление сына мы, по приезду домой, принесем в жертву богине Апи самого лучшего белого коня.

Видя, что чужаки засобирались в дорогу, Мирина приблизилась к женщине и легонько пощекотала теплую ладошку

ребенка. Малыш засмеялся и, ухватив палец девочки, пытался затянуть его себе в рот. Мирина и подбежавшая Томира стали смешно агукать, забавляя мальчика. Взрослые с улыбкой наблюдали за их веселой игрой.

Еще раз поблагодарив жрицу за исцеление сына, кочевник обнял за плечи жену и направился вместе с ней к выходу из шатра. Аргимпаса и девочки вышли их проводить. Воин заботливо усадил в повозку жену с ребенком, затем взобрался сам и рванул вожжи. Повозка с грохотом тронулась с места и вскоре покинула кочевье.

Смеркалось. Заходящее солнце окрасило медленно плывущие по небу облака в сказочные цвета, отбросив от деревьев и юрт длинные фиолетовые тени. По кочевью забежали стайки молодых скифянок, которым нравилось собираться вместе по вечерам и, напевая песни, прясть тонкие нити из овечьей шерсти, а также вволю поболтать о жите-бытье и холостых парнях.

У повозки, покрытой пестрым войлочным ковром, расположились несколько девочек, которым не терпелось узнать, о чем сегодня им собирается рассказать Мирина. По заведенному обычаю дочь скифского вождя Таргитая каждый вечер с удовольствием пересказывала юным соплеменницам удивительные истории и сказки, поведенные ей перед сном бабушкой.

Закончив очередную сказку, Мирина обхватила руками колени и прислонилась спиной к высокому колесу повоз-

ки. Теплый ветерок шевелил густые черные волосы девочки, покрывавшие ее голову, шею и худенькие плечи. Мирина задумчиво посмотрела на синеющий вдали горный хребет и запела. У дочери вождя был на редкость выразительный и проникновенный голос. Частенько песни, которые напевала Мирина, звучали на странном, непонятном ей самой языке. Своей необычайной мелодичностью и красотой они ласкали слух, но резко отличались от воинственных гордых песен кочевников. Слушая пение Мирины, притихшие дети, словно зачарованные, покачивались в такт мелодии, испытывая при этом прилив умиротворяющей энергии и счастья.

Допев до конца песню, юная певица умолкла, любуясь переменчивыми красками вечерней зари.

– Мириночка, скажи нам, о чем твоя песня? – негромко попросила одна из девочек с конопатым личиком и смешным вздернутым носиком.

– Во время пения я вижу перед собой высокие заснеженные горы, – взглянув на заинтересованных слушателей, заговорила Мирина. – У подножья горного хребта раскинулось гигантское становище. Только огромные шатры там сделаны не из войлока, а из цветного камня и золота. В становище живут белокожие и краснокожие люди, которые любят одеваться в блестящие одежды и ходят пешком. Лошадей там мало, а те, что есть – уж больно неказистые. Наши горячие породистые кони – куда лучше! Вокруг этой загадочной земли много-много воды. Чужеземные купцы, изредка приезжа-

ющие в наше кочевье, говорят, что это океан. А наша Катунь, по сравнению с океаном, является просто жалким ручейком.

Бросив красноречивый взгляд на дочь вождя, одна из слушательниц – девочка с квадратным подбородком и упрямым насупленным лбом – недоверчиво хмыкнув, заявила:

– Ну и врунья же ты, Миринка!

– Неправда! Мирина никогда не лжет!!! – вскипев от негодования, воскликнула Томира.

– Я часто вижу эту таинственную страну во сне, а иногда, когда задумываюсь, и наяву, – невозмутимо глядя в лицо обвинившей ее девочки, твердо проговорила Мирина. – Но разве я заставляю тебя верить, Умат? Не хочешь, не слушай!

– Признайся! Да ты просто завидуешь Мирине! – отчаянно защищая подругу, прикрикнула на девчонку Томира.

– С какой стати мне завидовать ей?! – огрызнулась в ответ упрямица. – Тому, что она грезит наяву и не может отличить фантазии от реальности?

– Все! Хватит об этом! – решительно отрезала Мирина, заметив, что Томира, сжав кулаки, готова была напасть на обидчицу.

Пренебрежительно фыркнув, раздосадованная девчонка быстро поднялась с земли и, гордо вздернув квадратный подбородок, удалилась.

– Вечно эта противная Умат всем недовольна, так и норovit брякнуть какую-нибудь гадость! – возмутилась курносая

девчушка. — Думаю, что в следующий раз мы соберемся послушать дивные рассказы Мириночки без нее!

Настроение детей было безнадежно испорчено глупой выходкой Умат, и они разошлись по своим юртам. Рядом с повозкой остались только Мирина да ее преданная подруга Томира.

Наступила ночь. На небе взошла большая ярко очерченная луна. При лунном свете облик Алтайских гор изменился, приобретя отпечаток какой-то таинственной полусознательной жизни. Мирина с упоением рассматривала бесконечные россыпи звезд.

Ночную тишину пререзало громкое ржание стреноженного коня. Взывала спросонья какая-то собака. В ответ ей со всех сторон слышался нестройный лай сторожевых псов и раздраженные окрики людей. Задремавшая на коленях подруги Томира подняла голову и, сладко зевнув, сказала:

— Я, пожалуй, пойду спать. До завтра, Мириночка!

Кивнув, та посмотрела ей вслед и глубоко вздохнула. Вскоре в кочевье воцарилась тишина. В теплые безветренные ночи, вглядываясь в ошеломляющую красоту бездонного неба, Мирина любила предаваться мечтам. Мысли девочки витали среди мерцающих звезд в глубинах Млечного Пути. Захваченная собственными переживаниями она потеряла счет времени.

Внезапно перед глазами Мирины возникло чудесное ви-

дение. По ночному небу плыл блистающий огромный корабль с парусами, украшенными изображениями фантастического дракона и золотого трезубца. Вдоль бортов корабля двумя рядами сидели гребцы. Их весла ритмично погружались и выходили из звездной реки. На приподнятом золоченом носу корабля стояли несколько величественных жрецов в длинных ослепительно белых одеяниях. Гордо поднятые головы дивных людей были увенчаны обручами из светлого металла со сверкающими лучистыми звездами на лбу. Среди жрецов выделялась высокая фигура золотоволосого человека сказочной красоты, увенчанного короной в виде змеи с поднятой головой. Вдруг один из жрецов – могучий широкоплечий мужчина с большими жгуче-черными глазами – двинулся вперед и с лучезарной улыбкой на губах простер руку к изумленной Мирине.

– Кто вы? Откуда?! Что это за корабль?! – громко закричала потрясенная до глубины души девочка.

В тот же миг загадочное видение исчезло, словно растворилось в темном небе. Но у Мирины осталась твердая уверенность, что в этот момент между нею и могучим черноглазым жрецом образовалась незримая связь, непостижимым образом соединившая их в единое целое. Вскочив на ноги, взволнованная девочка помчалась в свой шатер, чтобы рассказать об увиденном Аргимпасе.

Погрузившись в молитву, провидица неподвижно сидела возле тлеющего очага. Бронзовые светильники, заполненные

бараньим жиром, тускло освещали жилище Аргимпасы. Их мигающие огоньки отбрасывали на стены шатра призрачные колышущиеся тени.

Мирина откусила сладкий пирог и нырнула в мягкую войлочную постель. Некоторое время она молча наблюдала за бабушкой. Каждую ночь Аргимпаса подолгу молилась за своих сородичей, как за здравствующих ныне, так и за тех, кого уже нет рядом. Иногда, погружаясь в особое состояние, жрица получала сообщения из мира Духов. Аргимпаса советовалась с этим таинственным потусторонним Миром о том, как избежать сил зла, угрожающих племени, об исцелении тяжелых недугов своих соплеменников, испрашивала наставления в прочих делах. Подумав, Мирина почему-то решила не рассказывать бабушке о загадочном видении звездного корабля. Терпеливо дождавшись окончания молитвы, она тихо спросила:

– Бабушка, откуда родом скифы? И кто были наши предки?

Аргимпаса подняла голову и, ласково улыбнувшись любознательной внучке, объявила:

– Я расскажу тебе старинное предание, которое слышала еще от своей прабабушки.

Мирина приподнялась на локте и оперлась подбородком о раскрытую ладонь. Внимание девочки было приковано к мудрому лицу старой жрицы.

– В давние-давние времена кочевало по бескрайней степи

большое племя, — начала свое повествование Аргимпаса. — Мудрые вожди заботились о сородичах. Смелые охотники приносили вдоволь зверья и птицы. Женщины искусно выделывали шкуры и шили из них красивую удобную одежду. Радостные загорелые ребяташки резвились в душистой траве. Люди племени удачно отражали набеги окружавших их враждебных племен.

Ничто не предвещало беды. Но однажды наступила великая сушь. Беспощадное солнце выжгло траву, иссякли почти все источники. Знойный ветер носился по голой, потрескавшейся от безводья степи, поднимая тучи удушливой пыли. Пропали все звери, лишь редкие птицы-падальщики кружили в пылающем небе. Начался голод. Люди страдали от жажды. Умирали старики и дети. Безотчетный страх и ужас охватили племя.

Тогда пришел к вождю могучий и храбрый воин по имени Скиф. Он сложил к ногам вождя свой тугой лук и стрелы, не знающие промаха, вытащил из-за пояса острый акинак и, безоружный, под изумленные взгляды сородичей отправился к враждебным племенам. Отважный Скиф шел к ним с надеждой получить разрешение на переход своего племени через их территорию к берегам быстрой реки. Предводители чужих племен были поражены мужеством этого воина. Они не тронули Скифа, но не дали согласия на проход его соплеменников через свои владения. Опечаленный воин вернулся к своему народу. Увидел, как поредело его племя, а те,

кто выжил, еле держались на ногах. Захлестнула тут сердце бесстрашного Скифа жгучая боль при виде страданий близких ему людей. Поднял он свои могучие руки к пышущему нестерпимым жаром Солнцу, и из его груди, переполненной любовью к сородичам, вырвался отчаянный крик:

– О Солнце – Отец всего Сущего! Возьми мою жизнь, но сохрани жизнь моему несчастному племени!!!

И тут, на глазах изумленных людей произошло чудо. С небес спустился в руки Скифа большой огненный шар, сияющий ярче солнца. Но он не жег ему руки, а лишь негромко трещал и сыпал огненными искрами. Воин медленно встал на одно колено и бережно положил огненный шар на иссохшую, потрескавшуюся землю. Раздался оглушительный грохот, дрогнула и разверзлась вдруг земля, и хлынул из ее чрева мощный источник чистейшей воды. А коленопреклоненный Скиф, пожертвовавший собой ради людей, превратился в каменную скалу. С тех пор сородичи, в честь погибшего героя, стали именовать свое племя скифским.

Прошли века. В длинные летние ночи дряхлые старики рассказывают иногда молодым скифам красивое предание о каменном воине, ценой собственной жизни спасшем свой народ от неминуемой гибели.

Проникновенный ласковый голос Аргимпасы смолк. Мирина закрыла глаза, и в ее сознании возникла поразительно живая картина. На берегу чистой прозрачной речки раскинулось многолюдное стойбище. Весело визжали и барах-

тались в воде загорелые дети. А далеко-далеко в степи высилась одинокая скала, похожая на согнувшегося человека. Из каменных рук великана бил могучий источник, дававший начало реке.

– Скажи, бабушка! А я могла быть тем доблестным воином? – тихо спросила Мирина.

Жрица взгляделась в серьезное, не по годам умное лицо ребенка и, подумав, ответила:

– Все может быть, родная! Все может быть!

Мирина уютно свернулась калачиком и, положив руки под щеку, незаметно погрузилась в сон. Аргимпаса погладила густые иссиня-черные волосы любознательной внучки и прошептала:

– Спи спокойно, моя радость. Да ниспошлет тебе богиня Апи сладкие сны!

Переведя взор на длинный меч, висевший над изголовьем спящей девочки, провидица тяжело вздохнула. Этот меч принадлежал матери Мирины – безвременно ушедшей в мир иной жены вождя Таргитая.

Дочь Аргимпасы Опия была очень красивой и воинственной женщиной. В одной из битв с массагетами пронзенная вражеским копьём Опия упала с лошади и скончалась на руках боевых подруг. Таргитай долго не мог смириться со смертью горячо любимой жены. Маленькая Мирина была чрезвычайно похожа на свою мать, и отец безумно дорожил ею. Для грозного скифского вождя дочь стала смыслом его

жизни и центром Вселенной.

Смахнув набежавшую слезу, Аргимпаса коснулась рукоятка меча, обвитой золотой проволокой и драгоценных ножен, украшенных золотыми пластинами с тисненым изображением орла, терзающего добычу. Клюв хищной птицы должен был придавать скифским воинам быстроту, силу и ловкость. Склонившись над спящей девочкой, жрица нежно поцеловала ее в теплую щечку. После трагической гибели дочери Аргимпаса перенесла всю свою любовь и ласку на маленькую внучку.

Перебирая в памяти события прошлых лет, старая жрица в глубокой задумчивости смотрела на пепел давно угасшего очага...

скифы

Мирина открыла глаза, подняла голову и прислушалась. Тихо, чтобы не разбудить спящую Аргимпасу, она быстро оделась и, выскользнув из шатра, огляделась по сторонам.

Было ясное теплое утро. Легкий ветерок овеивал девочку пьянящим ароматом трав и цветов. В бездонной синеве небес, рассыпая звонкие трели, парили жаворонки. Внезапно Мириной овладело радостное волнение.

– Отец! – мелькнула в сознании мысль. – Отец!!! – закричала она во весь голос и устремилась за пределы стойбища в поросшую ковылем степь.

В тот же миг раздался громкий отрывистый гуд. Это сидевшие на ветвях высокого развесистого дуба дозорные, заведя показавшихся вдали всадников, тревожно загудели в рог и подняли на ноги все кочевье.

Всполошившиеся люди выскакивали из юрт и крытых повозок, торопливо выхватывая на ходу мечи, луки и боевые чеканы. Агрессивные племена массагетов, населявшие сопредельные со скифами земли, вынуждали кочевье постоянно находиться в состоянии боевой готовности.

Распознав своих, люди радостно закричали и приветственно вскинули вверх колчаны со стрелами. Женщины бросились разжигать костры, чтобы приготовить праздничное угощение для усталых воинов, а суетливые старухи вы-

носили из юрт брагу и бурдюки с охлажденным кумысом. Навстречу своим отцам, матерям, братьям и сестрам понеслась в степь ватага восторженно орущих ребятишек. Их сопровождала свора заливавшихся лаем собак.

Уже был различим топот породистых статных коней, искрились и переливались на солнце их золоченые сбруи, развевались по ветру расшитые войлочные попоны. Из похода возвращалась победоносная конница могущественного скифского вождя Таргитая. Сильные, хорошо обученные и закаленные в боях воины, поднимаясь в седлах, в ответ на приветствие сородичей размахивали над головой остроконечными шапками. У многих всадников за поясами кафтанов, подбитых алым шелком, сверкали знаменитые скифские топоры – сагáрки и короткие мечи – акинáки. Наравне со своими мужьями, отцами и братьями отважно сражались и скифские женщины. Они были отличными воительницами и прославились среди кочевых племен чрезвычайно меткой стрельбой из лука.

Вслед за конницей громыхали большие колесницы и повозки, груженные всяческим добром, захваченным у неприятеля, а опытные табунщики гнали перед собой отары овец и табуны лошадей. Неделю назад кочевники массагэты напали на отдаленные скифские пастбища и похитили несколько табунов породистых коней. Вождь Таргита́й не простил врагам столь дерзкое посягательство на собственность племени и в ожесточенной битве отобрал не только свои табуны,

но и увел, чтобы было неповадно, несколько табунов массажетских лошадей и другой скот.

Таргитай гордо скакал впереди своего победоносного войска на горячем гнедом жеребце. В мощной фигуре и облике вождя чувствовалась решимость и непреклонная воля, а суровый взгляд, казалось, пронизывал насквозь, вызывая невольный трепет у окружающих его людей. Зоркий глаз Таргитая заметил мчавшуюся во весь дух Мирину. При виде дочери на его запыленном мужественном лице с высокими скулами и густой бородой, скрывавшей массивный подбородок, появилось выражение трепетной нежности. Трудно было поверить, что этот человек с широкой ласковой улыбкой во время схватки с врагом неузнаваемо менялся – становился чрезвычайно грозным, мстительным и жестоким. Разящий меч вождя сверкал словно молния, беспощадно сокрушая неприятеля. Таргитай прославился на весь Алтай не только как доблестный боец, но и как самый мудрый и непобедимый предводитель среди кочевых племен царских скифов.

Поравнявшись с бегущей ему навстречу девочкой, Таргитай слегка придержал своего коня и протянул руку. В мгновение ока Мирина оказалась в седле впереди отца. Откинувшись назад, она радостно взглянула на загоревшее до черноты родное лицо, а затем обняла Таргитая за шею и крепко прижалась к его могучей груди. Мирина очень любила своего воинственного отца и безмерно гордилась им.

– По дороге мы обогнали большой караван хорезмийских купцов, направляющихся в наше кочевье, – пригладив разметававшиеся на ветру роскошные волосы дочери, сообщил Таргитай. – Ты ведь любишь слушать их занимательные рассказы, Мириночка?!

– Ах! Как замечательно, что они едут!!! – восхитилась девочка. – Мне хотелось бы побывать вместе с купцами в разных странах и увидеть своими глазами чудеса, о которых они рассказывают!

– Как знать, дорогая! Возможно, в будущем твоей мечте и суждено осуществиться, – с улыбкой проговорил Таргитай. – На все воля Высших сил и скифской богини Апи.

С радостным гиканьем скуластые с обветренными лицами конники въехали в залитое утренним солнцем родное кочевье. Их тут же окружила восторженная толпа соплеменников. Осадив коня у шатра Аргимпасы, Таргитай спрыгнул на землю, снял с горячего скакуна Мирину и учтиво склонил голову перед вышедшей к нему пожилой жрицей. Аргимпаса поздравила вождя племени с победой над коварными массагетами и по-матерински поцеловала в лоб. Таргитай подробно рассказал провидице о ходе сражения, после чего направился в свой шатер, чтобы отдохнуть с дороги и привести себя в порядок.

Спустя некоторое время в становище въехали крытые повозки, из которых раздавались болезненные стоны раненых. Посреди кочевья остановилась колесница на высоких дере-

вянных колесах. Подбежавшие мужчины принялись бережно извлекать из нее и укладывать на землю павших в бою скифских воинов. Рядом с Мириной и Аргимпасой остановилась другая колесница. Девушки-лучницы с суровыми лицами и закушенными до крови губами, вытащили из нее тела боевых подруг. Мертвенно-бледные неподвижные тела убитых в сражении девушек вызвали у Мирины чувство ужаса и щемящей тоски.

Жалобно завывали дети. Заголосили старухи в знак скорби разрывая на себе одежду. А несчастные матери погибших лучниц в беспамятстве падали на руки сородичей.

Мирина взглянула на бабушку и вздрогнула от неожиданности. Глаза Аргимпасы с невероятно расширенными зрачками были прикованы к черному оперению стрел, торчавших из груди мертвых девушек. Яростно сжав кулаки, жрица резко повернулась в сторону владений массагетов и гневно воскликнула:

– Ты вновь решил объявить войну моему племени, презренный Амóрг!!! – гордо выпрямившись, она сурово добавила. – Но не видать тебе вожденной победы!! Это говорю тебе я – скифская жрица Аргимпаса, наделенная могуществом Светлых сил!

Девушки-лучницы, с благоговением взиравшие на величественную провидицу, склонились перед ней в почтительном поклоне. А в голове Мирины, как бы издалека, прозвучал вдруг хриплый, леденящий душу шепот: «Не стоит меня

недооценивать, Аргимпаса! С нашей последней встречи моя сила неизмеримо возросла! Посмотрим, удастся ли тебе отстоять девчонку на этот раз?!»

– Бабушка! Бабушка, кто такой Аморг? – забеспокоилась Мирина. – И почему он хочет истребить наше племя?

– Пойдем, дорогая! Мы должны позаботиться о раненых! – не ответив на вопрос внучки, строго распорядилась Аргимпаса.

Мирина еще раз взглянула на распростертые тела павших в бою девушек и стенающих возле них родственников. Горестно вздохнув и понутив голову, она побрела вслед за жрицей.

Тем временем в своей юрте радостно и возбужденно хлопотала по хозяйству мать Томиры Спаретта. В закопченном котле кипела баранья похлебка, а на горячих углях с шипением жарилась рыба. Один из возвратившихся из похода воинов сообщил женщине, что ее муж Шира́к жив и здоров, но прибудет в кочевье чуть позже, так как решил помочь табунщикам перегнать на пастбище захваченные у массагетов табуны лошадей.

Потыкав бронзовым ножом куски баранины, и попробовав на вкус похлебку, Спаретта сняла котел с очага. В тот же миг снаружи раздался пронзительный крик Томиры:

– Мама! Мама!!! Вот он! Наш отец вернулся домой!!!

Спаретта выбежала из юрты, а Томира стремглав кинулась навстречу огромному мускулистому воину, скакавшему

на рыжем грудастом коне с пышной гривой и хвостом. Увидав близких, Ширак бросил поводья и лихо соскочил с жеребца. Подхватив на руки дочь, он расцеловал ее счастливое личико и ласково взглянул на Спаретту.

— До чего же приятно вновь оказаться в родном кочевье рядом с верной женой и любимой дочуркой! — громогласно воскликнул Ширак и, загадочно подмигнув Томире, шагнул к своему коню.

Порывшись в седельных сумках, Ширак извлек оттуда золотое ожерелье, изящные сердоликовые подвески на косы и серебряный браслет. Бережно сложив подарки на большую мозолистую ладонь, он протянул ее Томире. Ликованию девочки не было предела, у нее никогда не было столь дорогих украшений. Прижав к груди подарки, она с громким верещанием запрыгала на месте. Полюбовавшись на дочь, Ширак вновь полез в седельную сумку и вытащил деревянный гребень, украшенный позолоченными фигурками животных, овальное ручное зеркальце из бронзы и браслет из переплетенных нитей нефритовых бус. Крепко поцеловав в губы зарумянившуюся от удовольствия Спаретту, он вручил ей подарки. Будучи отважным воином, заботливым мужем и отцом, Ширак отличался также деловитостью и практичностью. Сообщив жене, что несколько полезных в хозяйстве вещей, захваченных в становище поверженного врага, он припрятал в одной из повозок, Ширак взял за руку повизгивавшую от радости Томиру и направился к своей юр-

те. Следом за мужем шла Спаретта, которая с нескрываемой гордостью, несла его большой тугой лук и колчан со стрелами.

Войдя в жилище, Ширак небрежно швырнул на пол массивный щит из крепкой воловьей кожи. Затем он вытащил из-за пояса острый сагарк и, прочтя нехитрую молитву, положил его на низкий столик рядом с бронзовой фигуркой богини Апи и любимой куклой Томиры. Окинув умиротворенным взором родную юрту, Ширак устало потянулся, широко зевнул и уселся на ковер близ очага. Подскочившая Томира заботливо сняла с отца тяжелый панцирь, оберегавший от ранений корпус воина. Скифы изготавливали свои защитные панцири из железных и медных прямоугольных пластин с закругленной нижней частью, которые нашивались на кожаное основание. Глаза девочка испуганно расширились, когда она обнаружила, что на некоторых пластинах появились новые вмятины и царапины от неприятельского оружия. Украдкой коснувшись губами панциря, защитившего ее отца от верной смерти, Томира поместила его на деревянный сундук.

Спаретта выловила черпаком из похлебки крупные куски баранины и сложила их на бронзовое блюдо. Поставив перед мужем еду, женщина налила полную чашу крепкой браги. Затем осторожно, стараясь не расплескать, она передала ее Шираку и, подобрав под себя ноги, уселась напротив.

Схватив грязными руками большой кусок горячего аро-

матного мяса, Ширак с жадностью принялся за еду, обильно заливая жиром густую бороду. Съев второй кусок баранины, он отхлебнул браги, вытер рукавом жирные губы и принялся рассказывать жене о том, как стремительная скифская конница разгромила ненавистных массагетов и разграбила их кочевье. Сделав изрядный глоток браги, Ширак продолжил:

– По приказанию Таргитая были оставлены в живых только старики, женщины и дети. После битвы нам удалось обнаружить и освободить из рабства захваченных ранее массагетами скифов и представителей других союзных племен.

Спаретта внимательно слушала рассказ мужа и время от времени одобрительно кивала головой.

– Но это еще не все, Спаретта! – серьезно посмотрев в глаза жены, заявил Ширак. – В сражении принял участие и предводитель массагетских шаманов Аморг. Вот уже несколько лет как это коварное исчадь ада не объявлялось на поле битвы, предпочитая сеять зло и раздор на пограничных со Скифией территориях.

– Аморг?! – дрогнувшим голосом переспросила женщина. – Сколько горя и страданий принес нашему племени этот гнусный кровожадный массагет! Ведь именно от его руки пала на поле боя наша славная воительница Опия – жена вождя Таргитая. Из-за него осиротела Мириночка!!!

– Да, Спаретта! Черный шаман Аморг – чрезвычайно опасный и страшный враг! – нахмурившись, отозвался Ши-

рак. – Я видел собственными глазами, как пущенные в него скифские стрелы, непостижимым образом меняя вдруг траекторию своего полета, не достигали цели. Но смертоносные, с черным оперением стрелы Аморга всегда находили свою жертву. Подлому шаману с небольшой группой уцелевших всадников удалось уйти от погони и скрыться в горных отрогах, – скрипнув зубами, Ширак гневно прорычал. – Попадись мне в руки этот Аморг!!! С каким наслаждением я свернул бы ему шею!!!

В приступе дикой ярости Ширак так крепко сжал в кулаке глиняную чашу, что та треснула и раскрошилась. Многочисленные осколки с шорохом упали на кошму. Проворно вскочив на ноги, Спаретта налила браги в другую чашу и с понимающим взором подала ее мужу. А с интересом прислушивавшаяся к разговору родителей Томира, юркнув под руку отца, быстро собрала мокрые осколки и выбросила их из юрты. Вернувшись, девочка нежно обняла Ширика за крепкую шею и потерлась лбом о его щеку. От бесхитростной ласки ребенка лицо могучего воина просветлело, и он постепенно успокоился.

– Радость победы над массагетами отравляет лишь мысль, что в сражении погибли несколько скифских воинов и среди них четыре славные девушки-лучницы. Они бесстрашно шли в бой, поражая врага своими меткими стрелами, – сказал в заключение Ширак и с тяжким вздохом поглядел на жену.

– Как жаль, что смерть забирает таких молодых и здоровых! – печально отозвалась Спаретта. – Но я уверена, что могущественная богиня Апи позаботится о доблестных скифских воинах, обеспечив им безбедное существование в Мире предков!

Тем временем Томира надела на себя все привезенные отцом украшения и с восторгом разглядывала свое отражение в новом зеркальце.

– Пожалуй я пойду показать подарки Мирине! – замирая от счастья, воскликнула девочка.

– Думаю, что сейчас не время хвастать обновками! – неодобрительно качнув головой, строго произнесла Спаретта. – Провидица Аргимпаса и Мирина очень заняты. Они оказывают помощь раненым в бою воинам, а ты можешь им помешать!

– Вовсе нет! Жрица Аргимпаса совсем не будет сердиться! Они с Мириной уже многому меня научили, я смогу помочь им ухаживать за ранеными, – с гордостью объявила Томира и, бережно сняв украшения, выбежала из юрты.

– Как знать, возможно, из нашей Томирочки со временем получится неплохая целительница! – предположила Спаретта, с теплой улыбкой глядя вслед дочери.

Ширак согласно кивнул головой и вновь принялся за еду. Утолив голод и неторопливо допив хмельную брагу, он вытянулся на толстом ковре, устлавшем пол. Положив голову на пеструю войлочную подушку, Ширак мгновенно заснул.

Его раскатистый богатырский храп, казалось, сотрясал стены юрты.

Присев на корточки рядом со спящим мужем, Спаретта с любовью вглядывалась в его усталое бесконечно дорогое ей лицо. Ширак не был красив. У него был заросший бородой твердый подбородок, крупный нос и выступающие скулы. Но выразительные карие глаза, улыбчивые губы, веселый нрав и могучее телосложение делали его весьма привлекательным мужчиной. Каждый раз, когда муж отправлялся в поход, Спаретта в страшной тревоге молилась день и ночь богине Апи, прося ее быть милостивой к Шираку и вернуть его семье живым и невредимым. Спаретта взяла чистую тряпицу и, намочив ее в родниковой воде, осторожно смыла запекшуюся кровь со лба мужа. Вражеская стрела лишь слегка задела его, разорвав кожу на голове.

Поцеловав крепко спящего Ширака, женщина поднялась и вышла из юрты. Она сняла с коня мужа седло, уздечку с позолоченными головами оленей и чепрак из дорогой китайской ткани. Затем Спаретта тщательно вычистила могучего статного жеребца скребницей. Скифы любили своих красивых породистых скакунов. Хорошо вышколенный боевой конь не только нес своего хозяина, но и активно помогал ему в бою. Мощные удары копытами были весьма опасны для врагов. Спаретта угостила жеребца лакомством – куском вчерашней лепешки. Теплыми мягкими губами конь осторожно взял из рук женщины угощение и спокойно дал себя

стреножить.

– Рыжий! Рыжий! Красавец ты наш! – ласково проговорила Спаретта, потрепав его по сильной мускулистой шее.

Как бы в знак благодарности за ласку, жеребец энергично закивал гривастой головой, после чего принялся мирно щипать траву, растущую подле юрты.

Сородичи уложили раненых в бою воинов на войлочные подстилки перед шатром Аргимпасы и стояли поодаль, терпеливо ожидая, пока целительница закончит осмотр. Аргимпаса сосредоточенно переходила от одного раненого к другому. Она обрабатывала резанные раны лечебными настоями, быстро и ловко вытаскивала обломки стрел, прикладывала целебные зелья. Пожилой жрице помогала Мирина. Точным уверенным движением девочка пережимала сосуды и останавливала кровотечение. Ее небольшие сильные руки старательно накладывали повязки из белого трепленого холста, и для каждого страдальца у Мирины находилось теплое ободряющее слово. Нашлась работа и прибежавшей на помощь Томире. По распоряжению Аргимпасы она приподнимала голову раненых и поила их болеутоляющим или обеззараживающим настоем.

После того как была оказана помощь всем пострадавшим, жрица позволила родственникам забрать домой тех, кто получил в бою незначительные повреждения. А тяжелораненых Аргимпаса приказала оставить рядом со своим шатром, чтобы было удобнее присматривать за ними. Соплеменники

быстро соорудили над оставленными воинами просторную юрту и разошлись по своим жилищам. Провидица и девочки остались ухаживать за ранеными. Время от времени Аргимпаса меняла промокшие от крови повязки, а Мирина и Томира смачивали родниковой водой сухие потрескавшиеся губы воинов. Один из них, израненный сразу несколькими массагетскими стрелами, громко стонал, метался в бреду и что-то бессвязно бормотал. Мирина заботливо напоила воина отваром из корня подорожника и положила свои прохладные ладони на его пылающий лоб. Через некоторое время лихорадка уменьшилась, и раненый забылся в тяжелом сне.

Воспользовавшись передышкой, Томира, тронув за рукав Аргимпасу, робко спросила:

– Провидица, мой отец рассказывал маме, что в этом сражении участвовал массагетский шаман Аморг. Почему этот жуткий человек неуязвим в бою? И чем отличаются смертоносные с черным оперением стрелы Аморга от наших – скифских?!

Девочки заметили, как при упоминании имени массагетского шамана сменилась в лице Аргимпаса. Обычно мягкое, доброжелательное выражение исчезло, превратив лицо жрицы в холодную презрительную маску. Гневно сверкнув глазами, Аргимпаса сухо произнесла:

– Никогда еще степь не порождала существа более низменного, злобного и кровожадного. При появлении на свет Аморга сама природа содрогнулась от ужаса и отвращения.

Средь бела дня настала ночь. На солнце напозла зловещая черная тень, воцарилась гнетущая тишина, умолкли птицы, сомкнулись чашечки цветов. Аморг еще довольно молод, но за свои сорок лет, он умудрился натворить столько бед, сколько не сотворили за целое столетие все массагетские шаманы вместе взятые. Аморг почти неуязвим, так как находится под охраной подвластных ему духов Тьмы – беспощадных и жестоких, как он сам.

Сделав паузу, Аргимпаса взглянула на притихших девочек и, огорченно вздохнув, продолжила:

– Что же касается упомянутых Томирой стрел с черным оперением, то могу пояснить. В отличие от скифских стрелы черного шамана Аморга имеют трехгранный наконечник с острым шипом у основания. Эти стрелы наносят тяжелейшие ранения. Их невозможно вытащить, так как при извлечении древка, шипы остаются в ране, глубоко поражая плоть и разрывая сосуды.

– Бабушка, а о какой девочке говорил черный шаман? – тихо спросила Мирина, пристально глядя в глаза старой жрицы.

– Так значит, ты тоже слышала его угрозу, Мирина?! – судорожно глотнув воздух, воскликнула Аргимпаса и на мгновение, чтобы скрыть охватившее ее волнение, прикрыла лицо ладонями.

Когда провидица опустила руки, ее мудрое исчерченное морщинами лицо было спокойным, а прозвучавший голос

решительным и строгим.

– Раз ты, детка, смогла уловить сокровенные мысли Аморгы, то уже не имеет смысла скрывать от тебя страшную истину! Между тобой, Мириночка, и злодеем Аморгом существует некая незримая, но прочная связь, и это меня чрезвычайно тревожит. Связь возникла в ночь, предшествующую твоему рождению, когда я обнаружила призрачно-сумрачную тень Аморга, бродившую вокруг шатра Опии и Таргитая. Это была наша с ним первая схватка – открытое противостояние Светлых и Темных сил. Мне удалось одержать победу и не позволить шаману Аморгу убить тебя еще во чреве матери.

– Провидица, если природа так страшно отозвалась на рождение злодея Аморга, то как она отметила появление на свет Мирины? – трепеща от волнения, вновь вмешалась в разговор Томира.

Аргимпаса улыбнулась замершей в тревожном ожидании девочке и с воодушевлением произнесла:

– Рождение нашей любимой Мириночки было отмечено, поистине, знаменательным событием! Небо буквально расцвело от обилия падающих звезд. Все племя от мала до велика любовалось этой дивной картиной. А старейшины единогласно предрекли малютке Мирине необыкновенную судьбу, полную великих свершений!

Выслушав жрицу, Томира с обожанием окинула взглядом ладную фигурку подруги и воскликнула:

– Я всегда чувствовала, что Мириночка – луч Света, посланный нашему племени всемогущей богиней Апи!

– Ну и болтушка же ты, Томира! – тихо, чтобы не потревожить сон раненых воинов, засмеялась Мирина.

Аргимпаса ласково обняла обеих девочек и прижала их к себе.

Около полудня в кочевье вошел большой торговый караван, прибывший из далекого Хорэзма. Скифы с радостными возгласами кинулись к чужестранцам. Особенно ликовала детвора, ведь подобные события случались в их становище не столь уж часто.

Купцы степенно раскладывали свои товары и вкрадчивыми, притворно-мягкими голосами приступали к торгам. Хорезмийцы знали, что лихие скифские охотники и пастухи, всегда готовые сразиться за лучшие пастбища, были к тому же талантливыми ремесленниками. Их резные деревянные вещицы, украшенные изображениями орлов, снежных барсов, благородных оленей и фантастических грифонов, высоко ценились в Хорезме, Персиде, Ассирии и других приморских странах. Пользовались спросом и замечательные скифские изделия из кожи и шерсти. Но степняки бдительно сохраняли от иноземцев секреты своих художественных ремесел.

Скифы несли купцам пушистые меха и искусные поделки, а взамен приобретали длинные железные мечи с позоло-

ченными рукоятями, бронзовые ножи, котлы, разноцветные заморские ткани, украшения и всякие безделушки для жен и детей.

Сухопарая женщина с обветренным лицом и узловато-мохолистыми от тяжелого каждодневного труда руками принесла караванщикам большой шерстяной ковер. На его ярком цветастом фоне были мастерски изображены конные всадники, олени и фантастические грифоны, а по краю проходил бордюр из изящного растительного орнамента. Пожилой купец с блестящей лысиной и выступающим брюшком, сощутив глаза, придирчиво оглядел ковер. Искусная работа скифянки ему явно понравилась. Хорезмиец негромко кашлянул, его беспокойно бегающие глазки остановились на лице кочевницы.

– Что ты хочешь за ковер? – вкрадчивым голосом поинтересовался купец.

– Моя дочь скоро выходит замуж и мне необходимо приобрести ей в приданое красивые вещи, – вскинув голову, с достоинством отозвалась женщина.

Караванщик с приторно-добродушной улыбкой сделал широкий жест рукой в сторону разложенного товара. Поколебавшись, женщина выбрала ручное серебряное зеркало, вместительный черно-лаковый ларец, инкрустированный золотом и перламутром, и кусок цветастого китайского шелка. Купец хотел было поторговаться, но, вовремя заметив, что за сделкой пристально наблюдают четверо скифских во-

инов с острыми акинаками за поясом, осекся. Хорезмиец знал о диком необузданном нраве степняков и, потому, опасался невзначай вызвать их недовольство бесчестным торгом. Женщина забрала покупки и ушла, а купец довольно потер руки. Сделка оказалась выгодной. В Хорезме за великолепный ковер можно было выручить денег намного больше, чем стоимость приобретенного кочевницей товара.

После того как стихли торги, и возбужденные соплеменники разошлись по юртам, унося приобретенные у хорезмийцев товары, Таргитай пригласил караванщиков в свой шатер.

В просторном устланном коврами жилище вождя для иноземных гостей было приготовлено отменное угощение. На низких деревянных столиках, уставленных большими серебряными блюдами, виселись горы жареной баранины и оленины. Покрытые румяными корочками куропатки источали дивный аромат. В центре на огромном позолоченном блюде лежал добрый шмат аппетитно приготовленной конины с воткнутом в него острым ножом. А расписные чаши гостей были доверху наполнены охлажденным крепким кумысом и хмельной брагой.

Войдя в шатер, купцы почтительно поклонились хозяину и поблагодарили его за приглашение. Пока хорезмийцы рассаживались на войлочных подушках за обеденными столиками, Таргитай послал за Аргимпасой и дочерью своего телохранителя Ширака.

Жрица поручила двум расторопным девушкам и Томире присматривать за ранеными, после чего вместе с Мириной поспешила в шатер вождя. Завидев знаменитую на всю Скифию провидицу, купцы уважительно смолкли и склонили перед ней головы. Аргимпаса величаво проследовала мимо гостей и заняла почетное место за пиршественным столом слева от Таргитая. По правую сторону вождя находился особый дубовый столик, на котором было разложено его личное оружие, богато украшенное чеканкой, позолотой и самоцветами. Мирина беззаботно примостилась на коленях отца и с любопытством разглядывала чужеземцев.

По знаку вождя Ширак взял в руки высокий серебряный сосуд, имевший форму амфоры с двумя боковыми ручками. Вся поверхность сосуда была покрыта изумительной резьбой. Верхнюю часть амфоры украшали фигурки крылатых грифонов, терзающих оленя, а рельефный фриз по выпуклой поверхности сосуда мастерски отображал скифских воинов с натянутыми луками и колчанами за спиной. Ширак наполнил крепким вином из амфоры золотые кубки Таргитая и Аргимпасы, а затем по старшинству чаши гостей.

– Я предлагаю выпить это великолепное вино за победу славной скифской конницы над подлыми массагетами! – подняв свой кубок, громогласно произнес Таргитай.

Хорезмийцы с удовольствием поддержали тост скифского вождя. Они недолюбливали кочевников-массагетов за их чрезмерную агрессивность и коварство. Отдав должное

обильной сытной еде, начальник каравана – белобородый купец с редкими седыми волосами и прищуренными хитрыми глазами на умном худощавом лице, – поднялся с места. Низко поклонившись хозяевам, он учтиво-льстивым голосом заявил:

– Мы глубоко уважаем тебя, вождь Таргитай, и благодарим за оказанное гостеприимство. Пользуясь случаем, мы хотели бы предложить тебе заключить с нами взаимовыгодную сделку.

Таргитай снял с головы островерхую войлочную шапку и положил ее поверх своего оружия, давая тем самым понять, что весь во внимании и готов слушать. Темные с проседью волосы вождя были с боков головы гладко выбриты, а от макушки до темени собраны в слабо заплетенную косу. В мочке левого уха скифского предводителя поблескивала массивная золотая серьга.

Караванщик осторожно поглядел в суровое лицо Таргитая. Этот рослый чрезвычайно сильный и властный кочевник вызывал в хорезмийце невольный трепет и страх. Но купец твердо знал и то, что, несмотря на воинственный, порой необузданный нрав, скифы отличались благородством и честностью. Они свято держали данное слово или обещание и, в отличие от персов, мидян, саков и массагетов, у скифов не было обычая убивать беззащитных женщин и детей. Еще раз вежливо поклонившись вождю, купец продолжил свою речь:

– Я привел свой караван, доблестный Таргитай, в надежде закупить у твоего племени сотню горячих породистых лошадей солнечной масти, столь высоко ценящихся на моей родине.

Каждый раз, забираясь вглубь необозримых степей, населенных не всегда миролюбивыми племенами, караванщики рисковали жизнью. Но великолепные, быстрые как стрела, златогривые скифские скакуны стоили того. Чужеземцы с почтительным восхищением называли их «Золотые кони» или «Кони утренней зари».

Назвав цену, по которой хотел бы приобрести лошадей, купец бросил молниеносный взгляд на Аргимпасу. Хорезмиец уже неоднократно заключал подобные сделки с вождем этого племени, но побаивался старой, всеведущей жрицы. Она словно читала его мысли и вовремя предупреждала Таргитая о нечестном торге.

Аргимпаса пристально и строго посмотрела в лицо купца и, чуть заметно, кивнула вождю. Предложенная за коней цена оказалась приемлемой для обеих сторон. За резвыми скифскими лошадьми приходили караваны не только из Хорезма и Мидии, но и загадочной страны Чжбу, откуда желтолицые узкоглазые люди привозили редкостные товары и пестрые шелка. Они называли себя китайцами, а свою родину – «Поднебесной».

Таргитай охотно заключил с хорезмийцами предлагаемую сделку, и пиршество продолжилось. В знак расположения

начальник каравана почтительно преподнес в дар провидице Аргимпасе небольшую нефритовую чашу, а маленькой Ми-рине подарил золотой браслет с тремя мерцающими камушками.

Мирина оживилась, когда купцы, чуть опьянев от крепкого вина и браги, наперебой стали рассказывать Таргитаю и Аргимпасе о далеких странах и населявших их людях. Хорезмийцы оказались великолепными рассказчиками, будучи отчаянными путешественниками, они красочно повествовали о своей торговле не только с кочевниками и прибрежными народами, но и обитателями стран, расположенных по другую сторону морей. Караванщики сообщили, что им доводилось прибегать к услугам отважных мореходов, бороздящих водные просторы на кораблях с большими парусами, украшенными изображениями фантастических чудовищ и змей.

Любознательной скифской девочке, жадно слушавшей рассказы купцов, необычайно понравились описания яростно бушующих ураганов и грозных океанских штормов.

– Однажды, я просто чудом выжил, когда наш торговый корабль попал в сильнейший шторм! – вступил в разговор толстый рыжебородый купец. – Мы переплывали Средиземное море, держа курс на другой континент, населенный людьми с черной кожей.

– С черной кожей?! Разве такое возможно? – почесав за ухом, с сомнением переспросил Таргитай.

– Да, именно с черной!!! – с готовностью подтвердил

слова рассказчика другой купец. — Мы постоянно закупаем у них изумруды и слоновую кость. Как-то, по пути к чернокожим, мы стали свидетелями удивительного явления. Во время сильного волнения на море, когда тяжелые грозовые облака нависли над судном, на его мачтах и реях появилось вдруг загадочное свечение. Оно сопровождалось легким потрескиванием, а по раскачивающим корабль волнам забежали необычайно красивые огоньки.

— Появление этих огней воспринимается опытными мореходами как добрый знак, возвещающий об окончании шторма! — вновь встрял в разговор рыжебородый хорезмиец.

Затаив дыхание, юная Мирина прислушивалась к оживленному застольному разговору взрослых. Пылкое воображение девочки рисовало ей загадочную «Ойкумену» — край земли. Пытливые ясные глаза ребенка, казалось, излучали потоки мерцающего света. Большие мозолистые руки Таргитая ласково перебирали черные пряди роскошных волос дочери. Ему было известно, что подобные рассказы бывалых людей доставляли Мирине великую радость, и потому всегда приглашал чужеземных караванщиков в свой шатер. Вождь скифского племени и сам отличался немалой любознательностью. Занимательные рассказы иноземных купцов в глубине души волновали Таргитая, но это волнение было надежно сокрыто под личиной суровости и рассудительности.

После окончания трапезы Таргитай поднялся, надел на голову свою островерхую шапку и заткнул за пояс острый са-

гарк. На золотой поясной бляхе вождя был изображен готовый к прыжку снежный барс. Купцы поспешно покинули шатер вслед за хозяином. Часть из них осталась в кочевье присматривать за товаром, а остальные вместе с вождем племени отправились в степь, чтобы отобрать для покупки сотню достойных коней.

После того, как Таргитай с хорезмийцами отбыл на пастбища, Аргимпаса и Мирина вернулись к тяжелораненым воинам. За горным перевалом, куда вождь по широкому проходу доставил купцов, раскинулось огромное пространство степи. На богатых пастбищах вольготно бродили несметные табуны горячих золотисто-рыжих коней. Количество породистых лошадей символизировало у скифов могущество и благосостояние племени.

– Этой весной кобылицы дали хороший приплод. Народилось множество красивых породистых жеребят, – со знанием дела сообщил Таргитай начальнику купеческого каравана.

Неподалеку несколько скифских воинов, при свете еще довольно яркого вечернего солнца, обучали своих малолетних детей верховой езде и стрельбе из лука. Глядя на малышей, хорезмиец от изумления потерял дар речи. Придя в себя, он с ужасом воскликнул:

– Как! Как это возможно?! Да они совсем малышки, ребятишкам нет и шести лет. Они же могут упасть с лошади и покалечиться!!!

В ответ на слова чужеземца Таргитай громогласно захо-

хотал, обнажив при этом ряд здоровых крепких зубов.

— Скифы воспитывают своих детей неприхотливыми и выносливыми! — гордо заявил вождь. — С раннего детства мы прививаем им необходимые навыки — закалку воина и охотника, тренировку бесстрашия, развитие силы, ловкости и сообразительности. Эти качества служат основой для чувства превосходства над противником во время сражения!

Подивившись странным обычаям степняков, купцы принялись придирчиво отбирать коней. Но практически все быстрые неутомимые скифские кони были безупречны. Купленных златогривых скакунов табунщики с гиканьем погнали к стойбищу, чтобы присоединить к хорезмийскому каравану.

Вернувшись в кочевье, Таргитай распорядился снарядить отряд лучников, чтобы на рассвете завтрашнего дня они сопровождали богатый караван до территории дружественного скифского племени вождя Кадрия. Хорезмийские купцы опасались рыскающих повсюду массагетов, донельзя обогранных своим поражением в недавней битве со скифами. В знак особого расположения Таргитай предложил начальнику чужеземного каравана скоротать время за игрой в алтайские шашки, на что тот с радостью согласился.

Уставшая за день Аргимпаса отправилась отдохнуть в свой шатер, наказав девушкам немедленно разбудить ее, если кому-то из раненых станет вдруг хуже. Проголодавшаяся Томира, пошептавшись с подругой, умчалась ужинать

в свою юрту.

Мирина присела на корточки у постели тяжелораненого сорокалетнего мужчины. Он метался в горячечном бреду, вскрикивал, беспокойно шарил возле себя руками в поисках оружия, чтобы сразить невидимого врага. Девочка осторожно сменила воину окровавленную повязку, придерживав голову, напоила противохолерадным настоем из корня подорожника и положила на лоб тряпицу, смоченную в студеной ключевой воде. Через некоторое время раненый пришел в себя, открыл глаза и с недоумением, не понимая, где находится, стал озираться по сторонам. Когда его затуманенный взор остановился на заботливом, сопереживающем лице Мирины, мужчина слабо улыбнулся девочке, облегченно вздохнул и погрузился в глубокий сон.

– Сделай милость, спой нам, Мириночка! – тихим болезненным голосом попросил один из раненых.

– Да, да! Спой нам песню, звонкоголосая пташечка! – поддержали его другие тяжелораненые соплеменники.

Им было известно, что дивный голос этой невысокой хрупкой девчушки глубоко проникал в душу слушателей, словно обволакивая ее. Под воздействием вдохновенного пения Мирины постепенно стихала жгучая боль, терзающая израненное тело, приходило состояние покоя и веры в светлое будущее.

Мирина постоянно слышала мелодию в легком дуновении и порывах ветра, в течении полноводной Катунь, то-

поте быстроногих скифских лошадей и невесомом полете белоснежных облаков. Песни сами безо всякого на то усилия складывались в ее голове. Сочувственно взглянув на измученные лица раненых соплеменников, Мирина уселась на пол и, обхватив руками колени, принялась вполголоса напевать. Ее песни были разные – о горе и радости; дне прошедшем и грядущем; о весне и лете; о пестрящей разноцветьем степи и родном кочевье.

Утром следующего дня навестить тяжелораненых пришел Таргитай. Он заботливо справился у Аргимпасы о самочувствии своих доблестных бойцов и, как мог, постарался их приободрить. Опытная жрица отчаянно боролась за жизнь каждого раненого воина и не позволила ни одному из них безвременно уйти в Мир предков.

Внезапно снаружи юрты раздался drobный конский топот, затихший где-то рядом. Таргитай вместе с Аргимпасой и дочерью вышел из юрты и увидал Томиру, сидевшую верхом на рыжем разнузданном жеребце. Босоногая девчушка одной рукой цепко держалась за пышную гриву коня, а другой ласково поглаживала его по мощной гордо выгнутой шее.

– Отец поручил мне отогнать Рыжего в табун! – быстро сообщила Томира и, робко взглянув на вождя племени, добавила. – Я отправляюсь туда на весь день, а возможно и с ночевкой. Можно Мириночке поехать вместе со мной?!

Сложив на груди ладошки, Мирина умоляюще посмотрела в лицо отца. Таргитай широко улыбнулся дочери и, по-

вернув голову, гаркнул во весь голос: «Ко мне, Гнур!!!». Могучий гнедой жеребец с длинной иссиня-черными гривой и хвостом, щипавший траву около шатра вождя, наострил уши и, радостно заржав, поскакал на зов хозяина. Таргитай снял с него богатую упряжь, а затем, как пушинку подхватил одной рукой дочь и усадил ее на широкую спину коня.

В предвкушении свободы Гнур и Рыжий нервно перебирали длинными стройными ногами и поглядывали на людей темными блестящими глазами. Умные животные понимали, что сейчас их отпустят в табун, где на зеленом лугу пасутся резвые кони и молодые кобылицы с жеребятами.

Вождь звонко хлопнул по спине Гнура. Томира прищипала своего Рыжего голыми пятками, и пара быстрых породистых жеребцов помчалась в степь. Несмотря на юный возраст, девочки были превосходными наездницами. Они лихо держались на лошадях даже без седел и уздечек. Засунув в рот пальцы, Таргитай пронзительно свистнул, и кони полетели во весь опор, словно выпущенные из лука стрелы. Мирина и Томира пригнулись к шеем горячих жеребцов и, вцепившись обеими руками в их развевающиеся гривы, словно слились с ними в единое целое. В разгоряченные лица маленьких всадниц бил горьковато-духовитый степной ветер. Девочек переполнял восторг и безмерная радость от ощущения полета над колышущимися волнами ковыля. Они захлебывались от душившего их смеха и громко кричали, погоняя своих неугоминых скакунов.

Отпустив жеребцов в табун, неразлучные подружки занялись делом. Они помогали женщинам доить кобылиц, вместе со взрослыми водили табуны на водопой, присматривали за резвыми жеребятами. Мирина заприметила на пастбище красивого двухнедельного жеребенка серебристо-серой масти с белой гривой и хвостом. У него была небольшая выразительная голова, живые умные глаза, а на лбу выделялось яркое белоснежное пятно в виде звезды. Перебирая тонкими длинными ногами, маленький жеребчик двигался грациозно и стремительно. В отличие от других лошадей при беге он одновременно выбрасывал ноги то с одной стороны, то с другой – сначала левую пару, затем – правую. Мирина поймала жеребенка и со знанием дела оглядела со всех сторон. После чего она обняла его за шею и, поцеловав в теплую мордочку, сказала:

– Подрастай скорее, я буду с любовью заботиться о тебе и терпеливо обучать всем премудростям, необходимым для выносливого боевого коня! И поверь мне, со временем ты станешь самым прекрасным и быстроногим конем Скифии!

Словно поняв, о чем идет речь, жеребчик звонко заржал и, вытянув шею, положил голову на плечо Мирины. Нервно переступая красивыми ногами, к ним подошла встревоженная белая кобылица. Фыркнув, она потянулась мордой к девочке, обнюхала ее, а затем, поняв, что ее жеребенку ничего не грозит, коснулась мягкими губами уха девочки. Мирине стало невыносимо щекотно, она звонко рассмеялась и, по-

гладив на прощание приглянувшегося ей жеребенка, отпустила к матери. Вскоре кобылица вместе с жеребенком скрылись в табуне.

Пробежавшись по пастбищу, Мирина отыскала Томиру. Та с большим интересом наблюдала, как опытные воины обучали тонкостям верховой езды своих подрастающих сыновей. Еще сызмальства скифских детей воспитывали как будущих воинов, способных защитить свое кочевье от любого врага. Привыкшие к почитанию своих родителей, мальчики внимательно прислушивались к советам взрослых наставников. Внезапно один из воинов выбросил перед конем с юным наездником широкий пестрый плащ. Увидав перед собой возникшую вдруг преграду, жеребец взвился на дыбы, рискуя сбросить седока. Но крепкий двенадцатилетний мальчуган великолепно держался в седле. Твердой рукой он уверенно укротил вздыбившегося коня, причем на лице мальчика не отразилось и тени испуга или волнения.

– Молодец, Гойтосір!!! Ты заслуживаешь похвалы! – одобрительно крикнул ловкому пареньку отец.

Заметив наблюдавших за ним девочек, Гойтосир выпрямился в седле и гордо вскинул голову. В ответ Томира состроила ему забавную рожицу и показала язык, а Мирина очень похоже изобразила его подчеркнуто горделивую позу. Заметив, что мальчик немного смутился, подружки с хохотом убежали прочь. Побродив по степи, девочки нашли пару корней солодки и, очистив от земли, принялись с удовольстви-

ем их жевать.

– А ведь тебе понравился этот крепыш Гойтосир! – лукаво подмигнув, воскликнула Мирина.

От неожиданности Томира выронила из рук сладкий корень и, широко раскрыв глаза, уставилась на подругу.

– Да будет тебе! Ну, с чего ты это взяла? Какая же ты выдумщица! – задыхаясь от негодования, забурчала девочка.

– Тогда с чего же ты вдруг так покраснела? – чуть насмешливо осведомилась Мирина.

– Ах, так! Да я тебя сейчас поколочу, Миринка!!! – закричала растерянная вконец Томира.

– А ты вначале попробуй догони! – озорно хохотнула Мирина и, развернувшись, помчалась во весь дух по траве.

Небрежно откинув за спину толстые косы, Томира бросилась вдогонку. Они долго носились друг за другом по степи, пока обессиленная Томира не рухнула на землю. Рядом с ней повалилась в душистую траву и Мирина.

– А ведь Гойтосир и в правду хорош собой, – чистосердечно призналась Томира, задумчиво разглядывая ярких бабочек, порхавших над цветками зверобоя и первоцвета.

– Да, из этого паренька выйдет хороший воин – сильный и отважный! – взглянув на подругу, серьезно отметила Мирина.

Вечером, когда над степью нависло малиново-красное зарево заката, у ярко пылающего костра начали собираться молодые пастухи и дети. Они пришли послушать заниматель-

ные правдивые рассказы пожилого, умудренного опытом табунщика Саксафара по прозвищу «Хитрый лис».

– Иди к нам, Гойтосир! – громко крикнула Мирина, заметив крепкую фигуру знакомого мальчугана.

Томира толкнула локтем подругу в бок и возмущенно засопела. Приблизившись к девочкам, Гойтосир широко и приветливо улыбнулся. Взглянув на Мирину, мальчик учтиво склонил голову и произнес:

– Я знаю, ты Мирина, дочь вождя Таргитая. А кто ты? – спросил Гойтосир, с любопытством разглядывая зарумянившуюся от смущения Томиру.

Милое умное личико, выразительные карие глаза и улыбка губы, говорившие о природной смешливости этой девчушки, вызвали невольный трепет в душе подростка.

– Так кто же ты? – настойчиво повторил свой вопрос Гойтосир.

Справившись, наконец, с волнением она выпалила:

– Я дочь Ширака – близкого друга и телохранителя вождя.

– А зовут ее Томира. Она самая замечательная девочка на свете! – вмешалась в разговор Мирина. – На мою подругу произвело большое впечатление то, с какой ловкостью ты укротил сегодня горячего коня.

Томира нахмурилась и так выразительно глянула на Мирину, что та осеклась и умолкла.

– От своего отца я много слышал о Шираке, как об чрезвычайно сильном, мужественном и храбром воине, – с ува-

жением проговорил Гойтосир, глядя в лицо вновь засмущавшейся Томире. — Наши отцы не раз бились с врагом плечом к плечу и выручали друг друга в трудную минуту. И я рад, что познакомился с дочерью такого достойного человека, как Ширак!

— А кто твой отец, Гойтосир? — поинтересовалась Мирина.

— Имя моего отца — Мадий. Он очень опытный табунщик и доблестный воин, — с готовностью отозвался мальчик. — Наша юрта стоит далеко в степи. Я помогаю отцу и старшим братьям пасти породистых скакунов на удаленных от кочевья пастбищах, и поэтому мне не довелось познакомиться с вами раньше. Прослышав от табунщиков о победе скифов над гнусными массагетами, я прискакал сюда на рассвете, чтобы поскорее встретиться с возвратившимся из похода отцом.

Пока Гойтосир рассказывал о себе, Томира внимательно его разглядывала. Это был высокий загорелый крепкого телосложения подросток с густыми черными волосами, темно-серыми смеющимися глазами и красиво очерченным ртом. Гойтосир почему-то запал ей в душу, и Томира ничего не могла с этим поделать, и потому страшно злилась на себя.

При последних лучах садившегося за горизонт солнца, краски на небосклоне стали ежеминутно меняться. Насыщенный розовый цвет сменился сначала на алый, потом бордовый, а затем стал синим и фиолетовым. Быстро поползли удлинившиеся извивающиеся тени. Во впадинах утесов они сгустились и почернели. Наступила ночь, на небе показались

первые звезды.

Весело трещали сучья костра. Ярko вспыхивавшее пламя то и дело выхватывало из темноты черные силуэты мирно пасущихся лошадей и лицо старого табунщика. У Саксафара было морщинистое лицо с выдающимися скулами, красным хрящеватым носом и тонкими губами. Блестящие с пронзительным взором глаза старика выдавали глубокий ум и опыт прожитых лет. Табунщик Саксафар был хитер и далеко не прост. Сидя у костра, он охотно рассказывал все новые и новые истории, а благодарные слушатели внимали каждому его слову.

– Стоят в степи камни. Давно стоят, века! – лилась плавная неспешная речь рассказчика. – Скифы воздвигли их в честь павших героев, все деяния которых были совершены во благо своему народу. Поминальные камни бывают высокие и низкие, гладко отполированные и в виде бесформенных глыб. Они одиноко стоят в бескрайней степи вдали от жилья. В часы восхода и заката, когда косые лучи солнца скользят по их поверхности, на некоторых камнях проявляются контуры человеческого лица – глаза, нос, рот; реже – шея, плечи и руки. Лица высечены неглубокими желобками и окрашены в темно-желтый цвет. Скифы преклоняются перед священными камнями и совершают им жертвоприношения, а мудрые сказители-кайчи проводят пред ними героические песнопения. Когда какое-либо кочующее племя встречает на своем пути одиноко стоящий камень, то у его

подножья обязательно кладут пищу. Так как каменные изваяния считаются покровителями в хорошем улове зверя и сохранности скота, то выбитой на поверхности камня фигуре мажут рот салом или кровью жертвенных животных.

Рассказ старого табунщика вызвал у Мирины живейший интерес. Подумав, она вполголоса спросила:

– Саксафар, а ты можешь сказать, сколько всего скифов кочуют в степи?

– Точно я тебе ответить не смогу, Мирина, – отозвался Саксафар, – но слышал, что давным-давно скифский царь по имени Ариант пожелал узнать численность своих подданных. Для этой цели он приказал всем скифам принести по одному наконечнику стрелы, а каждому, кто ослушается, грозил смертью. Тогда люди принесли такое множество наконечников, что царь решил воздвигнуть из них памятник. Ариант повелел изготовить из наконечников стрел гигантский медный котел и выставить его в скифском городище под названием Эксампей. С тех пор в ознаменование великих побед скифов над врагом котел Арианта наполняют вином, и славные воины, порешившие на поле сражения немало недругов, под одобрительные возгласы соплеменников выпивают по чаше ритуального вина. Уникальный медный сосуд, толщина стенок которого достигает шести пальцев, и поныне возвышается в центре Эксампей, вызывая изумление у заезжих скифов и чужеземных купцов.

– А я слышал от караванщиков, якобы жители Мидии счи-

тают, что скифские женщины умеют оборачиваться птицами, – вмешался в разговор молодой табунщик.

Саксафар хитро улыбнулся и, подмигнув сидящей вблизи него Мирине, спросил:

– Детка, а ты можешь превращаться в птичку?

– Не знаю. Может быть! – пожав плечами, отозвалась Мирина. Но, заметив, недоуменные взгляды слушателей, пояснила. – Иногда, особенно во время пения, я вижу перед собой неведомые страны, моря и океаны, бездонные пропасти и величественные горные вершины, полные огня и дыма. И тогда мне кажется, что я быстрокрылая птица, парящая в небесной вышине.

– Во-от, оно-о значит ка-а-ак! – удивленно протянул Саксафар и, призадумавшись над словами девочки, умолк.

Наконец старый табунщик поднял голову и, сосредоточенно разглядывая Мирину, заключил:

– Как знать, возможно, не случайно нашу мудрую провидицу нарекли Аргимпасой, что означает «Богиня лебедь».

– Мирина, а разве бывают, как ты говоришь, горы с огненной вершиной? – поинтересовался бойкий широколицый паренек. – Насколько я знаю, вершины наших гор покрыты снегом и льдом!

– Да разве горы существуют только на Алтае? – звонко рассмеялась девочка. – На Земле множество больших и малых горных хребтов, и среди них есть огнедышащие горные великаны. Бабушка рассказывала, что это жилища гроз-

ных духов Огня. Когда они рассержены, то начинают оглушительно грохотать и выбрасывать в воздух большие камни и пепел. Над вершинами гор высоко в небо поднимаются столбы черного дыма, а по склонам, заливая окрестности, текут раскаленные огненные реки. Остывая, они превращаются в камень.

– Но огонь не может течь, как вода и, тем более, превращаться в камень!!! – горячо возразил молодой табунщик. – По всей вероятности Аргимпаса рассказала тебе сказку!

– Ты не прав, Кидрей! – укоризненно глядя на юношу, проговорил Саксафар. – Мудрая, всеми уважаемая провидица Аргимпаса поведала Мирине о реально существующем чуде природы. Я прожил длинную жизнь и многое повидал на своем веку. В молодости мне пришлось побывать в плену у персов. Совершив побег, я тайком пробирался на родину в Скифию и тогда мне довелось познакомиться со многими интересными и знающими людьми. Эти благородные добросердечные чужеземцы, рискуя жизнью, прятали меня от рыскавших повсюду воинов Дария и делились со мной своей нехитрой скромной едой. Они живо интересовались повседневной жизнью и обычаями кочевых скифов, а взамен много рассказывали о себе и своей стране. Именно от этих людей я узнал много такого, что не подвластно простому человеческому разумению и, в том числе, об огнедышащих горных исполинах.

– Саксафар, расскажи нам о персидском царе Дáрии, – по-

просил Гойтосир, придвинувшись ближе к рассказчику.

Сняв островерхую шапку, старый табунщик яростно поскреб плешистую голову заскорузлыми пальцами с грязными обломанными ногтями и, смачно плюнув в костер, взревел:

– Дарий!!! Да будет проклято навечно это мерзкое порождение волка и гадюки!!! Сколько отважных скифских воинов, защищавших свои кочевья и табуны коней, полегло в кровопролитных сражениях с его бесчисленными полчищами! Сколько смелых юношей и прекрасных девушек было уведено в плен! Сколько горьких слез пролили их несчастные матери! А ведь тяжелее всего вольному сыну гор и степей попасть в рабскую неволю. Запомните это на всю жизнь, дети! Крепко запомните! Самое бесценное сокровище скифов – Свобода!!!

Притихшие слушатели почтительно смотрели на мудрого старика, жадно впитывая каждое произнесенное им слово. Немного успокоившись, Саксафар окинул строгим взглядом серьезные лица молодых скифов и продолжил:

– Персидский царь Дарий Ахаменид неисчислимо богат! Он покори́л вавилонцев, ионийцев, египтян и бактрийцев. Дарий безмерно гордился своими победами и решил подчинить себе все оставшиеся пока свободными кочевые племена и народы, чтобы те гнули на него спины и платили большую дань. Для этой цели многотысячные войска персов, под предводительством ненавистного Ахаменида нагрянули в Великую Степь и добрались до долины Яксáрта, где

в ту пору кочевало и наше племя. Дарий намеревался захватить богатые скифские табуны, а также увести в рабство лучших юношей и девушек. Наглые и самоуверенные полководцы Дария кричали: «Сотрем с лица земли все скифские кочевья!».

И тогда на защиту своей свободы и независимости поднялась вся степь, соединив воедино большие и малые кочевья. Гордые скифы не хотели платить дань Персиде. Могучее войско кочевников, состоящее из закаленных в битвах всадников, двинулось навстречу полчищам Дария. Казалось, что огромная темная лавина разлилась по выжженной солнцем степи.

Мудрые скифские вожди собрались на военный совет. Здраво оценив обстановку, они пришли к мысли, что одни они не в состоянии отразить в открытом бою несметное воинство Дария. И тогда совет принял решение отправить за помощью послов к кочевым племенам та́вров, агафíрсов, нéвров, андрофа́гов, гелóнов, буди́нов и савромáтов. Эти племена проживали на сопредельных со скифами территориях, им также угрожало вторжение огромного персидского войска.

Скифские посланцы прибыли к вождям упомянутых племен с предложением совместно выступить навстречу врагу. Вожди гелонов, будинов и савроматов выразили согласие немедленно отправиться во главе своих войск на помощь скифам, остальные же, полагаясь на милость Дария, не захоте-

ли участвовать в военных действиях. Так как бóльшая часть соседей отказала им в помощи, скифы решили не вступать в открытое сражение с персами. Они стали медленно отходить, угоняя скот, уничтожая за собой траву, засыпая колodцы и источники с питьевой водой. Согласно тщательно продуманной хитрости, скифы разделили свое войско на две части. К первому, самостоятельно действующему воинству, под предводительством скифского царя Иданфирса, присоединились савроматы. Другое войско, возглавляемое скифским вождем Скопасисом, объединилось с гелонами и будинами. По плану оба войска, держась на расстоянии дневного перехода от персов, должны были медленно отступать, заманивая Дария на земли тех племен, которые отказались от союза со скифами. Если вожди тавров, агафирсов, невров и андрофагов не пожелали добровольно выступить против вражеского войска, то их следовало заставить воевать с персами против их воли.

Головной отряд скифских конников время от времени появлялся в поле зрения врага, заставляя персов двигаться по своим следам. Кочевники, отослав вперед повозки с женщинами и детьми, а также весь скот, кроме необходимого для пропитания войска, согласно принятому плану изматывали силы противника и не торопились вступать с ним в решающее сражение.

Так как война затягивалась, и не было видно ее конца, то взбешенный неудачей Дарий отправил к скифскому царю

Иданфирсу посла с приказанием передать следующее: «Чудак! Зачем ты все время убегаешь, хотя тебе предоставлен выбор? Если ты считаешь себя в состоянии противиться моей силе, то остановись, прекрати свои скитания и сразись со мной. Если же признаешь себя слишком слабым, тогда тебе следует остановить бегство и, неся в дар твоему владыке землю и воду, вступить с ним в переговоры».

На эти недостойные слова царь скифов Иданфирс ответил так: «Я и прежде никогда не бежал из страха перед кем-либо и теперь убегаю не от тебя. И сейчас я поступаю так же, как обычно, в мирное время. У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения, и поэтому не вступили в бой с вами немедленно. Если же вы пожелаете, во что бы то ни стало сражаться с нами, то у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить, и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет. Но до тех пор, пока нам не заблагорассудится, мы не вступим в бой с вами. А за то, что ты назвал себя моим владыкой, ты мне еще дорого заплатишь!» Именно таков был ответ скифского царя Иданфирса! – с гордостью произнес табунщик, окинув пронзительным взглядом почтительно замерших вокруг костра слушателей.

Негромко кашлянув в кулак, Саксафар продолжил свой правдивый рассказ:

– Скифы постоянно подстерегали измученных бесконечными переходами воинов Дария, когда те пытались добыть

себе пищу. Внезапно появляясь со стороны солнца, небольшие отряды кочевников с громкими криками, подобно смерчу, проносились перед фронтом наступающих персов, обрушивая на них град стрел, и также неожиданно исчезали в облаке пыли, нанеся противнику ощутимый урон. Желая унижить ненавистного Дария Ахеменида, скифские вожди направили к нему глашатая с подарками, послав ему птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Смысл даров был следующим: «Если вы, персы, как птицы не улетите в небо, или как мыши не зароетесь в землю, или как лягушки не поскачете в болото, то вернетесь назад, пораженные этими стрелами».

Наконец долгожданный день настал. После принесения даров Дарию, мощные отряды скифской конницы и пехоты, совместно с воинами других кочевых племен, выступили в боевом порядке для решающего сражения с ослабленным и разрозненным персидским войском. Словно горная лавина, скифская конница врезалась в боевые порядки противника. Мне довелось быть участником этой кровопролитной битвы. Победа была нашей спутницей. Мы выбили войска Дария со своей земли и гнали их до самой Персиды. Прославленные войска Ахеменида, которые покорили и обложили данью многие народы и племена, надолго запомнили страшную и могучую конницу скифов.

Закончив повествование, Саксафар расправил плечи, поднял голову и посмотрел на небо. На раскинутом, словно шатер, небосводе ярко сияло созвездие Большой Медведи-

цы, которое степняки с незапамятных времен называли «Колесницей». Оно позволяло кочевым народам безошибочно ориентироваться в дальних странствиях. Молодые табунщики, поблагодарив Саксафара за поучительный интересный рассказ, разошлись.

Старик прислушался к умиротворяющему звуку жующих траву лошадей и взглянул на девочек. Растянувшись на траве, они крепко спали. Голова Томиры покоилась на плече Мирины. Свернувшись калачиком, в ногах у неразлучных подруг сладко посапывал Гойтосир. Ласково улыбнувшись, Саксафар накинул овчину на спящих детей и, подбросив веток в костер, задумался.

Ночью, под утро, начался переполох. На табун напала стая голодных волков. Вскочив на своих коней, табунщики громкими криками и ударами тяжелых кожаных плетей старались отогнать хищников. Но нескольким волкам все же удалось задрать пару лошадей. Саксафар на своем коне оказался один на один с большим матерым зверем. Высоко поднимая тяжелую плеть, старик хлестал по его широкой спине. Оскалив зубы, волк медленно отступал, не сводя с табунщика злобно светящихся желто-зеленых глаз. Присев на задние лапы, зверь внезапно бросился на коня Саксафара и мертвой хваткой вцепился в шею. Жеребец взвился на дыбы с разорванным горлом. Из раны фонтаном била алая кровь. Захрапев, конь рухнул на землю, придавив ногу табунщика. С оскаленной окровавленной мордой матерый зверь двинул-

ся на беспомощно лежавшего на земле Саксафара. Подоспевший Мадий на скаку одним мощным ударом острого сагарка снес голову хищнику. Спешившись, Мадий с натужным криком приподнял круп павшей лошади, дав возможность табунщику высвободить придавленную ногу.

Подбежавшая Мирина ощупала окровавленную ногу Саксафара и облегченно вздохнула. Все кости оказались целы, старый табунщик отделался лишь незначительными повреждениями да рваной раной. Промыв ее крепким вином из кожаной фляги, девочка приложила к ране сочный лопух. Затем Мирина ловко, со знанием дела, наложила повязку на ногу старика. Когда все было закончено, Саксафар с помощью Мадия поднялся с земли. Сделав несколько осторожных неуверенных шагов, он приободрился и, широко улыбнувшись юной целительнице, многозначительно произнес:

– Не зря, дорогая, тебе дали имя Мирина, что означает «Мир и небесная Благодать». Ведь благодаря твоему умению и великодушному доброму сердцу моя покалеченная нога почти не болит!

– Я всего лишь делала то, чему меня научила провидица Аргимпаса, – спокойно проговорила девочка и шагнула к Томире.

Положив свою руку на плечо подруги, Мирина лукаво взглянула на стоявшего рядом Гойтосира и добавила:

– Томирочка тоже может неплохо накладывать повязки и ухаживать за ранеными. Бабушка сказала, что из нее вый-

дет хорошая целительница – внимательная, знающая и чуткая.

В ответ на столь лестный отзыв Томира радостно заулыбалась, а Гойтосир уважительно посмотрел на ее сияющее личико.

Тем временем, воспользовавшись наступившим рассветом, табунщики сложили в кучу пятерых убитых волков и подсчитали урон, нанесенный нападением стаи хищников. Выяснилось, что в ночной неразберихе пропали несколько породистых коней и кобылица с жеребятami. В поисках отбившихся от табуна лошадей люди разбрелись кто куда. Гойтосир оценивающе осмотрел убитого отцом матерого зверя и принялся сдирать с него шкуру, чтобы к зиме сшить из густого волчьего меха теплую одежду. Понаблюдав некоторое время за его работой, Томира и Мирина отправились в табун, чтобы проведать полюбившегося Мирине жеребенка. Девочка была сильно огорчена, не обнаружив малыша среди пасущихся лошадей. Белоснежная кобылица – мать пропавшего жеребенка – беспокойно металась по пастбищу и громко призывно ржала. Изловив ее, Мирина пристально поглядела в блестящий глаз лошади, после чего твердо и отчетливо произнесла: «Мы непременно найдем твоего жеребенка, но ты должна помочь!» Словно поняв слова девочки, кобылица мгновенно присмирела и позволила прихрамывающему Саксафару надеть на нее уздечку и седло. Мирина вскочила на лошадь, за ее спиной, обхватив за талию подругу, при-

строилась Томира, и девочки отправились на поиски пропавшего жеребчика.

Взошедшее солнце нещадно пекло головы и плечи девочек и усиливало тягостную тягостную духоту. Но Мирина не замечала этого, ее мысли были сосредоточены на маленьком иноходце. То и дело останавливая кобылицу, девочка тихонько похлопывала ее по выгнутой грациозной шее. Умное животное принималось громко призывно ржать. Какое-то время дети и лошадь прислушивались к тишине в надежде, что где-то раздастся ответное ржание заблудившегося жеребенка. Не дождавшись ответа, они двигались дальше. К полудню погода начала портиться, подул резкий ветер, небо заволокли тяжелые тучи, и запахло дождем. Внезапно небосвод прочертила гигантская сверкающая молния, сопровождаемая оглушительными раскатами грома. Лошадь вздрогнула, шарахнулась в сторону и испуганно забила передними копытами. Холодные крупные капли дождя забарабанили по плечам и лицам девочек, по крупу и вытянутой морде кобылицы. Через мгновение дождь превратился в ливень, но и это не остановило Мирину. Громко цокнув языком и дернув поводья, она упрямо продолжила поиски.

Дождь окончился также внезапно, как и начался. Вновь засияло солнце, и на небе появилась дивной красоты радуга. Причем не одна, а целых три. Дурманяще и терпко запахла после дождя степь.

– Три радуги – это хороший знак! Мы обязательно найдем

жеребенка, я чувствую это всем сердцем! – заявила подруге Мирина и, решительно дернув поводья, направила кобылицу в сторону гор, окаймляющих пастбища.

Томира, спокойно сидевшая позади подруги, согласно кивнула головой. Она ничуть не боялась заблудиться в горах, так как твердо знала, что Мирина обладала редкостной наблюдательностью, позволявшей ей подмечать мельчайшие детали местности, ускользавшие от внимания окружающих.

Осторожно пробираясь на лошади по извилистым горным тропам, Мирина интуитивно, каким-то особым чутьем правильно определила направление поиска. Девочки обнаружили отбившегося от табуна жеребенка в небольшой ложбине между гор. Испуганный жеребчик метался вдоль берега узкой порожистой речки и время от времени тоненько жалобно кричал. Заметив своего малыша, кобылица ответила ему радостным призывным ржанием и начала осторожно спускаться в ложбину. Ее задние копыта скользили по мокрому после проливного дождя склону горы. Мирина благоразумно отпустила поводья, чтобы дать возможность лошади самой выбирать наиболее безопасный спуск.

Оголодавший жеребенок первым делом бросился к соскам матери. Пока он долго и жадно ел, девочки, примостившись на гладких валунах, весело болтали, решая какое имя дать спасенному жеребенку. Утолив голод, малыш принялся резвиться и ластиться к матери, а кобылица нежно покусывала его за холку. Мирина встала с валуна и направилась к ло-

шадям. Жеребчик доверчиво потянулся мордочкой к девочке, и она ощутила на своем лице его теплое дыхание, пахнущее кобыльим молоком. Мирина ласково обняла жеребенка за шею и поцеловала в яркую белую звездочку на лбу.

Тем временем расторопная Томира пробежалась вдоль берега речки и нашла более удобный выход из ложбины. Девочки взобрались на седло лошади и, проехав немного по берегу, через пологий склон выбрались на горную тропу, по которой вели поиски. Жеребенок резво бежал вслед за матерью. Через некоторое время дети благополучно спустились с гор, у подножья которых в живописной долине Катунь раскинулось родное стойбище.

Мирине не терпелось поскорее показать приглянувшегося жеребенка отцу и бабушке, и потому, погоняя кобылицу, она напрямик направилась в кочевье. Пока Томира взахлеб рассказывала жрице Аргимпасе о том, как они с Мириной искали в горах заблудившегося жеребенка, Таргитай придиричливо оглядел малыша. Полюбовавшись на необычайно красивую, грациозную поступь жеребенка, вождь ощупал его стройные длинные ноги и, одобритительно кивнув головой, серьезно произнес:

– В наших табунах иноходцы встречаются не столь уж часто. Я уверен, что со временем из этого жеребчика выйдет великолепный конь – быстрый, как ветер, сильный и выносливый. Но ты, Мирина, должна правильно воспитать жеребца, прививая ему и боевые качества. Скифские боевые кони

должны быть верными друзьями своих хозяев, подчиняться едва слышной команде, а во время сражения молниеносно и правильно реагировать даже на легкое перемещение тела всадника. Именно за эти качества наши воины так высоко ценят своих замечательных лошадей.

— Когда-то и у меня был иноходец, — поглаживая по спине жеребенка, задумчиво проговорила Аргимпаса. — Эти кони обладают плавной приятной для всадника поступью. Во время стремительной езды человек не висит над спиной лошади, его мало трясет и подбрасывает в седле. Скорость бега иноходца обычно превышает скорость движения обычной лошади, — сказала в заключение пожилая жрица.

— Мириночка, а как ты думаешь назвать своего коня? — живо поинтересовался Таргитай.

— Я решила назвать его Ариантом, в честь одного из наших царей, попытавшегося определить численность всех кочевых и оседлых скифов, — отозвалась девочка.

— Ну что же, Ариант — красивое и достойное имя для породистого горячего жеребца! — одобрила выбор внучки провидица. — Что же касается его довольно редкой масти, то серебристо-белый цвет является символом Верхнего Мира и сакральной власти Алтайского жречества.

Затем Аргимпаса ненадолго удалилась в свой шатер и вышла, держа в руках две узкие золотистые ленты-обереги. Она вплела ленту сначала в гриву жеребенка, а затем в роскошную гриву снежно-белой кобылицы. Закрепив оберег, Ар-

гимпаса ласково потрепала кобылицу за холку и тихо произнесла:

– Умница! Ты произвела на свет чудесного жеребенка, подстать нашей Мириночке. А звездочка на лбу твоего малыша – ну просто прелесть!

Словно понимая, о чем идет речь, белая кобылица шевелила ушами, косила на жрицу карим глазом и важно переступала передними копытами.

– Мы с Шираком решили сегодня отправиться на охоту за оленем, – обратился Таргитай к девочкам. – Пригоните-ка из табуна Гнура и Рыжего!

Вскочив на кобылицу, подруги помчались на пастбище, выполнять распоряжение вождя. Жеребенок, красиво и легко перебирая ногами, припустился вслед за матерью.

ЦАРЕВИЧ УАРХАГ

В огромном празднично убранном дворце царя Октомасада – могущественного и грозного правителя Скифии было на редкость многолюдно и шумно. Сегодняшний день был посвящен знаменательному событию – чествованию вступления во взрослую жизнь семнадцатилетнего царевича Уархага. Накануне дня рождения сына царь Октомасад вместе с женами, детьми и свитой посетил святилище скифской богини Табити, дабы совершить ей щедрое жертвоприношение. Наряду с Великой богиней Апи, богиня очага Табити занимала главенствующее место в скифском пантеоне Богов. Табити, именуемая «Пламенной богиней», являлась покровительницей царского рода и имела непосредственное влияние на его процветание и благополучие. Как правило, эта богиня изображалась сидящей на троне с зеркалом в руке. Священное зеркало считалось неотъемлемым атрибутом ряда сакральных ритуалов, главным из которых был свадебный обряд. Власть же самого царя была наследственной и божественной, так как по верованиям скифов их воинственные правители являлись потомками Солнечных богов. Царская власть передавалась от отца к сыну, за исключением тех случаев, когда насильно переходила к другим лицам, но непременно царского рода.

По возвращению из святилища богини Табити в цар-

ский дворец многочисленные знатные гости расселись вокруг пиршественных столов, буквально ломящихся от обилия всевозможных яств. Семья правителя Скифии разместилась за накрытым столом, находившимся на возвышении. Молодой царевич Уархаг занял почетное место рядом со своим отцом Октомасадом. Величественным движением подняв золотую чашу с крепким вином, царь сердечно поздравил Уархага с совершеннолетием и в несколько глотков осушил чашу. Затем, утерев ладонью мокрые губы и пригладив бороду, Октомасад взглянул на сына и назидательно произнес:

– Крепко-накрепко запомни мои слова, дорогой сын! Как старшему из братьев, тебе после моей кончины суждено стать правителем Скифии. Но ты обязан уже сейчас научиться следовать мудрым советам, завещанным нашими предками! «Ни один хороший правитель не губит понапрасну своих подданных, а опытный пастух не обращается жестоко со своими овцами! Каждый скифский царь должен заботиться о тех, кем правит! Ибо, если ты не злоупотребляешь своей властью, то твое государство прочно!!!», – сделав паузу, Октомасад продолжил свою речь. – Злоба и зависть по отношению к благополучию сородича или соплеменника свидетельствует о порочности души! Скифы не одобряют поведение таких людей и презирают их!

Почтительно поклонившись отцу, Уархаг с натянутой улыбкой выразил благодарность за ценные наставления.

Одобрительно похлопав молодого царевича по плечу, Октомасад вручил ему великолепный набор оружия, украшенный самоцветами, шлем и чешуйчатый панцирь из чистого золота, защищающий торс воина. Затем царь распорядился доставить в пиршественный зал еще один подарок. Двое телохранителей незамедлительно метнулись к дверям и вскоре подвели к столу правителя стройную чрезвычайно красивую девушку.

– Став совершеннолетним, ты Уархаг, уже вправе обзавестись наложницами, – хитро подмигнув сыну, объявил Октомасад. – Для этой цели твоя мать выбрала среди захваченных пленниц эту очаровательную киммерийку. Думаю, она тебя не разочарует!

Хищно оскалившись, Уархаг окинул похотливым взором округлую грудь и тонкую талию девушки, после чего приказал запереть ее покуда в своих покоях. Киммерийка робко подняла глаза и, встретившись взглядом с молодым царевичем, лицо которого выражало самодовольство и безрассудную жестокость, похолодела от страха. Один из телохранителей ловко подхватил на руки красавицу-наложницу и понес ее в спальню Уархага.

Шумное празднество продолжалось до позднего вечера. Именитые гости наперебой поздравляли царевича с семнадцатилетием, дарили богатые подарки, желали долгих лет жизни и успехов на поле битвы с вражескими ордами. Больше других преуспел в тостах и здравицах шустрый толстяк

Фами́р – муж родной тетки Уархага по отцовской линии. Когда осоловевшие от обжорства и количества опустошенных винных котлов гости стали разъезжаться восвояси, царь Октомасад позволил сыну покинуть пиршественный зал. Поднявшись с места, Уархаг поклонился отцу и, пренебрежительно кивнув матери, покачиваясь, зашагал по коридорам царского дворца в отведенные для него роскошные покои.

Царевич проснулся на рассвете с дикой головной болью от непомерно выпитого накануне крепкого вина. Залпом осушив пару чаш хмельной браги, Уархаг почувствовал себя чуть лучше и неторопливо огляделся. Забившись в дальний угол покоев, жалобно стонала истерзанная, покрытая синяками и ссадинами, молоденькая наложница-киммерийка. Со звериным рычанием и горящими от вожделения глазами Уархаг двинулся к девушке. Завидев приближавшегося к ней бездушного изверга, пленница в ужасе закрыла лицо руками и еще глубже забилась в угол. Ухватив в кулак длинные растрепанные волосы беззащитной девушки, царевич потащил ее за собой и грубо швырнул на постель...

Уархаг рос непростым вспыльчивым ребенком, время от времени подверженным приступам неконтролируемой агрессии. Слепая и всепоглощающая любовь матери, безвольной и бесхарактерной, тяготила и раздражала его, а царственный отец, не желая испортить детскую душу чрезмерной заботой и опекой, намеренно жестко относился к мальчику. Октомасад мечтал воспитать из Уархага настояще-

го мужчину и достойного наследника царского престола. Поэтому грозный правитель Скифии ежедневно подвергал мальчика изнурительным тренировкам с боевым оружием – сагарком, чеканом и акинаком. Даже болезненные ушибы и вывихи, полученные юным царевичем в ходе рукопашных схваток с опытными воинами-телохранителями, не вызывали у Октомасада и тени сочувствия. Отец никогда не хвалил Уархага за успехи, достигнутые в совершенствовании воинского мастерства, а лишь снисходительно улыбался. Зато сурово упрекал сына за каждый допущенный им промах или ошибку. Не понимая, что таким образом требовательный любящий отец старается развить в нем мужество, решительность и необходимое упорство в достижении поставленной цели, Уархаг затаил на Октомасада злобу и тайную обиду на родителей. Бессознательная неприязнь ко всем окружающим людям, ко всему живому росла в нем с каждым годом.

Этим обстоятельством не преминул воспользоваться богатый и весьма влиятельный при дворе Октомасада вельможа Фамир. Являясь ближайшим родственником царской семьи, хитрый и завистливый Фамир в тайне мечтал путем интриг и коварных происков избавиться от Октомасада и его не особо умного сына Уархага, чтобы со временем самому занять трон правителя Скифии. Следуя заветной цели, он незаметно втерся в доверие подрастающего царевича и, умело манипулируя его сознанием, стремился внести еще больший раздор между отцом и сыном. От внешне заботливого

и добродушного толстяка Фамира, всегда готового прийти на помощь и дать нужный совет, Уархаг узнавал обо всех придворцовых интригах, проходивших за спиной правителя Скифии. Улучив момент, когда царевич буквально рвал и метал от бешенства после очередного конфликта с отцом, Фамир, сочувственно вздохнув, произнес:

– Твои страдания незаслуженны, дорогой Уархаг! Мне думается, что Октомасад обходится с тобой грубо и оскорбительно, потому как видит в тебе лишь соперника и претендента на трон! В истории Скифии немало подобных примеров, когда либо сын убивает отца, либо отец избавляется от неугодного ему наследника!!!

Услыхав подобное, Уархаг вскипел и лютая ненависть молнией затмила его сердце и разум. Чтобы не поддаваться искушению и не разобраться с отцом незамедлительно, царевич в безысходной ярости вихрем выскочил из дворца. Заметив вдруг в своей судорожно сжатой руке, невесть как оказавшийся, боевой сагарк, Уархаг порубилн им на куски случайно подвернувшегося сторожевого пса. Узнав о жестокой выходке сына, Октомасад счел это проявлением зрелого боевого духа воина и оставил этот случай без должного внимания. едленно, царевич в безысходной ярости выскочил из дворца с острым х за сп

С этого времени в сознании Уархага откуда-то из глубины проступила мысль о том, что все окружавшие его люди, близкие и даже незнакомые, лишь обманывают его, когда прояв-

ляют доброту. Что это всего лишь скрытое Зло, и оно должно быть непременно уничтожено. И когда до Уархага дошли слухи о добрых делах и чудесных исцелениях провидицы Аргимпасы, он, не зная ее, уже проникся к ней чувством непреодолимой враждебности.

Продолжив скрытую борьбу за обладание престолом, Фамир не остановился на достигнутом и с осторожностью плел интриги вокруг царской семьи. Однажды в непринужденной застольной беседе с Октомасадом за чашей доброго вина Фамир как бы невзначай проронил:

– Наш бесценный Уархаг уже довольно сносно овладел боевыми навыками, необходимыми молодому воину! Может ему следует продолжить совершенствовать свое воинское мастерство в особом отряде неустрашимых псов-волков?

Бросив пронзительный взор на лоснившуюся от жира льстивую физиономию вельможи, Октомасад задумался. Весь быт и строй скифского общества был проникнут героическим духом и привычкой к войне. Каждый кочевник в первую очередь был воином и лишь потом табунщиком, пастухом, охотником или каким-либо ремесленником. Отдельные племена могли вести самостоятельные военные действия с вражескими отрядами, но в случае угрозы самой Скифии, как в случае вторжения персидского царя Дария, незамедлительно объединялись в крупные войска под предводительством скифского правителя. Самой почитаемой ча-

стью скифского воинства считались стремительные конные отряды псов-волков. Они представляли собой сугубо мужской союз под предводительством знаменитого военачальника Ишпакая. В жестоких кровопролитных битвах эти отряды всегда возглавляли передовой строй скифского войска. Подобно бешеным псам или волкам они с диким рычанием, очертя голову бросались в атаку, не обращая внимания на полученные раны и не чувствуя боли, тем самым повергая противника в замешательство и страх.

– Что ж, я согласен определить своего сына Уархага в отряд бесстрашных воинов Ишпакая, ибо культ героев почитен в сообществе кочевых племен царских скифов, – обдумав предложение Фамира, решительно заявил Октомасад. – Зная об излишней горячности царевича, я поручаю тебе, Фамир, зорко присматривать за Уархагом, дабы удерживать его в рамках благоразумия, достойного славного рода правителей Скифии!

В ответ на слова царя вельможа так рьяно закивал головой, что его толстые щеки заколыхались, словно бараний курдюк. Расчетливый пройдоха был безмерно рад, что его коварный замысел удался, и он сможет вдали от Октомасада с еще большей легкостью разрушать и без того порочную душу Уархага, делая его опаснейшим врагом родного отца. А молодой царевич с большим воодушевлением воспринял свое определение в отряд прославленных своими подвигами псов-волков.

Издревле воинственные племена скифов жили по своим довольно жестким законам и традициям и были нетерпимы к чуждым обычаям прочих народов. И хотя отношения между скифскими царями и жречеством зачастую были не столь дружелюбны, вероотступничество неизменно каралось смертью, причем независимо от социального положения обвиняемого. Октомасад, стоявший во главе скифского племенного сообщества, был наделен правами судьи – вершителя судеб. Но прежде всего каждый из правителей Скифии являлся ее главным военачальником. Поэтому, определяя сына на обучение в конный отряд героических псоволков, Октомасад надеялся, что царевич Уархаг в совершенстве освоит тактику ведения сражений, что позволит ему в последствии стать знаменитым военачальником – гордостью Скифии.

В первый же вечер по прибытию Уархага и Фамира в распоряжение Ишпакая был объявлен сбор отрядов, в данный момент не участвовавших в военных действиях с вражескими племенами. По этому случаю вокруг священного тотема – почерневшей от времени массивной деревянной статуи свирепого волка, были разложены несколько больших костров. Рвущиеся ввысь яркие языки пламени высвечивали нестройные ряды могучих, богатырского телосложения скифских воинов. Сопровождаемый Ишпакаем царевич Уархаг пристально вглядывался в обезображенные шрамами суровые физиономии зрелых псоволков и горделивые неведающие

страха безбородые лица юношей. А те, в свою очередь, цепким взором оценивали боевую выправку и мускулистый торс наследника царского престола.

По окончании смотра боевых отрядов Ишпакай предложил Уархагу занять место у одного из костров и сытно поужинать вместе со своими будущими собратьями по оружию. По знаку предводителя молодые сильные воины стали таскать к кострам тяжелые котлы с горячей похлебкой и огромные бронзовые блюда с горами жареного мяса. Толстяк Фамир, у которого от голода уже давно урчало в брюхе, грузно плюхнулся наземь рядом с царевичем Уархагом и с рычанием вцепился зубами в покрытую румяной корочкой баранью ногу. Ловко орудующий ковшом виночерпий разливал по вместительным чашам крепкий хмельной напиток. Причудливые винные чаши были изготовлены руками самих воинов из черепов убитых ими врагов. Отпилив часть черепа ниже бровей, скифские псы-волки тщательным образом вычищали его и обтягивали сырой бычьей кожей. Те, что были побогаче, отделявали свою чашу изнутри слоем золота. Уархаг обратил внимание, что на могучих плечах некоторых зрелых воинов красовались плащи, сшитые из содранной и специально обработанной человеческой кожи. А молодые псы-волки явно кичились своими великолепными колчанами для стрел, обтяжкой которых служила белоснежная людская кожа, снятая вместе с ногтями с правой руки вражеских трупов.

Заметив алчный завистливый взгляд Уархага, прикованный к почетным трофеям бывалых воинов, Фамир с льстивой гримасой на лице поспешил заявить:

– У тебя все впереди, дорогой царевич! Я уверен, что ты вскоре отличишься среди новых друзей своим несравненным мужеством и боевыми подвигами!!! Ведь недаром ты носишь гордое имя Уархага – Волка, одного из первых царей Скифии!

– А ты знаешь древнее сказание о скифском герое Сослане, к которому мы относимся с большим почтением? – обратился к царевичу Ишпакай.

– Нет, но желал бы послушать! – заинтересованно отозвался Уархаг.

Устроившись поудобнее, Ишпакай отхлебнул вина из позолоченной массивной чаши и начал рассказ:

– Некогда жил на земле Алтая могучий великан Сослан. Молва о его великих подвигах докатилась до самых отдаленных скифских кочевий. С самого рождения Сослан был наделен даром понимать язык животных, некоторые из которых были его друзьями. Но особенно был ценен для алтайского богатыря его, скрепленный кровным обрядом, союз с волками. Эти сильные бесстрашные хищники, не щадя своих жизней, вместе с Сосланом участвовали в жестоких битвах с врагами, посягавшими на свободу вольных скифских кочевников. А великодушный великан Сослан не задумываясь, приходил на выручку попавшим в какую-либо бе-

ду верным собратьям волкам. За это небесный прародитель собак и волков Силам решил вознаградить Алтайского героя. Для этой цели божественный Силам призвал множество здоровых молодых волчиц и, подоив их, велел Сослану искупаться в волчьем молоке. После проведения сакрального ритуала омовения, на котором присутствовали самые могучие и мудрые вожаки волчьих стай, Сослан стал практически неуязвим для любого вида вражеского оружия. По истечении десятков лет, полных героических свершений, умиравший от старости Сослан предложил своим друзьям-волкам полакомиться его плотью. Но преисполненные благодарности за совершенные им при жизни благодеяния, хищные звери отказались от кровавой тризны. Более того, они преданно оберегали и заботились о сыне Сослана Уархаге, ставшем впоследствии царем Скифии.

Закончив повествование, глава мужского союза псов-волков Ишпакай сосредоточил острый испытующий взор на озаренном пламенем костра жестком волевом лице молодого царевича.

В первой же битве с вражеским отрядом разбойников-гуйфанов, вторгшимся на скифскую территорию, Уархаг проявил себя отчаянным храбрецом и умелым воином, чем снискал одобрение среди бывалых псов-волков. Согласно заведенному издревле обычаю скиф, убивший первого врага, пьет его кровь, а отсеченную голову приносит либо царю, либо своему военачальнику. За количество принесенных го-

лов воин получает долю добычи, захваченной у неприятеля. После того, как отличившийся в бою Уархаг выпил поднесенную ему виночерпием чашу превосходного иноземного вина, Ишпакай торжественно вручил царевичу золотой пояс, украшенный собачьими фигурами. Затем на груди Уархага была мастерски сделана татуировка в виде свирепого волка, терзающего жертву. Сакральное изображение на коже скифского воина тотемного зверя-защитника являлось знаком высокого отличия.

Фамир поспешил поздравить Уархага, скрывая под лицемерной улыбкой постигшее его разочарование, ибо в тайне надеялся, что молодой недостаточно опытный царевич погибнет в первом же бою. Коварный вельможа этого страстно желал, потому как смерть Уархага облегчила бы ему путь к заветной цели – царскому престолу.

Выделяясь особым образом жизни среди прочего скифского воинства, клан псов-волков не занимался хозяйственными делами даже в мирное время. Под руководством своего доблестного предводителя Ишпакая и опытных воинов молодые псы-волки без устали отрабатывали ритуальные приемы запугивания противника перед атакой, где было важно все: особая одежда, леденящие душу вопли, устрашающие жесты и многое другое. Перед битвой с врагом отряды Ишпакая вдыхали дурманящий запах сжигаемых на костре чужеземных плодов, привозимых с далекого Лесбоса или употребляли зелье из ядовитых грибов. Находясь под их воз-

действием, псы-волки испытывали небывалый подъем духа. Приходя в неистовство, сравнимое с яростью сражающегося зверя, скифские воины с легкостью повергали наземь противника, казалось, их не брала ни сталь клинков, ни смертоносные стрелы.

Не без помощи Фамира царевич Уархаг пристрастился к одурманивающему душу аромату пылающих в огне заморских растений. Группа приятелей во главе с Уархагом удалялась в окрестные леса, где до одури надышавшись клубами пьянящего дыма от сгорающих в пламени лесбийских плодов, впадали в состояние неконтролируемой агрессии. И горе тому человеку, который случайно попадет на их пути. Забавы ради озверевшие молодые псы-волки забивали его насмерть, зубами раздирали плоть и жадно пили еще теплую кровь. Уархаг с друзьями устраивали охоту и на женщин, причем утолив свой низменный хищнический инстинкт, они затем убивали несчастных, как скот. Фамир всячески потакал тяготению Уархага к столь жестоким выходкам и прикладывал массу стараний, чтобы подобные случаи не доходили до ушей царя Октомасада.

Дни и месяцы мужавшего царевича проходили в совершенствовании военного мастерства, увлекательной охоте на крупного зверя с обученными собаками и бесконечных пирах. На одном из таких пиров изрядно захмелевший Фамир повздорил с одним из бывалых псов-волков. Не стерпев оскорблений со стороны знатного вельможи, воин мощ-

ным ударом кулака выбил тому глаз. Издав пронзительный крик, Фамир словно подкошенный рухнул наземь. Уархаг и не подумал вступить за своего именитого родственника, ибо и его начал уже подозревать в предательстве и тайных кознях. Царевич хладнокровно, без тени сожаления, наблюдал, как окривевший на левый глаз толстяк катается по земле, подвывая от мучительной боли. Ишпакай распорядился снарядить крытую повозку, чтоб отправить покалеченного Фамира в царский дворец.

МИР ДУХОВ

Настал день похорон воинов, павших в последнем бою с массагетами. Все подготовленные к вечности покойники лежали в гробах, искусно выдолбленных из цельных стволов лиственниц. Внутри гробы были выстланы войлоком, а под головы усопшим подложены мягкие подушки. Матери погибших девушек нарядили своих любимых дочерей в праздничные одежды, отделанные пестрыми пушистыми мехами. Руки, шею и косы молодых покойниц украшали дорогие украшения, а головные уборы и погребальные покрывала были расшиты позолоченными бляшками с изображениями священных животных.

Когда торжественно-скорбная процессия двинулась к месту погребения, к открытой повозке, где покоился в гробу красивый рослый воин, бросилась сторбленная старуха. Она протягивала к мертвецу дрожащие руки с искривленными пальцами, рвала на себе космы седых волос и душераздирающе голосила:

– Сыночек мой ненаглядный! На кого же ты покинул свою молодую жену и малых детей?! Кто научит твоих мальчиков держать в руках острый сагарк и посылать меткие стрелы в ненавистных врагов? Будь, прокляты во веки презренные массагеты!!! Да покарает их всемогущая богиня Апи! Пусть их мерзкие жены рожают вместо детей болотных га-

дов, а в табунах и отарах падет весь скот!!!

Соплеменники, как могли, пытались утешить обезумевшую от горя женщину. Она вдруг резко вскрикнула и, оттолкнув от себя людей, повалилась на землю. Аргимпаса опустилась на колени и, взглянув в белое, как снег, лицо несчастной, прижалась ухом к ее груди. Сердце матери не выдержало потери сына, она была мертва. Ширак бережно поднял с земли бездыханное тело старой женщины и уложил на повозку рядом с гробом ее мертвого сына. Медленно и печально похоронная процессия двинулась дальше.

Скифы свято верили в загробную жизнь и чтили культ предков. Люди племени Таргитая считали своим долгом позаботиться о павших в бою сородичах. Они выбрали место для усыпальницы в красивом урочище, окруженном горами с поросшими хвойным лесом склонами. Над постройкой гробницы трудилось все племя. Сильные воины собирали по окрестностям и притащили с гор подходящие для насыпи кургана каменные валуны. Было срублено множество могучих лиственниц. Плотники старательно обтесали их железными топорами, аккуратно подгоняя бревна друг к другу. Когда сруб был готов, его опустили в просторную глубокую яму. Рядом с усыпальницей отгородили место для жертвенных коней, чтобы ушедшим в Мир предков воинам, было на ком скакать по просторам потусторонней степи.

Когда похоронная процессия прибыла на место погребения, соплеменники сняли с повозок гробы и на кожаных

ремнях опустили их в усыпальницу. Гробы были установлены так, чтобы головы усопших были обращены на восток. Родственники позаботились о том, чтобы отдать умершим все лучшее, что те имели при жизни – самую красивую одежду, упряжь, сытную еду. В могилу знатных воинов обязательно клали большой набор оружия: украшенные золотом железные мечи, острые сагарки, акинаки, короткие скифские копья, луки со стрелами в специальном футляре «горúте», оправленном золотом и серебром, а также защитные панцири, щиты, дорогие пояса. Рядом с гробами мужчин были заботливо положены рыболовные крючки, кистеня, остро́ги, иглы для вязания сетей. А около гробов девушек – вместе с комплектом их личного боевого оружия и щитом из плотной бычьей кожи, ручные бронзовые зеркала, деревянные и костяные расчески, веретена и красивые шелковые ткани.

Спустившись в усыпальницу, Ширак поместил завернутое в меховое покрывало тело скончавшейся от горя матери рядом с гробом погибшего в бою сына.

Наступили последние минуты прощания. Родственники усопших воинов столпились у гробов. На скорбных лицах отцов и братьев застыло выражение страдания и боли. В отличие от мужчин, женщины и дети не сдерживали своих чувств. Они громко вопили, причитали и завывали, падая на гробы своих близких. В последний раз они обнимали и целовали своих любимых дочерей, сыновей, мужей и отцов.

Через некоторое время Ширак и пятеро его помощни-

ков мягко отстранили от гробов плачущих и стенающих родственников. Ширак развязал переданный ему Аргимпасой небольшой кожаный мешок и, доставая из него пригоршни серебряных, бронзовых и сердоликовых бусин, осыпал ими тела покойных. После чего помощники Ширана накрыли гробы крышками и прибили их гвоздями.

К усыпальнице медленно приблизилась провидица Аргимпаса. Мгновенно воцарилась тишина. Жрецы и шаманы всех кочевых племен являлись посредниками между Миром живых и Миром мертвых. Соплеменники с величайшим почетом относились к Аргимпасе, так как она была самой мудрой и прославленной жрицей Скифии. Ей было доступно безбоязненно общаться с невидимыми, но чрезвычайно грозными природными дүхами, что для непосвященных было крайне опасно.

Стоя рядом с усыпальницей, Аргимпаса с низким поклоном обратилась с приветственной речью к восточному ветру, очищающему сознание людей от скверны, а затем, по очереди – к северному, западному и южному ветрам. От налетевшего внезапно порыва ветра распущенные седые волосы провидицы затрепетали, а собравшиеся на похороны люди, поняв, что могущественные духи слышали обращение жрицы, с благоговением опустили на колени. Аргимпаса принялась громко молиться, призывая богиню Апи защитить от воздействия злых сил ушедших в Мир предков скифских воинов и позаботиться о том, чтобы их души не ски-

тались по темному и враждебному низшему Миру, а беспрепятственно поднялись в приветливый и радостный Мир светлых духов.

Закончив молитву, жрица еще раз поклонилась на четыре стороны света и подала знак Шираку. Ему предстояло совершить ритуальное жертвоприношение. Почтительно поклонившись Аргимпасе, Ширак взял в руки тяжелый бронзовый чекан. Снаружи погребальной камеры за ее северной стеной должны быть захоронены любимые кони павших в бою воинов. Им надлежало сопровождать своих хозяев в Мир, откуда никто не возвращается. По обычаю лошадей следовало хоронить взнузданными. Соплеменники позаботились о том, чтобы как можно богаче украсить жертвенных лошадей. Их уздечки переливались от золотых, серебряных и бронзовых украшений. Чепраки и попоны из заморских тканей были расшиты затейливыми узорами, а на головы лошадей были надеты искусно сделанные позолоченные ритуальные маски.

Ударяя боевым чеканом в самую уязвимую часть головы, Ширак поочередно убивал лошадей. Затем воины спускали в яму трупы животных и тщательно укладывали в отведенное для них место, подогнув под туловище ноги и повернув голову жертвенных коней на восток.

Покончив с лошадьми, все племя собралось на тризну вокруг открытой могилы. Люди громко прославляли жизнь и деяния павших в бою воинов. После чего осталось лишь закрыть могилу стволами лиственниц, засыпать усыпальни-

цу и соорудить над нею каменный холм.

Понаблюдав некоторое время, как возводившие курган мужчины старательно укладывали в его основание большие валуны, Мирина, еле сдерживая душившие ее слезы, подошла к Аргимпасе и уткнулась лицом в ее платье. Сердце девочки терзала нестерпимая боль. Ей было горько и обидно, что из жизни ушли столь молодые и полные сил люди.

– Человек не умирает до тех пор, пока живут знавшие его! – негромко произнесла жрица и стала ласково гладить внучку по спине и вздрагивающим от рыданий плечам. Мирине вдруг захотелось побыть в одиночестве. Размазывая по щекам потоки слез, она побежала в сторону степи. Аргимпаса едва удержала за руку рванувшуюся было за подругой Томиру.

– Не сейчас, дорогая! Не сейчас! Пусть Мириночка побудет одна, – мягко сказала ей жрица.

Томира подняла голову и, взглянув в печальные глаза Аргимпасы, послушно вернулась к стоявшей неподалеку матери.

Наравне с сородичами трудился и вождь племени Таргитай. Вместе с Шираком они таскали самые большие и тяжелые каменные валуны и укладывали их в основание кургана. А женщины старались успокоить безутешно рыдающих жен и матерей усопших воинов и выражали свое сочувствие их родным и близким.

Раскинув руки, Мирина по своему обыкновению лежала

на спине в море колышущегося ковыля и смотрела затуманенными от слез глазами в бездонную синеву небес. Девочка горячо молилась Духам всего, что существует в природе – Духам солнца, воздуха, неба, облаков, гор, лесов и степей, рек и озер, дождей и ветров. Мирина просила их позаботиться о павших в сражении соплеменниках и умоляла потусторонний Мир принять их души в ласковые объятия. Внезапно, словно вынырнув ниоткуда, в небе появился загадочный, вытянутой формы предмет с красиво отведенными назад крыльями и вертикальным хвостовым оперением. Испуская яркое огнистое сияние, он беззвучно и плавно полетел над землей.

– Что за наваждение? Может мне это всего лишь почудилось?! – подумала Мирина.

Она старательно вытерла слезы и вновь взглянула на небо. Станный, похожий на огромную птицу, предмет скользнул вниз и неподвижно завис над лежавшей в траве девочкой. Мирине стало как-то не по себе, но она не чувствовала страха. Ей вдруг захотелось одновременно кричать от радости и горько плакать, раствориться в полуденном зное и броситься в обжигающе-холодные воды Катуня. Девочка всем своим существом ощутила устремленный на нее сверху чей-то пронзительный изучающий взгляд.

– Кто ты?.. Что ты хочешь от меня? – приподнявшись с земли, воскликнула Мирина.

Издав нежнейший мелодичный звук, непонятный пред-

мет окутался радужным ореолом и, стремительно взмыв ввысь, через несколько мгновений растворился в небе. Крайне озадаченная увиденным, Мирина вскочила на ноги и стремглав помчалась к Аргимпасе, чтобы та объяснила ей столь загадочное явление.

Старая жрица только что вернулась с похорон и сидела в молитвенной позе перед бронзовой фигуркой богини Апи.

– Бабушка! Бабушка! Что я видела!!! – ворвавшись в шатер, закричала Мирина.

– Что такое, родная?! Что с тобой приключилось? – протирая руки к девочке, обеспокоено проговорила Аргимпаса.

Мирина бросилась в объятия бабушки и, задышав от волнения, принялась подробно описывать ей загадочное явление. Внимательно выслушав рассказ внучки, жрица устремила на девочку бесконечно мудрый ласковый взор и торжественно произнесла:

– Сегодня самый знаменательный день в твоей жизни, Мириночка! Блестящий образ, который тебе довелось увидеть над степью – это Великий знак Богов. Дорогая детка, перед тобой приоткрылась дверь в таинственный Мир Духов. Так войди же в нее! – сделав паузу, Аргимпаса добавила. – Мирина, тебе всего лишь девять лет, мне было пятнадцать, когда я тоже наблюдала подобное явление. Это случилось глубокой ночью. Сквозь сон я вдруг услышала тихий очень мелодичный перезвон, который проникал в душу, волновал

и завораживал. Выйдя из шатра, я подняла голову и увидела в черном звездном небе сказочной красоты крылатый предмет. В порыве неземной благодати и радости я протянула к нему руки. Приветливо качнув крыльями, чудный образ окутался радужным сиянием, резко тронулся с места и, спустя мгновение, исчез из вида. Узнав о ночном происшествии, моя мать Гэстия – известная в Скифии целительница – начала готовить меня к посвящению в жрицы. Жреческий дар передается в нашем роду только по женской линии. Причем из поколения в поколение он становится все сильнее и сильнее. Настал твой черед, Мирина, усердно постигать тайные, тщательно охраняемые от непосвященных тонкости жреческой премудрости. Думаю, что тебе не составит большого труда приобрести недостающие знания, так как ты уже многому научилась от меня и многого достигла сама благодаря великому природному дару, – сказала в заключение провидица, обнимая внучку.

– Бабушка, а как же моя мать – Опия? Почему она не стала жрицей?! – удивленно произнесла Мирина.

Аргимпаса грустно улыбнулась девочке и, глядя ей прямо в глаза, ответила:

– Опии не суждено было стать жрицей. Еще в младенчестве у моей дочери возобладал дух воительницы, а не жрицы. Трижды над ее колыбелькой подвешивали жреческое ожерелье и стрелу. И каждый раз малютка Опия тянулась к стреле, – немного помолчав, провидица лосково коснулась губа-

ми лба внучки и продолжила. – Зато в тебе, Мириночка, сосредоточено столько Духовной силы и доброты, что их с лихвой хватило бы на несколько скифских жриц. Даже при своем рождении ты уже была отмечена Богами.

– Как это было? Расскажи, бабушка! – умоляюще глядя в лицо Аргимпасы, попросила девочка.

Согласно кивнув головой, жрица заговорила:

– Мириночка, ты не доставила мучений своей матери. Роды Опии прошли на редкость безболезненно и быстро. Я с трепетом взяла тебя на руки, и тут случилось чудо. Вокруг твоей головки и крохотных ручек вспыхнул нежно-золотистый ореол. Восхищению Опии не было предела. Я строго-настрого запретила дочери рассказывать об этом кому-либо, даже Таргитаю. Спустя некоторое время золотистое сияние стало затухать. Когда оно полностью исчезло, я обмыла тебя в подогретой ключевой воде, завернула в нарядное покрывало и вынесла из шатра, чтобы дать тебе возможность впервые увидеть бескрайнюю степь, заснеженные горы, синее небо и щедрое алтайское солнце.

А как был счастлив твой отец! Кто бы мог предположить, что сильные, огрубевшие от рукоятей меча и сагарка руки грозного воителя могут с такой нежностью баюкать и ласкать младенца! Таргитай столь трогательно заботился о тебе и любимой жене Опии, что вызвал удивление не только у старейшин рода, но и у простых соплеменников.

– Ах, бабушка! Как же я люблю его!!! – с чувством вос-

кликнула Мирина.

– Да, детка, вождь Таргитай очень достойный и мудрый человек! И я отношусь к нему с глубоким уважением и теплотой.

Аргимпаса посмотрела в сияющие глаза внучки и серьезно проговорила:

– Мирина, вскоре тебе предстоит пройти через таинство посвящения в жрицы, и потому хочу повторить еще раз. Ты уже многому научилась от меня, а благодаря своему удивительному дарованию, со временем, сможешь соединять свой дух с духом больного человека и, призывая на помощь незримые Силы, исцелять те недуги, с которыми не под силу справиться даже наиболее опытным шаманам и жрецам. Через три дня – в ночь полнолуния – тебе, Мирина, откроются многие истины, стоящие по ту сторону Бытия. Но запомни, ты не должна открывать секреты магических свойств растений и камней тем, чье сознание спит, а разум закрыт для добродетели и человеколюбия! – сделав паузу, Аргимпаса пророчески произнесла. – По велению небес тебе, Мирина, предназначено стать самой могущественной белой жрицей, когда-либо рожденной на благословенной земле Алтая.

После этих слов провидица величественно поднялась с места и, взяв за руку притихшую Мирину, повела ее в шатер вождя. Внимательно выслушав Аргимпасу и получив от нее наставления по поводу предстоящей через три дня церемонии посвящения, Таргитай гордо поднял голову и рас-

правил богатырские плечи:

– Я всегда знал, что наша Мириночка необыкновенная девочка! Опия была бы счастлива узнать, что ее дочь удостоилась внимания Богов в столь юном возрасте, – с чувством проговорил вождь и громко воскликнул. – Ты слышишь меня, Опия!

– Она слышит тебя, Таргитай! – уверенно и твердо произнесла Аргимпаса. – Светлый дух Опии постоянно витает около Мириночки. Я чувствую ее присутствие! Недаром перед смертью Опия завещала свой меч дочери. Она будет покровительствовать Мирине на поле боя, потому как нашей девочке суждено стать не только самой могущественной жрицей, но и несравненной воительницей.

После слов провидицы Таргитай взял в свою огромную мозолистую ладонь узкие загорелые руки Мирины и прижался к ним губами. Затем он поднял вверх голову и глухим прерывающимся голосом заявил:

– Целуя руки нашей любимой дочери – я целую твои руки, незабвенная Опия!

Ощувив на своем лбу нежнейшее, словно вздох, прохладное дуновение, Таргитай до крови закусил губу и крепко прижал к себе Мирину. Почувствовав себя на данный момент лишней, провидица тихо ушла. А Таргитай и Мирина еще долго сидели обнявшись. Время от времени касаясь губами черных блестящих волос дочери, вождь со щемящей тоской думал о своей безвременно ушедшей в Мир пред-

ков красавице жене. А девочка, прижимаясь к могучей груди Таргитая, с восторгом размышляла: «У меня самый замечательный на всем белом свете отец! Если потребуется, я, не колеблясь, отдам за него свою жизнь!».

Наконец наступил долгожданный день — день посвящения Мирины в белые жрицы. На рассвете, ласково разбудив внучку, Аргимпаса сказала:

— Родная моя, с этого момента и до завтрашнего утра ты не должна прикасаться к еде. Сейчас Мириночка, ступай к отцу, а после очищающей тело ритуальной бани, мы отправимся с тобой в потаенное Священное место, расположенное в глубине алтайских гор. Там нам предстоит испросить духов Земли, Воздуха, Огня и Воды взять тебя под свое покровительство.

Проводив девочку, Аргимпаса принялась за устройство ритуальной бани. Для этой цели она с помощью Ширака установила неподалеку от своего шатра большую деревянную треногу. Обтянув ее шерстяным войлоком, жрица оставила низкий вход с восточной стороны. После того, как посреди своеобразного шатра был установлен чан с водой, Аргимпаса бросила в него раскаленные докрасна камни. В этой скифской бане Мирине следовало совершить ритуальное омовение. Оно должно было помочь девочке в подготовке души и тела к предстоящему испытанию, при котором человек вначале странствует по глубинам собственного «Я», а затем его разум раскрывается навстречу Вселенской Мудрости

и Просветлению. После того, как все приготовления были завершены, жрица пошла за Мириной.

– Нам пора, детка! – войдя в шатер вождя, мягко позвала внучку Аргимпаса.

– Ступай, любовь моя, и ничего не бойся! Да будет милостива к тебе всемогущая богиня Апи! – напутствовал свою девятилетнюю дочь Таргитай.

На прощание Аргимпаса еще раз строго-настрого наказала вождю, чтобы от начала ритуального омовения и до окончания таинства посвящения, никто из соплеменников не смел приближаться к Мирине и разговаривать с ней, было запрещено даже смотреть на нее.

После того, как жрица и девочка покинули шатер, Таргитай призвал своего верного друга и телохранителя Ширака. Посвятив его в суть дела, вождь отдал приказание, чтобы несколько охранников держали людей на достаточном расстоянии от шатра Аргимпасы. Воины быстро известили все племя о строжайшем распоряжении вождя, а Таргитай вместе с Шираком отправился на пастбище, чтобы отыскать и пригнать к стойбищу самого большого и красивого белого быка, предназначенного для жертвоприношения.

Дождавшись, пока в кочевье воцарится тишина, Аргимпаса и Мирина вышли из шатра и, согнувшись, подлезли под треногу, где им предстояло совершить омовение. Провидица быстро разделась сама, потом раздела девочку и усадила ее на деревянную скамью. Вначале она умастила тело Мирины

драгоценными благовониями, привозимыми купцами из далеких восточных стран. Затем Аргимпаса тщательно вымыла голову внучки и, набрав полную горсть конопляного семени, бросила его на раскаленные камни. Семя задымилось и стало плавиться. От этого поднялся такой сильный дым и густой пар, что Мирина чуть не задохнулась. Стоически перенеся удушье, теперь она натерла Аргимпасу благовонными маслами. После чего они принялись хлестать разгоряченные тела друг друга метелками, сделанными из стеблей лечебных трав. Выпарившись в бане, Мирина и жрица завернулись в заранее приготовленные белые покрывала и быстро перешли в шатер. Некоторое время они отдыхали, лежа на чистых постелях, а затем Аргимпаса повела внучку в горы.

После их ухода в кочевье воцарилось необычайное оживление. Люди прослышали о том, что Мирине надлежало этой ночью пройти таинство посвящения в жрицы. Шаманами и жрецами могли становиться лишь мужчины и женщины, достигшие подобного уровня духовного развития. Напряженная длительная пора обучения и посвящения, обязательная для принятия жреческого сана, требовала особого умения и природного дара, позволявшего жрецу или шаману быть посредником между людьми и Духами высших и низших Миров. Поэтому те, кто успешно проходил эти испытания, пользовались всеобщим уважением и восхищением. Но о принятии жреческого сана в столь раннем возрасте

не помнили даже мудрые старейшины племени Таргитая.

Самобытный духовный мир и необычные способности Мирины делали ее существенно непохожей на других кочевников. В результате чего соплеменники относились к девочке с некоторой настороженностью. Одни ее боялись и сторонились, другие уважали за отзывчивость и доброту, третьи – беззаветно любили. С мнением юной Мирины считались даже умудренные опытом старейшины рода, возлагавшие на нее большие надежды в будущем. Но в любом случае, появление в кочевье новой жрицы воспринималось всеми, без исключения, соплеменниками, как хороший знак.

Тем временем Аргимпаса и Мирина уходили все дальше и дальше в горы. По одной лишь ей известной тропе, изви- вающейся как змея среди нависающих известковых скал, которыми изобиловали эти края, провидица вывела девочку к мощному водопаду. Падая с огромной высоты, он с неистовым ревом устремлялся в глубокое ущелье с крутыми скалистыми стенами, сложенными из многоцветных каменных пород. Достигая дна ущелья, водопад метался, рвался и клочкотал, создавая облака сверкающей водяной пыли. При виде этого впечатляющего природного чуда, Мирину вдруг охватила безотчетная радость и упоение.

– Ах-х, бабушка! Красота-то, какая!!! – восторженно закричала она во весь голос. – Может здесь проживает сама богиня Апи?!

– Нет, дорогая! – наклонившись к уху внучки, громко про-

говорила Аргимпаса. – В этом Священном месте обитает дух Воды! А все алтайские воды берут свое начало из Великой реки, истекающей из Гóрного мира. Именно поэтому наша вода столь свежа, прозрачна и вкусна! Так помолимся же Священному духу Воды и испросим его благословения!

С этими словами провидица молитвенно сложила руки и низко склонилась перед величественным в своей первозданной дикой красоте водопадом. Мирина бесстрашно подошла к самому краю ущелья и посмотрела вниз. Глядя на неистово бушующие пенные воды, она, стараясь перекрыть грохот низвергающегося с огромной высоты водопада, воскликнула:

– Я преклоняюсь перед тобой, могучий дух Воды!

Сама не зная почему, девочка скрестила вдруг на груди руки и, стоя на краю отвесной скалы, запела. Время от времени сквозь рев водопада до Аргимпасы доносились необычайно торжественные и звучные слова гимна, исполняемого Мириной на неизвестном языке. Внезапно над водопадом от края до края ущелья раскинулась и ярко засияла сказочной красоты радуга. Тоненькая фигурка поющей девочки оказалась заключенной внутри одного из ее концов. На какой-то миг Аргимпасе показалось, что вместо горячо любимой внучки она видит могучего черноволосого мужчину в белоснежных одеяниях. От неожиданности у престарелой жрицы подкосились ноги, и она тяжело осела на землю.

– Что случилось, бабушка?! – забеспокоилась подбежав-

шая Мирина.

– Ничего, родная! Ничего! – постаралась успокоить внучку Аргимпаса. – Просто у меня немного закружилась голова.

– Почему? Ответь мне! – не унималась девочка.

– От счастья, детка! От счастья! Мне довелось увидеть, как Дух алтайских Вод ниспослал тебе свое благословение. И поверь мне, это было прекрасно!

С помощью Мирины жрица поднялась с земли, и они низко поклонились грохочущему водопаду. Затем Аргимпаса обняла внучку за плечи, и они продолжили свой путь. На границе вечных снегов, почти на голых каменных россыпях, произрастал и цвел во всей красе самый дивный цветок Алтая – «Жар-цвет». Провидица приказала Мирине нарвать немного огненно-алых цветков и сплести из них венок. Когда веночек был готов, они пошли дальше.

Чем выше в горы забирались Аргимпаса и Мирина, тем чаще на их пути встречались так называемые «Олени камни», относительно ровная поверхность которых была испещрена загадочными рисунками, выбитыми еще во времена глубокой древности. Скифы были уверены, что эти изображения наделены великой магической силой и относились к ним с большим почтением. Аргимпаса привела девочку в уединенное труднодоступное место, окруженное со всех сторон мощной горной грядой. Мирина внимательно огляделась по сторонам и поразилась обилию сакральных символов, покрывавших обнаженные поверхности близлежащих

скал. На большой поросшей изумрудной зеленью поляне был выложен Круг, составленный из массивных каменных валунов, над которым вздымались в небо столбы радужного света. Это дивное свечение вызывало необычайно яркие отблески на заснеженных вершинах горного хребта, обрамлявшего поляну.

– Этот Священный каменный Круг создали наши предки! – строгим назидательным голосом пояснила девочке Аргимпаса. – Место для него долго и тщательно выбиралось. Самые могущественные скифские жрецы и шаманы прибегали к вещим снам и видениям, дабы потом извлечь наибольшую пользу от природных энергетических токов матери-Земли. Природная энергия, источаемая Священным Кругом, благотворно воздействует на сознание и будит в необычайно одаренном человеке силы, ответственные за развитие его сверхъестественных способностей.

Мирина принялась разглядывать каменные валуны, составляющие Священный Круг. Самые большие и высокие камни были строго ориентированы на четыре стороны света. Приглядевшись, девочка различила на них глубоко процарапанные изображения таинственных знаков. Но особенно воображение Мирины поразили своим внушительным и величественным видом пара каменных изваяний. На восточной стороне Священного Круга возвышалась статуя богини Апи – покровительницы скифов. Всесильная алтайская богиня была изображена в полный рост с длинными распущен-

ными волосами и загадочной улыбкой на устах, а ее руки прижимали к животу большой каменный кувшин. А на западной стороне Круга высилось изваяние рогатого трехглазого существа с человеческим лицом. Это массивное каменное изваяние было посвящено могущественному олицетворению Духа Природы. Столбы сияющего света, источаемые Кругом, словно оживляли величественные статуи, придавая их каменным лицам осмысленное выражение.

Тщательно причесав густые черные волосы Мирины, провидица надела на ее голову венок из цветов Жар-цвета и, достав из тайника золотой ритуальный жезл, приказала девочке встать посреди Священного Круга.

– Сосредоточься, Мирина, и постарайся услышать Великих духов Алтая! – торжественно проговорила Аргимпаса и принялась негромко напевать древний гимн, в такт мелодии позванивая серебряными колокольчиками, подвешенными к жезлу.

Трепещущая от серьезности предстоящего испытания, Мирина проследовала в центр магического Круга и подняла глаза к бездонному небу. Жаркие лучи алтайского солнца ласкали смуглую кожу воодушевленно молившейся девочки. Внезапно Мирина почувствовала, что какая-то неведомая сила, словно желая поглотить, притягивает ее к земле. У девочки подогнулись колени, и, чтобы не упасть, она невольно взмахнула руками. В тот же миг невесть откуда налетевший порыв ледяного ветра разметал волосы Мирины и,

сорвав с головы веночек из огненно-алых цветов, бросил его к ногам каменного изваяния богини Апи. Расчеркнув безоблачное небо широким зигзагом, сверкнула ослепительно яркая молния, и раздался оглушительный раскат грома, многократно повторяемый гулким горным эхом.

– Силы Природы наделены способностью распознавать своих, они услышали тебя, Мирина! Могущественные духи Алтая приветствуют новую жрицу!!! – отчетливо и громко объявила Аргимпаса.

Мирина с благоговением распростерлась на земле в центре Священного Круга, а пожилая жрица преклонила колени перед каменным изваянием трехглазого существа с человеческим лицом.

На кочевье спускались голубые сумерки, когда соплеменники издали заметили возвращавшихся с гор Аргимпасу и Мирину. Подхватив на руки детей, мужчины и женщины поспешно укрылись в своих юртах и повозках, так как ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы чей-либо недобрый взгляд осквернил еще не прошедшую полного посвящения новую жрицу. Ведь от того, какой она станет, зависело и благосостояние самого племени.

По безлюдному, словно вымершему стойбищу, Аргимпаса и Мирина проследовали в свой шатер. Провидица напоила горячим травяным отваром озябшую от переживаний, ничего не евшую с утра девочку, чтобы та согрелась и подкрепилась. Мирина с блаженством выпила вкусный пахнущий мя-

той и душицей целебный настой и почувствовала, как приятное тепло растекается по ее телу.

Близилась полночь. Аргимпаса расставила вокруг очага бронзовые светильники, наполненные благовонными маслами, и разложила в определенном порядке мраморные шары, испещренные магическими знаками. Затем она принесла золотой сосуд-ритон, в основании которого была изображена голова быка. С низким почтительным поклоном Аргимпаса отлила немного жидкости из ритона в золотую чашу, зажатую в руках бронзовой фигурки богини Апи. Опустившись на колени перед изваянием богини, Мирина молитвенно сложила ладони и попросила могущественную скифскую Покровительницу быть милостивой к ней и позволить благополучно завершить обряд посвящения в белые жрицы.

Вскоре воздух в шатре пропитался терпким ароматом от воскурения копала, ладана и других душистых трав. Чтобы умиловить духа Огня, провидица Аргимпаса поставила на небольшой алтарь перед очагом три красивые чаши с кобыльим молоком, травяным чаем и крепким вином. Во время проведения сакрального ритуала каждое действие имело особое значение и тайный смысл. Сидя на войлочных подушках напротив друг друга, Аргимпаса и Мирина подбрасывали в огонь душистые хвойные ветки и возносили благодарственные молитвы духу Огня. У кочевого люда Огонь являлся Великим Божеством, которому поклонялись все племена и народы. Спустя некоторое время в очаге

с треском полыхнул и высоко взвился малиново-алый язык пламени, ярко осветив лица пожилой жрицы и Мирины.

Поклонившись Огню в очаге, Аргимпаса взяла в руки сосуд-ритон и серебряную кружку с позолоченной ручкой в виде миниатюрной фигурки оленя. Наклонив сосуд, она налила в кружку темную пахучую жидкость и протянула ее внучке. Мирина с почтительным видом приняла ее из рук провидицы и, медленно выпив густой горьковато-сладкий напиток ХАОМЫ, вернула пустую кружку. Удовлетворенно кивнув головой, Аргимпаса взяла с алтаря костяной жезл, увенчанный скульптурной головой разъяренного хищника с подвешенными к ней мраморными луковидными подвесками. Пристально и серьезно посмотрев в глаза девочки, Аргимпаса принялась ритмично ударять жезлом об пол. Под негромкие удары каменных подвесок друг о друга и монотонное пение жрицы, Мирина почувствовала вдруг легкое головокружение и стала медленно проваливаться в странную парализующую тело дремоту.

– Погрузись в себя, детка! Исследуй свою душу! – доносился откуда-то издалека шелестящий голос Аргимпасы. – Запомни, Мирина, возникают и рушатся царства, меняются правители, неизменной остается лишь Тайная Мудрость, пришедшая к нам из сумрака времен. Древняя премудрость открывает избранным знание многих вещей и природных явлений, недоступных пониманию простых смертных. Главное – изгнать из сознания сомнения и тогда у жреца появ-

ляется возможность совершать все, что угодно. Оставшись наедине со своими мыслями, тебе, Мирина, предстоит пройти нелегкий тернистый путь. Ты обязана приложить максимум усилий, чтобы в момент странствия души, преодолеть воздействие темной стороны силы в виде злых духов, покровителей черного шамана Аморга, и устремиться к сияющему Свету, ведущему в высшие Миры. Поистине, велико значение разума и его способности познавать природу явлений Добра и Зла, мрака и света, любви и ненависти, радости и страдания. Если ты успешно справишься с этой задачей, то после таинства посвящения будешь признана Богами могущественной белой жрицей!

Мирине казалось, что негромкие слова Аргимпасы словно большие капли срывались откуда-то с небес и с мелодичным звоном падали в ее расплавленное жидкое сознание. Погруженная в глубокий транс девочка будто со стороны наблюдала, как от места падения весомых слов-капель плавно расходились радужно светящиеся круги.

Голос мудрой провидицы умолк, а сознание Мирины еще долго продолжало витать в непостижимо загадочных Мирах. Перед ее внутренним взором возникали и бесследно исчезали странные видения. Какие-то страшные существа протягивали к Мирине свои лохматые когтистые лапы, а из открытых зубастых пастей чудовищ свешивались длинные окровавленные языки. Злобные чудища пытались завладеть душой девочки и утащить ее в глубины преиспод-

ней. Но в самые тяжелые мгновения, неведь откуда возник образ величественного могучего мужчины, облаченного в ослепительно белые одеяния. Прекрасные жгуче-черные глаза незнакомца излучали такую безграничную доброту и понимание, что Мирина сразу же обрела силы и успокаивалась. С завидным самообладанием и уверенностью в себе она сражалась со злобными порождениями Тьмы и неизменно выходила победительницей. Внезапно в сознании девочки вспыхнул лучезарный Свет неопиcуемый красоты. Ощувтив небывалый прилив сил и умиротворения, Мирина всем своим существом устремилась к нему навстречу. Последнее, что она успела увидеть, погружаясь в крепкий здоровый сон, выпрыгнувшего из Света дивного фантастического зверя с переливавшимися ярким радужным цветом крыльями, змеящимся хвостом и раскрытой пастью, извергающей золотистое пламя.

Мягко струившийся с безоблачных небес лунный свет освещал богатырскую фигуру Таргитая, неподвижно сидевшего близ своего шатра. Взор вождя был прикован к шатру провидицы Аргимпасы, где в это время происходило священнодействие. Таргитай был несказанно счастлив и горд за свою горячо любимую дочь Мирину. Ведь ни в одном из скифских племен еще не было случая, чтобы жрицей становилась девочка столь юного возраста. Глубоко вздохнув, Таргитай бросил взгляд на спящее кочевье и заметил неболь-

шую темную фигурку, мелькнувшую между юрт.

– Подойди ко мне, Томира!!! – властно окликнул он девочку.

Томире было известно, что до полудня следующего дня никто, даже отец, не имел права общаться с Мириной, и она страшно напугалась, решив, что Таргитай хочет наказать ее за непослушание. Томира робко приблизилась и, теребя дрожащими пальцами кончик длинной косы, подняла полные слез глаза на вождя племени.

– Я! Я вовсе не хотела подходить к шатру Аргимпасы! Просто я очень переживаю за Мирину, и потому неподалеку молилась богине Апи, чтобы она была милостива к ней в эту ответственную ночь, – срывающимся голосом пролепетала в свое оправдание Томира и громко всхлипнула.

Таргитай ласково улыбнулся девочке, вытер заструившиеся по ее щекам слезы и, усадив рядом с собой, заявил:

– Ну, что ты, милая! Успокойся, я и не думал бранить тебя! Мне ведь известно, как ты любишь Мириночку. Так давай же в эту светлую ночь, мы посидим вместе и дружески побеседуем!

Облегченно вздохнув, Томира доверчиво посмотрела в строгое мужественное лицо вождя и, вдруг осмелев, со всей серьезностью высказала уже давно засевшую в ее голове мысль:

– Мне думается, что когда наша Мириночка вырастет, то станет самой могущественной жрицей Скифии. Она будет

даже сильнее самой провидицы Аргимпасы.

Тяжелая рука Таргитая легла на худенькое плечико девочки. Он прижал к себе Томиру и, крепко поцеловав в лоб, воскликнул:

– Какая же ты умница, детка! Я ведь тоже так считаю! Томира, не смотря на свой юный возраст, ты заслуживаешь уважения за дальновидность и рассудительность! – взглянув на хорошенькое личико девочки, Таргитай продолжил. – Незаметно пройдут года, ты вырастешь, Томибочка, и превратишься в замечательную красавицу. И тогда, поверь мне, юноши не только нашего кочевья, но и других скифских племен сочтут за честь взять тебя в жены. Как жаль, что Опия не успела родить мне сына. Ты вышла бы за него замуж, и я с удовольствием породнился бы с Шираком.

Томира буквально расцвела от лестных слов вождя и почему-то подумала о юном табунщике Гойтосире. Таргитай и прильнувшая к нему девочка еще долго сидели в ночной тишине, думая каждый о своем. В высоком звездном небе, раскинувшимся над спящим кочевьем, ярко светила полная луна.

Мирину разбудили на рассвете звонкие переливчатые трели жаворонков. Все произошедшее этой ночью отчетливо всплыло в ее просветлевшем сознании. Мирина поцеловала в щеку спавшую рядом с ней Аргимпасу и погладила обнимавшую ее теплую морщинистую руку. Жрица мгновенно

проснулась и ласково улыбнулась внучке.

– Ах, бабушка! Я так голодна, что готова съесть целого барашка! – сладко потянувшись, призналась девочка.

Аргимпаса быстро разожгла очаг, поставила на огонь котелок с водой для приготовления целебного травяного чая и обратилась к Мирине:

– Прежде, чем я тебя накормлю, вспомни, что ты видела в последние мгновения, перед тем как заснуть?

Девочка принялась подробно описывать привидевшегося ей фантастического крылато-хвостатого зверя с пастью, извергающей золотистый огонь. Внимательно выслушав внучку, Аргимпаса удовлетворенно кивнула головой и пояснила:

– Мирина, ты видела огнедышащего дракона. Это очень хороший знак! Сбылось древнее пророчество, гласившее, что придет время и на земле Скифии появится Великая белая жрица с огненным сердцем и мудростью дракона. Даже после смерти этой могущественной жрицы, ей суждено быть вечной заступницей и хранительницей Алтая! – сделав паузу, Аргимпаса задумчиво добавила. – Этой ночью я молила Богов открыть мне твое будущее. На твою долю, Мириночка, выпадут нелегкие испытания, грозные опасности, подлые измены и тяжелые потери, но с тобой всегда будут рядом верные друзья и Божественные покровители. Мне было позволено также увидеть на мгновение несравненной красоты Кристалл, переливавшийся бесчисленным количеством радужных огней. Этот дивный Кристалл каким-то загадочным

образом связан с твоей дальнейшей судьбой.

Мирина захлопала в ладоши и радостно воскликнула:

– Как я рада, бабушка, что ты тоже смогла увидеть этот светоносный Кристалл! Я часто вижу его во сне! Иногда он превращается в дивное сияющее облако, а то вдруг раскрывается, подобно цветку, и в его бездонной глубине появляется ночное небо, усеянное мерцающими звездами.

– Здесь кроется какая-то тайна, Мириночка! И тебе предстоит ее раскрыть, – озадаченно проговорила Аргимпаса, ловко переворачивая ножом шипящее на горячей сковороде мясо.

Изрядно проголодавшаяся Мирина с жадностью съела кусок овечьего сыра, а затем впилась зубами в толстый сочный кусок, разогретой на огне оленины. Выпив полную чашу душистого травяного чая, девочка вытерла губы и облегченно вздохнула.

Тем временем Аргимпаса достала из резного ларца короткие золотые иглы и драгоценный флакон с синей китайской тушью, подбросив в огонь веток можжевельника, она подозвала Мирину. Усадив рядом с собой девочку, провидица обнажила ей левое плечо и принялась старательно делать на нем татуировку. Аргимпаса столь тщательно и верно изобразила виденного Мириной во время посвящения дракона, что та, разглядывая свое плечо в зеркальце, восхищенно ахнула и бросилась на шею бабушки.

Татуировка у скифов позволяла мгновенно оценить соци-

альное положение ее обладателя. Причем у женщин татуировка наносилась на левое плечо, а у мужчин – на правое. У провидицы Аргимпасы был изображен на плече мифический зверь – грифон, а у вождя племени Таргитая – искусная татуировка в виде застывшего в прыжке разъяренного барса.

Полюбовавшись синим драконом, красиво изогнувшимся на плечике девочки, Аргимпаса назидательно произнесла:

– Мирина, отныне ты должна еще упорнее постигать секреты жреческого мастерства и трудиться, не покладая рук, чтобы быть достойной оказанного тебе Богами доверия!

Аргимпаса налила внучке отвара из шиповника, добавив в него немного болеутоляющего настоя, чтобы успокоить жжение на месте татуировки. Затем, высоко засучив рукава, она замесила тесто в деревянной кадке, чтобы чуть позже напечь праздничных пирогов. Покончив с делами, провидица направилась в шатер вождя уточнить, приготовлено ли все необходимое к обряду жертвоприношения. Аргимпаса придирчиво осмотрела огромного белого быка, накануне пригнанного из стада Таргитаем и Шираком, и осталась довольна. Это могучее красивое животное было предназначено для принесения в жертву богине Апи – покровительнице скифов. Тем временем в живописном месте за стойбищем стали собираться празднично одетые соплеменники.

Вернувшись в свой шатер, Аргимпаса нарядила Мирину в красивое шелковое платье, отороченное нежным мехом горностая, и обула в изящные башмачки, расшитые замыс-

ловатым узором. Шею девочки украсило первое в ее жизни жреческое ожерелье с золотыми фигурками оленей и грифонов. Провидица тщательно расчесала костяным гребнем волосы внучки и надела на ее прелестную головку золотой обруч с массивными височными подвесками, составленными из оправленных в золото крупных самоцветов. Этот бесценный головной убор принадлежал еще прабабушке Аргимпасы и переходил из поколения в поколение к женщинам, прошедшим жреческое посвящение. Открыв заветный ларец, провидица достала из него браслет из метеоритного железа в виде змеи, испещренной магическими символами, и вручила его Мирине. Восхитившись работой мастера, изготовившего амулет, девочка надела его на левую руку. Свободно скользнув по тонкой руке Мирины, браслет закрепился лишь на чуть выступающих мускулах выше предплечья.

– Когда этот уникальный амулет придется тебе впору на запястье, ты удостоишься чести, чтобы тебе покрыли та-туировкой руку от плеча до кисти, – торжественным голосом сообщила Аргимпаса.

Внимательно оглядев наряд внучки, жрица удовлетворенно вздохнула и взяла в руки большое бронзовое зеркало. Мирина взглянула на свое отражение и восхищенно ахнула:

– Бабушка, неужели это я!!!

– Конечно же ты, мое ненаглядное сокровище! Это ты, моя красавица! – проговорила Аргимпаса, любуясь внучкой.

Кокетливо покрутившись перед зеркалом, Мирина расце-

ловала бесконечно мудрое лицо провидицы и решительно заявила:

– А теперь, дорогая бабушка, моя очередь разодеть тебя как царицу Скифии!

Аргимпаса позволила Мирине облачить ее в длинное складчатое платье, сотканное из шерстяного пуха, и беличий нагрудник, отороченный горностаем. После чего девочка старательно закрепила на голове пожилой жрицы мягкую остроконечную шапочку, расшитую золотыми бляшками-цветами и длинное, спускающееся до пояса покрывало, обрамленное каймой из золотых бляшек с изображением богини Апи. Головной убор Аргимпасы дополняли великолепные височные кольца с сердоликовыми подвесками. Мирин любовно украсила шею провидицы пятью драгоценными ожерельями, соответствующими ее высокому жреческому статусу. Скифы любили носить драгоценности, и потому Аргимпаса щедро нанизала на свои запястья несколько сверкающих золотых и серебряных браслетов, а пальцы украсила дорогими перстнями, на одном из которых был выгравирован летящий лебедь. Оценив роскошный наряд и величественную осанку бабушки, Мирин от восторга захлопала в ладоши. Улыбнувшись своему отражению в зеркале, Аргимпаса обняла за плечи внучку и вывела ее из шатра.

Первым человеком, которого они встретили, была конечно Томира. Она уже давно бродила вокруг шатра провидицы, изнывая от нетерпения поскорее встретиться с Мириной.

Увидав выходящую из шатра подругу, Томира с радостным визгом бросилась ей навстречу. Но, заметив на Мирине богатые жреческие украшения, она вдруг замерла на месте и испуганно посмотрела на Аргимпасу.

– Все хорошо, Томирочка! Ты не нарушила запрет! – ласково улыбнувшись, успокоила девочку провидица. – Сейчас полдень и с этого момента с новой жрицей могут общаться все соплеменники.

Шагнув вперед, Мирина крепко обняла свою верную подругу и шепнула ей на ухо:

– Ты даже не представляешь, как я по тебе соскучилась!

– Правда! А я так переживала за тебя!!! – с чувством воскликнула Томира. – Всю ночь напролет я умоляла богиню Апи, чтобы она была милостива к тебе, и посвящение в жрицы прошло как можно удачней!

Аргимпаса взяла за руки неразлучных подруг, и они втроем отправились к месту, где должно было состояться торжественное представление соплеменникам новой жрицы и ритуальное жертвоприношение белого быка. Ради такого случая Томира надела на себя свое самое лучшее платье и новые украшения, привезенные ей отцом из похода.

Завидев дочь, беспечно шагающую вместе со жрицами, Спаретта страшно заволновалась и, укоризненно взглянув на Томиру, строго заговорила:

– Как ты могла послушаться меня! Я ведь запретила тебе приближаться к Мирине вплоть до окончания церемонии

жертвоприношения!

Аргимпаса погладила по голове залившуюся слезами девочку и мягко сказала:

– Не надо ругать ее, Спаретта! Томирочка не сделала ничего дурного! – немного помолчав, жрица вежливо обратилась к рассерженной на дочь женщине. – У меня есть к тебе просьба, Спаретта. После окончания ритуальной церемонии не могла бы ты явиться в мой шатер, чтобы помочь приготовить нам с Мириной праздничное угощение для всех детей кочевья.

– Конечно, Аргимпаса! Я почту за честь помочь вам в этом деле! – обрадовалась женщина.

Примирительно обняв за понурые плечики заплаканную дочь, Спаретта направилась с ней к стоявшим поодаль соплеменникам. Аргимпаса с торжественным видом представила опустившимся на колени людям избранную Богами новую жрицу, после чего подала знак вождю племени к началу церемонии заклания жертвенного быка. Таргитай и Ширак степенно вывели в центр большого круга, образованного кочевниками, красивого белого быка. Аргимпаса и Мирина встали друг против друга на некотором удалении от жертвенного животного. Пока Таргитай придерживал быка за крутые рога, Ширак быстро связал животному передние ноги. Встав позади быка, Ширак мощным рывком потянул на себя конец веревки и тем самым поверг жертву на землю. Во время падения животного жрицы стали громко произносить слова

молитвы, взывая к скифской богине Апи и могущественным духам Природы, которым приносилась эта жертва.

Между тем Ширак набросил на шею белого быка крепкую петлю, сплетенную из выделанной кожи. Резким поворотом палки, всунутой в петлю, могучий воин задушил жертвенного быка. После того, как прекратилась его предсмертная агония, наиболее уважаемые мужчины племени принялись обдирать шкуру с еще теплого быка. А женщины разожгли сразу несколько больших костров, водрузив над ними бронзовые котлы, заранее наполненные свежей родниковой водой. Разделав жертвенного быка, мужчины заложили очищенное от костей мясо в кипящую воду. Когда дрова стали прогорать, женщины стали подбрасывать в костер бычьи кости, которые отлично горели, выделяя при этом много жара.

Понаблюдав немного за варкой мяса, провидица Аргимпаса вместе со Спареттой и девочками вернулась в кочевье, чтобы приготовить угощение для детей племени. Придя в шатер, они бережно сняли с себя праздничные одеяния и занялись работой. Из заранее приготовленного Аргимпасой теста женщины принялись выпекать сдобные лепешки и сладкие пироги. Мирина и Томира щедро накладывали вкусную начинку и, старательно защипав по краю очередной пирог, с наслаждением облизывали пальцы, испачканные сладким ягодным соком.

Обычные пшеничные лепешки были для детей кочевья большим лакомством, так как зерно и муку приходилось за-

купать у оседлых скифских племен, которые возделывали небольшие участки земли и выращивали на них пшеницу, просо и ячмень. Племя Таргитая было кочевым, а много зерна с собой не увезешь. К тому же и цена за зерно и муку была немалая. Но Аргимпаса ради такого случая, как посвящение в жрицы горячо любимой внучки, ничего не жалела и истратила на угощение весь свой запас муки и горшок дикого меда.

Пироги получились отменными. Порезав их на куски и уложив горкой на больших бронзовых блюдах, Аргимпаса и Спаретта расставили их на низких столиках перед шатром. Мирина с Томирой сновали туда сюда, вынося из шатра провидицы блюда с горячими румяными лепешками и чаши с медом. Восторгу набежавшей детворы не было предела. Они обступили столы и хватали грязными руками ароматные лепешки и куски пирогов. Сладкий сок заливал их подбородки и грудь. Руки стали липкими от меда, а на чумазные детские мордашки просто смешно было смотреть.

– Я так наелась, что меня даже немного тошнит, – поглаживая раздувшийся живот, призналась подруге Томира и громко икнула.

– Да ты всегда была жуткой обжорой! – беззлобно засмеялась над ней Мирина. – Я просто не понимаю, как в тебя влезает столько еды? Ведь ты совсем не толстая, Томира!

– Она берет пример со своего отца, Ширак тоже много ест! – услышав разговор девочек, с улыбкой сообщила Спа-

ретта.

– Но ведь Ширак самый большой и сильный мужчина племени, а Томира всего лишь девятилетняя девочка, – резонно отметила Мирина.

Разгоряченная работой у жарко пылающего очага Спаретта неопределенно пожала плечами и вытерла обильно струившийся со лба пот. Подумав, Мирина перевела взгляд на объевшуюся до изнеможения подругу, окинула пристальным взором ее вздувшийся живот, блестящее от меда и ягодного сока лицо и вдруг озорно воскликнула:

– Представляешь, Томира! Вот если ты постоянно будешь так много есть, то вырастешь такой же огромной, как твой отец Ширак! Да массагеты просто умрут от ужаса, увидав, что на них, размахивая мечом, с воинственным кличем мчится на коне гигантская толстая женщина с мускулами, как у породистого жеребца!!!

Представив себе подобную картину, Аргимпаса и Спаретта расхохотались, а Томира повалилась на землю и, корчась в приступе безудержного смеха, дрыгала ногами. Ребяшня, до сей поры с аппетитом уплетавшая лепешки с медом, ожилилась и с радостным визгом принялась изображать великаншу Томиру, скачущую по степи с обнаженным мечом. При этом дети страшно раздували щеки и, свирепо вращая глазами, вприпрыжку носились вокруг столов, размахивая прутьями и ветками, заготовленными для розжига очага. То вдруг детвора принималась играть роль презренных масса-

гетов. Корча мерзкие рожи, они хватались за головы, животы и свои тощие задницы, а затем падали на мнимое поле боя в самых дурацких и нелепых позах.

Подошедшие Таргитай и Ширак долго не могли сообразить, что за катавасия творится перед шатром Аргимпасы. Наконец Спаретта, давась от смеха, кое-как объяснила им причину столь буйного веселья. Таргитай широко улыбнулся и, одобритительно подмигнув дочери, удалился в свой шатер. Ну, а Ширак громко фыркал и так заливисто хохотал, что на его глазах выступили слезы.

Позже, когда насытившиеся до отвала дети разбежались кто куда, и наступила относительная тишина, вернулся Таргитай с большим кожаным мешком в руках. С удовольствием оглядев вновь принарядившихся в праздничные одеяния женщин и девочек, Таргитай подозвал к себе Мири-ну. Достав из мешка великолепный железный акинák, руко-ять и ножны которого были украшены изысканной чеканкой и золотыми головками грифонов, вождь вручил его девочке и торжественно произнес:

– Мирина, в этот памятный и знаменательный для всего племени день, я решил подарить тебе свой любимый акинак. Придет время, ты вырастешь и станешь такой же отважной воительницей, какой была твоя мать Опия. И тогда этот замечательный акинак верно послужит тебе на поле битвы.

В глазах девочки появился радостный блеск, ведь это было ее первое боевое оружие. Бережно прижимая к груди

акинак, Мирина низко поклонилась отцу. Ласково поцеловав дочку, вождь вновь полез в мешок и осторожно извлек из него высокий, необычайной красоты, женский головной убор. С почтительным поклоном Таргитай протянул его провидице Аргимпасе. Головной убор был изукрашен золотыми фигурками леопардов и парой белых лебедей, искусно вырезанных из кости. По просьбе Таргитая прекрасный, поистине царский, головной убор изготовил самый знаменитый мастер Скифии, и вождь ожидал подходящего случая, чтобы преподнести его в дар провидице Аргимпасе.

Растроганная до слез жрица с трепетом приняла столь изумительный подарок и, благословив Таргитая, по-матерински расцеловала его в лоб и щеки.

– Меня несказанно обрадовал твой бесценный дар, Таргитай. Такого великолепного головного убора нет ни у одной жрицы Скифии, – с благодарностью промолвила Аргимпаса. – Я буду надевать его в особо торжественных случаях, а когда умру, пусть меня в нем и похоронят.

– Мне приятно слышать, что подарок пришелся тебе по сердцу! – с достоинством отозвался вождь и, вновь поклонившись женщине, продолжил. – Твое светлое имя, провидица Аргимпаса, означает «Богиня Лебедь». Я решил увековечить его и потому велел мастеру украсить головной убор белыми лебедями. Ты когда-то излечила тяжелобольную жену этого мастера. Он не забыл твоей доброты и постарался вложить в работу всю свою душу и умение.

Аргимпаса любовно потрогала изящные фигурки белых лебедей и, сняв с себя прежний головной убор, надела новый.

– Какая же ты у меня красавица, бабушка! – всплеснув руками, восхищенно проговорила Мирина.

Спаретта проворно сбегала в шатер Аргимпасы и вынесла большое бронзовое зеркало. Провидица бережно поправила перед зеркалом нарядный головной убор, и ее мудрое лицо осветила лучезарная улыбка. Аргимпаса еще раз поблагодарила Таргитая за подарок и, желая доставить удовольствие присутствующим, величаво и важно прошлась перед ними в новом головном уборе. Дети радостно завизжали и хлопнули в ладоши, а Таргитай, Ширак и Спаретта одобрительно кивали головами и улыбались.

Затем Таргитай обернулся к Томире и, глядя в лицо девочке, серьезно произнес:

– У меня есть подарок и для тебя, маленькая предсказательница! В память о нашем ночном разговоре я решил подарить тебе колчан со стрелами. Этот колчан не раз бывал со мной в самых ожесточенных битвах с врагом. Я уверен, Томира, что из тебя выйдет бесстрашная воительница и мой подарок принесет тебе удачу.

С этими словами Таргитай вынул из мешка богато украшенный чеканкой колчан, заполненный стрелами с белоснежным оперением. В центре драгоценного колчана был изображен в мощном прыжке золотой барс с угрожающе

оскаленной пастью. Не только скифам, но даже их врагам было известно, что могучий барс был покровителем Таргитая, грозного и могущественного вождя кочевого племени.

У Томиры от восторга перехватило дух и бешено заби-лось сердце. Она с почтительным трепетом приняла из рук Таргитая столь дорогой подарок и подняла на отца сияющие глаза. Ширак был несказанно удивлен и озадачен таким поворотом дела. Ведь получить какой-либо дар из рук самого вождя, считалось большой честью для любого из соплеменников. Ширак терялся в догадках, не понимая, что такого необычного могла совершить его малолетняя дочь, чтобы заслужить подобный знак внимания?

Аргимпаса угостила мужчин оставшимися после пиршества детей лепешками. Затем взрослые отправились на то место, где состоялась церемония заклания жертвенного быка. Девочки задержались, чтобы убрать столы и навести порядок перед шатром Аргимпасы. Следуя на некотором расстоянии за Таргитаем и провидицей, Ширак и Спаретта негромко беседовали между собой.

– Ты не знаешь, за что наша Томирочка получила столь ценный подарок от вождя племени? – тихо осведомился Ширак у жены.

– Я и сама ничего не понимаю! – недоуменно пожав плечами, отозвалась Спаретта. – Но я непременно сегодня же расспрошу об этом Томиру!

– Н-н-да-а-а! Загадка! – разочарованно, что не услышал

вразумительного ответа, протянул Ширак и почесал затылок.

Девочки быстро управились с делами, после чего Мирина решила показать подруге татуировку, которую сделала ей утром Аргимпаса. Томира пришла в неописуемый восторг при виде ярко-синего дракона, красовавшегося на плече Мирины. Она осторожно погладила его пальцем и, приблизив лицо, понюхала. От татуировки шел еле уловимый запах китайской туши. Томира пытливо заглянула в бездонные глаза подруги и, крепко обняв ее, спросила:

– Мы ведь никогда не расстанемся с тобой? Правда?!

– Никогда!!! – твердо заверила ее Мирина. – Я всегда буду любить тебя, как сестру!

Девочки со всей серьезностью поклялись друг другу в верности на всю жизнь. Мирина сделала острым концом акинака небольшие надрезы на руке у себя и Томиры, после чего они старательно слизали друг у друга выступившую из ранок кровь. Породнившись таким образом, девочки по-сестринский трижды расцеловались в обе щеки и лоб, а затем побежали к месту жертвоприношения, где уже собрались все соплеменники.

Между тем мясо жертвенного животного уже сварилось. По приказанию Аргимпасы часть мяса и внутренностей была брошена на землю в то место, где было совершено заклятие белого быка. Это послужило сигналом к началу праздничного пиршества. Зачерпывая из котлов сочное мясо больши-

ми бронзовыми черпаками, люди принялись жадно поедать его, запивая крепким вином, кумысом и хмельной брагой. Все собравшиеся на пир соплеменники долго наслаждались вкусной обильной едой и пили горячащие кровь напитки. Устав от еды, под рокот барабанов и звонкие переливы пастушьего рожка, скифы громко распевали свои веселые и воинственные песни, а затем кружились в лихой пляске.

Вождь Таргитай попросил юношей и девушек исполнить для него любимый танец «Укрощение коня». Под нежные звуки свирели молодежь образовала большой круг и, взявшись за руки, принялась медленно двигаться по солнцу. Танцевать против движения солнца считалось у скифов большим грехом. Кочевники поклонялись Солнцу, признавая его своим Владыкой. Во время движения юноши и девушки распевали протяжную немного грустную песню. Затем музыканты заиграли быструю жизнерадостную мелодию. Громко и призывно зарокотал барабан, и танцоры один за другим стали выходить в центр круга, чтобы укротить воображаемого коня. При этом они высоко подпрыгивали, падали, катались по земле и ловко вскакивали, пытаясь оседлать невидимого жеребца. Зрители веселились от души и смеялись, громкими криками подбадривая незадачливых седоков. Больше всех радовались суетившиеся около взрослых дети. Они хлопали в ладоши и восторженно визжали, когда кто-либо из танцоров совершал наиболее удачный и эффектный кувырок через голову или высокий красивый прыжок.

По признанию соплеменников празднество, в честь посвящения в жрицы дочери вождя Мирины, удалось на славу.

Маленькая жрица

В многолюдном массагетском кочевье, расположенном далеко от границы со Скифией, был большой переполох, вызванный прибытием в стойбище грозного и могущественного шамана Аморга. У предводителя массагетских шаманов было крайне отталкивающее злобное лицо, обрамленное гривой неопрятных иссиня-черных волос, ниспадавших на широкие плечи, внушительная фигура с царственной осанкой и хриплый скрипучий голос. После сокрушительного поражения, нанесенного его войску скифской конницей под предводительством вождя Таргитая, Аморг был не в духе. От всевидящего ока шамана не ускользнуло и то, что люто ненавидимая им скифская провидица Аргимпаса провела обряд посвящения своей внучки Мирины в белые жрицы. Это событие, нарушившее зыбкое равновесие между силами Тьмы и Света, царившее на бескрайних просторах алтайской степи, подобно яду отравляло разум Аморга и приводило его в неистовую ярость.

Безжалостно бросив на произвол судьбы остатки кочевого массагетского племени, хитроумно втянутого им в конфликт со скифами, Аморг с конным отрядом телохранителей ускорил вглубь массагетской территории. В изощренном уме черного шамана созрел другой, более коварный план нападения на племя Таргитая и уничтожения ненавистных скифских

жриц Аргимпасы и Мирины, представлявших колоссальную опасность для всего сообщества черных шаманов Алтая. Для осуществления задуманного, Аморгу нужны были сильные и храбрые воины – много воинов – беспощадных и жестоких. С этой целью Аморг и прибыл в отдаленное массагетское кочевье, вождем которого был его родной брат Фарзай.

Резко дернув поводья огромного черного жеребца с кровавым отсветом в глазах, шаман направил его к возвышавшемуся посреди стойбища богатому шатру. Телохранители Аморга недружелюбно и хмуро поглядывали на сбегавшихся отовсюду взволнованных кочевников с острыми сагарками за поясом. Воины этого массагетского племени имели свирепый вид, носили длинные волосы и всклокоченные бороды. Мужчины отличались дикостью нравов и редкостной жестокостью. Даже девушки этого племени не могли выйти замуж, не обагрив свои руки кровью врага. Воинственные массагеты были не только великолепными наездниками, но и умели хорошо сражаться пешими. Именно такие воины были необходимы шаману Аморгу для достижения вожаемой цели.

Из-за ближайшей юрты выскочил большой лохматый пес. Учуяв грозного незнакомца, он присел на задние лапы и тоскливо завыл. Гордо восседавший на боевом коне Аморг, лишь зыркнул в его сторону тяжелым колючим взглядом. В тот же миг несчастный пес, зайдясь в предсмертном визге, рухнул на землю и, дернув лапами, испустил дух. Проезжая мимо, Аморг пренебрежительно плюнул на труп собаки.

Вождь массагетского племени Фарзай поджидал предводителя черных шаманов у входа в свой шатер. Под стáть брату, Фарзай был могуч и широкоплеч, громоздкая фигура с мускулистыми кривоватыми ногами говорили об огромной силе, которой был наделен этот кочевник. Так же, как и его родной брат Аморг, Фарзай отличался редкостным жестокосердием, кровожадностью и злопамятностью. Чтобы стать вождем племени, Фарзай, при содействии могущественного брата-шамана, зверски убил своих родителей, за что был проклят родственниками.

Соскочив с лошади перед шатром вождя, Аморг выхватил притороченный к седлу длинный жезл с навершием, украшенным высушенными скальпами врагов. С натянутой кривой улыбкой предводитель шаманов шагнул навстречу открывшему объятья брату. Фарзай повел Аморга внутрь шатра и предложил разделить с ним трапезу в виде зажаренного барашка. Как только вождь и шаман скрылись из вида, телохранители Аморга поспешно окружили шатер и, положив руки на рукояти сагарков, сурово поглядывали по сторонам. Тем временем сын Фарзая – рослый крепыш Скілур – бросившись к могущественному и знаменитому среди кочевых люда родственнику, почтительно снял с его плеча колчан, наполненный смертоносными стрелами с черным оперением. Затем Скилур налил крепкой браги в большую расписную чашу и с подобострастным видом подал ее своему грозному дяде, по-хозяйски расположившемуся на войлоч-

ных подушках напротив вождя. Аморг устремил сверлящий взгляд на широкоскулое прыщавое лицо юноши с выпирающим надбровьем и приплюснутым носом. Под тяжелым взглядом черного шамана небольшие глаза Скилура остекленели и налились кровью. Поняв, наконец, что от него требуется, юноша поспешно отхлебнул глоток браги и вновь с почтительным видом протянул чашу Аморгу. Шаман молча взял из его рук расписную чашу и поставил рядом с собой. Отворотив ножом увесистый ломоть аппетитно пахнущего бараньего мяса, Аморг принялся за еду.

– Моему сыну нэзачем травить тебя, дорогой Аморг! – мерзко ослабившись, заявил Фарзай. – Он восхищен глубиной твоего изворотливого ума и неслыханным могуществом, вызывающим благоговейный трепет среди массагетских племен. Скилур старается хоть чем-то быть похожим на тебя и приступил к изучению шаманского мастерства. Преуспев в этом деле, он уже исхитрился нагнать страху на соседние племена.

– Вот как! Похвально! – холодно проговорил Аморг, устремив на юношу пронзительный, словно острие копья, взгляд. – В таком случае, дабы заслужить мое доверие и покровительство, ему предстоит сыграть главенствующую роль в задуманном мною плане!

– Каким же образом ты намерен отомстить за поражение проклятым скифам?! – оживился Фарзай, заглядывая в суровое лицо шамана. – В чем заключается твой план?

Аморг подробно разъяснил брату суть своего коварного умысла и спросил его мнения на сей счет. Фарзай был в восторге от задуманного и, пригладив жирной ладонью всклокоченную бороду, предложил:

– А что если привлечь на свою сторону кочевников-гуйфáнов?! Мне известно, что вождь этого воинственного племени уже давно точит зуб на табуны породистых скифских лошадей!

Подумав, Аморг охотно согласился с деловым предложением брата. Желая привлечь к себе внимание, жадно прислушивающийся к разговору Скилур, негромко кашлянул в кулак:

– Позвольте мне отправиться послом к вождю гуйфанов! – почтительно обратился юноша к обернувшимся к нему отцу и дяде. – Я постараюсь его убедить, что скифы, под предводительством Таргитая, хотят напасть на племя гуйфанов и полностью истребить его, с целью угона всего имеющегося у них скота!

Аморг одобрительно глянул на горящее решимостью уродливое лицо Скилура и скрипучим голосом заявил:

– Ну что ж! Если тебе удастся навязать гуйфанам подобную мысль, то можно заставить их действовать сообща с масагетами.

– Поезжай Скилур! Да поможет тебе в задуманном грозный бог войны Арес! – пробасил Фарзай, восхищенный удачной идеей своего отпрыска.

– Погоди! – поднимаясь с места, прохрипел Аморг. – Возьми мой амулет, он поможет тебе добиться поставленной цели!

С этими словами Аморг снял со своей груди и надел на шею Скилура сложный амулет в виде переплетенных между собой черных перьев, запятнанных кровью лапок совы и ядовитых зубов гадюки. После того, как гордый оказанным ему доверием юноша покинул шатер вождя, Аморг и Фарзай жадно нажились на сытной еде. Громко рыгнув, шаман в несколько глотков осушил чашу и, подливая себе хмельной браги, с чувством воскликнул:

– Как бы я хотел изготовить себе чашу для вина из черепа злейшего врага Таргитая, а скальпами скифских жриц Аргимпасы и Мирины украсить навершие моего жезла!!!

– Что за Мирина? Я впервые слышу это скифское имя. Кто она, воительница или пророчица?! – с чавканьем проговорил Фарзай, отправляя в рот очередной кусок жирного мяса.

– Мирина – гадкая скифская девчонка! С каким бы удовольствием я вырвал сердце из ее груди! – жестоко сверкнув глазами, рывкнул Аморг и что есть силы грохнул кулаком по столу.

Вздрогнув от неожиданности, Фарзай подавился большим куском баранины и надрывно закашлялся. Его выпученные глаза налились кровью, а скрюченные пальцы заскребли по горлу. С отвращением взглянув на посиневшее, перекошенное от мучительного кашля лицо брата, Аморг обхва-

тил его руками поперек груди и резко встряхнул. Застрявший кусок мяса вылетел из широко раскрытого рта Фарзая. Немного отдышавшись, вождь вытер с бороды потеки слюны и, с благодарностью глядя на Аморг, удивленно спросил:

– Чем тебе могла досадить малолетняя скифянка? Тебе, самому могущественному и бесстрашному шаману массагетов?!

– В глубине сознания этого девятилетнего ребенка сокрыты наиважнейшие сведения, которые ни в коем случае не должны попасть в руки жрецов, находящихся под покровительством Светлых сил! – грубо перебил Фарзая черный шаман.

– Вот так история! – изумленно пробормотал вождь. – Так почему же ты, Аморг, до сих пор не уничтожил мерзкую девчонку?

– Да потому, что она находится под неусыпной охраной провидицы Аргимпасы!!! – начал терять терпение Аморг.

– Но Аргимпаса всего лишь выжившая из ума престарелая жрица! – не унимался Фарзай.

– Что ты смыслишь в этом, безмозглый болван Фарзай?! – взревел выведенный из себя черный шаман. – Нельзя судить о жизненной силе и колдовских способностях жреца лишь по его внешнему облику! Поверь мне, я не понаслышке знаю об истинном могуществе старой провидицы! – сделав паузу и немного успокоившись, Аморг продолжил. – Шесть лет назад, после того как я убил в сражении дочь Аргимпасы

Опию, разъяренная жрица непостижимым образом проникла в мой шатер, надежно защищенный от вторжения непреодолимой силой черной магии. Проснувшись от ощущения чужого присутствия, я открыл глаза и увидел скифскую провидицу. Страшная, как сама смерть, Аргимпаса простерла ко мне костлявые руки и произнесла заклятие на древнем языке. В тот же миг из ее пальцев вырвались сверкающие белые нити, сплетаясь между собой, они обвили мою шею наподобие аркана. Ты ведь знаешь о неслыханной силе моего могущества, Фарзай, но ее оказалось недостаточно, чтобы противостоять взбешенной Аргимпасае. Каким-то чудом мне удалось-таки дотянуться рукой до сагарка и швырнуть его в старуху. Но сагарк пролетел через бесплотное тело скифской жрицы, не причинив ей вреда. Призрачная фигура ненавистной Аргимпасы на моих глазах рассеялась, словно утренний туман. Поверь, Фарзай, мне стоило огромного труда оправиться от последствий этой смертоносной встречи, но хриплый голос и след, от чуть не удушившей меня петли, остались до сих пор!

С этими словами Аморг захватил в кулак свои густые неопрятные волосы и приподнял их. На грязной шее масагетского шамана выделялась багровая полоса от удавки, при виде которой Фарзай зябко поежился и втянул голову в плечи. В горящем взоре Аморга билась неистовая темная ярость:

– Я поклялся, во что бы то ни стало уничтожить вну-

ку Аргимпасы Мирину и тем самым разбить сердце ненавистой провидицы! – сжимая кулаки, злобно прошипел шаман. – Я заставлю ее жестоко страдать и проклинать тот день, когда ей суждено было появиться на свет!

В глубокой задумчивости Фарзай поскреб пальцами сплывшую от жира бороду и заявил:

– Странно все это! Безумная старуха Аргимпаса, малолетняя скифянка Мирина и могучий глава массагетских шаманов! Во всем этом кроется какая-то непонятная для меня связь!

– Ну, что ж, кое-что я могу тебе разъяснить! А почему бы и нет?! – выдавив из себя ядовитый смешок, прохрипел Аморг.

Вперив темный непроницаемый взор в озадаченное лицо брата, шаман скрипучим голосом начал свое повествование:

– В незапамятные времена, когда окружающий нас Мир был другим, среди океана существовало островное государство Атлантида. В ту пору я был самым сильным и могущественным черным магом Земли. Но на пути к мировому господству предо мной стояла группа атлантских белых магов, возомнивших себя богами. В величайшем за всю историю планеты противостоянии сил Тьмы и Света, победу одержал презренный белый маг Антей, наделенный могуществом Титана – природного духа Земли. Но по законам Вселенной силы Тьмы не могут быть избыты навеки. Мой звездный отец, прибывший с далекой планеты Уцлан, наделил ме-

ня редкостным даром запоминать все свои прежние воплощения на этой земле. Этим же даром, по-видимому, не со-знавая того владеет и мерзкая скифянка Мирина. С глубо-кой древности раз в тысячелетие в разных облициях и на-родностях возрождаются все участники того памятного со-бытия, и вновь начинается Великое противостояние Добра и Зла. Но никому не дано знать, чем оно закончится на этот раз! – бросив леденящий душу взгляд на растерянного Фар-зая, шаман повысил голос и гаркнул. – Тебе все ясно!!!

Массагетский вождь мало, что понял из мудреной речи Аморга, но, не желая выставить себя олухом в глазах чрез-вычайно умного и могущественного брата, энергично заки-вал головой.

– Да и ты, Фарзай, под именем Минелай тоже был участ-ником тех грозных событий. Являясь вождем одной из ко-лоний Атлантиды, ты организовал заговор с целью захвата власти и убийства правителя страны и его наследницы. И те-бе суждено раз за разом, на протяжении тысячелетий вопло-щаться рядом со мной! – со знанием дела властно добавил к сказанному Аморг.

– В Атлантиде я тоже был твоим родным братом? – не очень уверенным голосом поинтересовался Фарзай у чер-ного шамана.

– Лучше тебе этого не знать – жестко ухмыльнувшись, отозвался Аморг. – Ну, хватит об этом! Давай лучше займем-ся обсуждением плана нападения на племя скифского вождя

Таргитая.

Решив все вопросы, Фарзай и Аморг покинули шатер и направились к святилищу бога войны Ареса. Телохрани-тели предводителя черных шаманов, оттеснив собравшихся у шатра массагетских воинов, последовали за своим грозным повелителем. Неподалеку от кочевья возвышался холм, нагроможденный из плотных вязанок хвороста. Наверху холма была устроена четырехугольная площадка с тремя отвесными сторонами, а с четвертой был доступ в виде крутых ступеней. На вершине рукотворного холма был водружен старинный железный меч – священная реликвия массагетов. Этому мечу, посвященному богу войны Аресу, ежегодно приносились в жертву лучшие кони и быки, а в случае военных действий и человеческие жертвы. Именно за этим и пришли к святилищу Фарзай и черный шаман Аморг. Большая толпа кочевников-массагетов, возбужденных предстоящим ритуалом жертвоприношения, окружила холм, пристально наблюдая за действиями своего вождя и его знаменитого брата. Двое воинов подвели к Фарзаю плененного ранее скифа. Окропив вином голову жертвы, вождь одним взмахом сагарка отсек ему голову. Аморг подставил серебряный сосуд, чтобы собрать в него горячую алую кровь, хлынувшую из отрубленной шеи пленника. Когда сосуд был полон, Фарзай продолжил обряд. Он отрубил у мертвого скифа правую руку вместе с плечом и подбросил ее высоко в воздух. Над толпой массагетов взвились поднятые вверх сагарки, копья,

луки и раздались громкие воинственные крики. Под радостные возгласы и нестройное пение гимна богу войны Аресу, Фарзай и черный шаман поднялись на вершину холма. Там они окропили кровью жертвы большой старинный меч и допили из сосуда ее остатки. Затем все массагеты покинули святилище, оставив на растерзание диким зверям отдельно лежащие у подножья холма голову, руку и труп жертвы. После жертвоприношения Аресу соплеменники Фарзая разожгли в стойбище несколько костров и, рассевшись вокруг них, принялись бросать в огонь плоды особых деревьев, обладавших дурманым действием. От специфического запаха сжигаемого массагеты приходили в состояние опьянения и необузданного веселья. Чем больше плодов бросалось в костер, тем сильнее людей охватывал истерический дурман. Они вскакивали, пускались в дикий пляс, горланили непристойные агрессивные песни, а наиболее ярые и похотливые из воинов выволакивали из юрт женщин и развлекались с ними на глазах сородичей.

Между тем жизнь скифянки Мирины шла своим чередом. Юная жрица старалась как можно чаще бывать на пастбище, чтобы приручить полюбившегося ей жеребенка Арианта. Она водила маленького иноходца к Катуню на водопой, купала его. После обжигающе-холодных вод реки, Арианту нравилось поваляться и понежиться на горячей гальке. Примопившись рядом, девочка ждала когда жеребенок обсохнет, а затем заботливо чистила скребницей его красивую се-

ребристо-серую шкурку. По совету отца Мирина буквально с первых месяцев жизни жеребенка принялась терпеливо воспитывать в нем мужество и отвагу, приучая не бояться шума, криков, огня, звона и лязга оружия. Ариант оказался очень смышленным конем и, усвоив какую-либо команду воспитательницы, уже никогда ее не забывал. Мирина гордилась своим маленьким иноходцем и рассказывала о его успехах своей верной подруге. Томира тоже загорелась желанием найти для себя подходящего жеребенка и заняться его воспитанием. Выбрав подходящий момент, она сообщила об этом своим родителям. Гостивший в юрте Ширака опытный табунщик Мадий, прибывший в ту пору по делам в кочевье, прослышав о желании Томиры, заявил:

– В моем табуне есть чудесная двухмесячная лошадка: красивая, резвая, темно-рыжей масти с пышной золотистой гривой и хвостом. Если хочешь, Томирочка, я велю Гойтосиру пригнать ее тебе в подарок, – сделав паузу, Мадий пристально взгляделся в хорошенькое личико Томиры и продолжил. – Ты пришлась по сердцу моему сыну, я слышал, как он с восторгом рассказывал матери о том, какие вы с Мириной умные и милые девочки.

– Нам тоже очень понравился Гойтосир! Он такой смелый, веселый и любознательный! Я буду рада встретиться с ним вновь! – с чувством проговорила Томира и, густо покраснев, опустила голову.

Мужчины многозначительно переглянулись между собой

и остановили взор на озадаченном лице Спаретты. Подумав, женщина согласно кивнула головой. Мадий широко улыбнулся и, подмигнув Шираку, довольно потер мозолистые руки.

– Так как же насчет лошадки?! Ты согласна, Томирочка, принять ее в подарок от меня и Гойтосира? – ласково поинтересовался Мадий.

Засветившаяся от нежданно-негаданно свалившегося на нее счастья, девочка с почтительной благодарностью склонилась перед могучим табунщиком.

– Ну, вот и славно! – заявил Мадий. – Я отправляюсь домой, так что ты, Томира, скоро увидишь свою лошадку и, я уверен, останешься ей довольна!

После обильного ужина Ширак, Спаретта и Томира вышли проводить дорогого гостя. Последнее сражение с массагетами особенно сблизило Ширака и Мадия, сделав их верными друзьями. Бдительно охраняя вождя Таргитая, отважные воины не раз выручали друг друга во время смертельной схватки с врагом.

Дождавшись, когда пронесшийся по кочевью богатырского вида всадник скрылся вдали, Ширак обнял за талию прижавшуюся к нему Спаретту, и они неторопливо пошли в свою юрту. А Томира во весь дух помчалась к Мирине, чтобы сообщить ей радостную новость о лошадке, обещанной ей отцом Гойтосира.

– Да ты прямо-таки сияешь от счастья. Уж не влюби-

лась ли ты в Гойтосира?! – выслушав подругу, озорно засмеялась Мирина. – Что-то ты слишком много о нем говоришь!

– Перестань, Мирина! Не дразни Томибочку! – строго проговорила Аргимпаса, привлекая к себе засмущавшуюся девчущку. – Давайте-ка лучше займемся приготовлением целебных снадобий, они мне скоро понадобятся. Этой ночью мне было видение, что в становище оседлых скифов заболели сразу несколько человек, и вождь этого племени собирается обратиться ко мне за помощью.

Мирина примирительно чмокнула в щеку насупленную Томиру, и девочки с усердием принялись растирать в порошок выданные им провидицей засушенные травы.

Действительно, чуть позже в кочевье на взмыленном коне прискакал гонец из племени скифов-земледельцев. Почти-точно склонившись перед Аргимпасой, он сообщил, что его соплеменников внезапно поразил страшный недуг. Несмотря на действия местного шамана, состояние больных постоянно ухудшается, и сегодня в полдень от болезни скончались старик и пятилетний ребенок. Приказав девочкам накормить усталого гонца, Аргимпаса стала спешно собираться в дорогу.

В скифском племенном союзе господствующее положение занимали кочевники-скотоводы, именуемые царскими скифами. Их воинственные племена свободно перемещались по всей Скифии и в случае нападения врагов защищали подвластные им стойбища земледельцев. Во главе пле-

мен царских скифов стояли наследственные вожди. Таргитай был вождем наиболее сильного и многочисленного племени царских скифов. В отличие от кочевников-скотоводов, оседлые скифы-земледельцы сеяли пшеницу, просо, ячмень. Они обеспечивали хлебом не только себя, но и остальные племена, так как часть выращенного ими урожая шла на продажу. В одно из таких стойбищ и направлялась провидица Аргимпаса.

Перед тем как сесть в повозку, она строго наказала внучке:

– Мирина, может так случиться, что в мое отсутствие кому-либо из соплеменников потребуются твоя помощь. Не бойся, ты справишься! Главное верить в себя, и тогда все полученные от меня навыки сами всплывут в твоём сознании. Да будет к тебе милостива богиня Апи! – на прощание благословила девочку жрица.

Гонец, прибывший за Аргимпасой, бережно усадил пожилую целительницу на войлочные подушки, и повозка с грохотом тронулась с места. Вслед за повозкой припустился галопом конь скифа-земледельца.

Когда девочки остались одни, Мирина вздохнула и, глядя в глаза подруге, призналась:

– Знаешь, а я немного волнуюсь! Справлюсь ли я без советов бабушки?

– Как ты можешь так говорить! – задохнулась от негодования Томира. – Ты белая жрица и потому не имеешь пра-

ва сомневаться в себе! Аргимпаса возложила на тебя ответственность за благополучие племени! Вспомни, разве тебе потребовался совет провидицы, когда ты оказывала помощь табунщику Саксафару? Отец рассказывал, что рана на ноге Саксафара затянулась на удивление быстро, а заодно чудесным образом прошла боль в колене, мучившая старика на протяжении нескольких лет.

Мирина, пристыженная справедливым укором подруги, молча обняла ее за плечи и тихо шепнула:

– Я тебя очень люблю, Томира! Пожалуйста, не рассказывай Аргимпаса о моем сомнении и, если хочешь, поживи в моем шатре до ее возвращения!

– Конечно, Мириночка! – обрадовалась девочка. – Только пойдем, предупредим маму.

Спаретта охотно отпустила дочь погостить в шатре Мирины, пообещав, что придет навестить их, как только управится с домашними делами. На обратном пути, сделав крюк по окраине кочевья, девочки нарвали большие охапки травы для барашков Аргимпасы. Накормив овец и старательно вычистив загон, подруги уселись близ шатра и принялись обсуждать, как они будут воспитывать иноходца Арианта и ту кобылку, которую должен пригнать в дар Томире Гойтосир. При упоминании о полюбившемся ей мальчике, Томира опустила голову и шумно вздохнула. Сочувственно взглянув на подругу, Мирина сообщила:

– Мне довелось случайно услышать разговор вождя Тар-

гитая и Ширака. Из их беседы я узнала, что многочисленная крепкая семья табунщика Мадия считается довольно зажиточной. Отцу Гойтосира принадлежат три больших табуна породистых лошадей и две отары овец. После недавнего сражения с массагетами Мадий увеличил свое хозяйство, захватив у врагов пятнадцать лошадей и троих быков. Твой отец Ширак с уважением отзывался о Мадии, как о весьма достойном человеке и мужественном воине, – сделав многозначительную паузу, Мирина добавила. – Как знать, возможно, в будущем вашим семьям доведется породниться!

– Ох! Да будет тебе, Миринка! Зачем ты дразнишь меня? – растерянno пролепетала Томира и зарделась, словно цветок жар-цвета.

– Да я вовсе и не шучу! – произнесла Мирина. – После посвящения в жрицы, во мне проснулась какая-то неведомая сила, позволяющая предчувствовать будущее и проникать в прошлое.

– Правда?! – восхитилась Томира и с благоговейным трепетом посмотрела на свою подругу.

Ближе к полудню в шатер Аргимпасы пришла Спаретта. Она принесла девочкам несколько кусков горячей жареной сомятины. Изрядно проголодавшиеся подружки накинулись на еду.

– М-м-м! Вкуснятина!!! – с чувством проговорила Томира, тщательно облизывая жирные пальцы.

– Да, очень вкусно! Твоя мама замечательно готовит! –

подтвердила Мирина, с удовольствием доедая второй кусок рыбы.

Расположившись на войлочных подушках возле очага, Спаретта и девочки неторопливо пили земляничный чай, когда в шатер с воплем ворвался зарезанный мальчуган.

– Она, она уронила!!! Все в крови! Она уронила на ногу большой нож! А теперь все в крови! Если она умрет, мы тогда тоже все умрем!!! – размазывая кулаком слезы, сбивчиво пытался объяснить малыш.

– Кто уронил нож на ногу? Кто умирает?! – обеспокоено воскликнула Мирина.

Видя, что испуганный мальчуган не в состоянии что-либо вразумительно сказать, она энергично встряхнула его за плечи и развернула лицом к себе.

– Отвечай!!! Что случилось? – громко и властно повторила юная жрица, пристально глядя в глаза мальчика.

– Мама! Любимая мамочка Арга!!! Она вся в крови! – всхлипнув, заголосил малыш. – Мы хотели зарезать последнего барашка, так как нам нечего есть. Нож нечаянно выскользнул у мамы из рук и сильно поранил ей ногу!

– Ну, так чего же ты вопишь?! Веди меня скорее к своей матери! – прикрикнула на мальчугана Мирина.

Не теряя времени, она собрала в корзинку несколько сосудов со снадобьем и, вытолкнув мальчика из шатра, побежала за ним к жилищу раненой женщины. Спаретта вместе с Томирой, не раздумывая, кинулись следом за ними. В юр-

те, куда привел их малыш, Мирина обнаружила неподвижно лежащую в луже крови молодую женщину. Рядом с умирающей дочерью, горестно стеная и охая, суетился тощий седовласый старик. По залитому кровью ковру ползала, заходясь в плаче, годовалая девочка. Юная жрица бросилась к раненой соплеменнице, а Томира подхватила на руки малютку и постаралась ее успокоить.

Мирина внимательно осмотрела женщину. Рана на ноге оказалась довольно глубокой и опасной для жизни. Упавший нож задел сосуд и алая кровь из пореза била пульсирующим фонтанчиком. Оглянувшись по сторонам, Мирина сдернула с Томиры тонкий кожаный пояс. Быстро обмотав им ногу Арги выше раны, девочка крепко стянула его, тем самым, остановив обильное кровотечение. Обработав рану целебным настоем, Мирина с тревогой всмотрелась в бледное, как полотно, лицо бесчувственной женщины. Чтобы привести ее в сознание, юная целительница несколько раз с силой хлестнула ее по щекам. Веки Арги слабо затрепетали, и, как только она приоткрыла глаза, Мирина влила ей в рот густое пахучее зелье. Затем жрица достала из своей корзинки прозрачный сосуд с рубиновой жидкостью и протянула его Спаретте. По указанию Мирины, та поспешно налила в чашу горячей воды, щедро добавив в нее рубиновый настой. Бережно придерживая голову пострадавшей женщины, Мирина напоила ее придающей силы горячей жидкостью. Выждав время, девочка вновь сосредоточила свое внимание на ране,

принявшись медленно водить над ней рукой. И тут на глазах присутствующих края глубокого пореза стали постепенно стягиваться, приобретая здоровую розоватую окраску.

Приглядевшись, Томира вдруг заметила странное разраставшееся свечение, исходившее от рук и головы Мирины. От изумления потеряв дар речи, она вопросительно посмотрела на мать. Глаза Спаретты были широко раскрыты. С благоговением взирая на нежно-золотистые переливы света, окутывающие худенькую фигурку Мирины, она опустилась на колени с молитвенно сложенными руками. Примеру Спаретты последовали седовласый старик – отец раненой женщины и чумазый мальчуган. Даже годовалая малютка вдруг затихла на руках Томиры и, улыбаясь, потянулась к юной целительнице.

Все внимание Мирины было сосредоточено на работе. От напряжения на лбу и висках девочки выступили капельки пота. Под воздействием чудодейственной силы, исходящей от жрицы, рана на ноге женщины полностью закрылась. Мирина потрогала образовавшийся рубец и осторожно распустила кожаный пояс, стягивающий ногу выше пореза. Нога женщины свободно и безболезненно согнулась в суставе. Мирина подняла голову и, сияя от счастья, воскликнула:

– Я смогла!!! Я справилась! Арга не уйдет в Мир предков и не оставит сиротами своих малолетних детей!!!

Но, увидев перед собой коленопреклоненных людей, Мирина вдруг осеклась и, не понимая в чем дело, испуганно

взглянула на Спаретту.

– Деточка! Ты заслуживаешь поклонения, так как несешь в себе Божественный свет! – почтительно произнесла Спаретта. – Духи Природы наградили тебя могуществом, непостижимым для простых смертных. Даже провидица Аргимпаса не смогла бы за один раз заживить такую ужасную рану простым прикосновением руки.

– Но я же не сделала ничего особенного! – смущенно отозвалась Мирина. – Просто искренне, от всей души, старалась помочь этой несчастной женщине!

Приподнявшись с ковра, ослабевшая от потери крови Арга со слезами на глазах прильнула к стопам юной целительницы и взволнованно произнесла:

– На пороге смерти я ощутила твое появление, Мириночка, и почувствовала Небесную Благодать, наполняющую мое холодеющее тело поразительной теплотой и жизненной силой!

Растроганно взглянув на дочь, старик шумно хлопнул носом и, утирая слезы рукавом старой потрепанной рубахи, выбежал из юрты. Вскоре он вернулся и почтительно положил к ногам Мирины связанного барашка.

– В знак благодарности, Великая жрица, прими от нас это скромное подношение! – с низким поклоном проговорил старик. – Да вознаградит тебя всемогущая богиня Апи за твою любовь к людям и щедрое доброе сердце! Ведь ты, Мириночка, спасла от смерти мою единственную дочь и со-

хранила мать моим внукам!

Мирина окинула взглядом убогое убранство юрты. Было видно, что здесь проживает одна из самых беднейших семей племени.

— Разве у вас нет сильного мужчины, который мог бы позаботиться о вас? — поинтересовалась она у старика.

— Муж моей дочери Арги был храбрым воином и удачливым охотником, но год тому назад он был убит в сражении с массагетами! — горестно вздохнув, старик продолжил. — С тех пор наша семья бедствует. Я уже стар и немощен, ухаживать на пастбище за табунами коней мне не под силу. Арга и внук Тяйчи приносят из лесу грибы, ягоды, съедобные коренья — тем и перебиваемся! Иногда мне удастся поймать в Катуні немного рыбы и тогда в наше скромное жилище приходит праздник.

Юная жрица с сочувствием посмотрела на лежавшую у очага бледную женщину; мальчугана, заботливо подносящего ко рту матери чашу с горячим травяным чаем; сгорбленного седовласого старика и щупленькую годовалую девочку, заснувшую на руках Томиры. Мирина осторожно взяла у подруги спящего ребенка и ласково коснулась губами его теплой щеки. Передав малютку старику, жрица нагнулась и развязала барашка. Она не хотела забирать у этих людей последнее животное, оставшееся в их бедном хозяйстве. Томира разделяла чувства своей подруги, глаза девочки были полны слез. Ей было до боли жалко эту несчастную се-

мью, закусив губу, она прижалась к матери. Спаретта обняла дочь за плечи и что-то шепнула ей на ухо. Томира кивнула головой и радостно заулыбалась.

Тем временем Мирина подошла к столику и взяла с него корзину с ежевикой. Она знала, что дар, который подносился целителю, был своеобразным подношением богине Апи, покровительнице жрецов и шаманов. И потому, отказавшись от дара в виде барашка, Мирина восполнила его ягодами. Угостив сладкой душистой ежевикой Спаретту, она насыпала полные ладошки ягод Томире и взяла горсть себе.

– Всемогущая богиня Апи видит все, и она не осудит меня за этот поступок! – уверенно произнесла жрица, возвращая на место корзину с ежевикой.

Мирина оставила больной Арге сосуд с рубиновым настоем, способствующим восстановлению крови, объяснила, как его принимать. Затем она строго наказала старику укутать Аргу теплым одеялом и чаще поить ее горячим чаем. Пообещав ближе к вечеру навестить выздоравливающую женщину, Мирина ушла. Выйдя из юрты, Спаретта с Томирой поспешили в свое жилище, а Мирина направилась к отцу.

Таргитай внимательно выслушал рассказ дочери о нищенском положении семьи, в которой она только что побывала, и об оставшихся без отца малолетних детях. Закончив говорить, Мирина умоляюще взглянула в суровое лицо вождя и замерла в ожидании ответа. Таргитай задумчиво пригладил бороду, с теплой улыбкой посмотрел на дочь и решительно

заявил:

– Хорошо, я непременно позабочусь о семье несчастной Арги! Тем более что ты, Мириночка, страстно этого желаешь!

Обрадованная девочка бросилась на шею отцу и, крепко прижавшись, воскликнула:

– Как я тебя люблю! Как люблю!!! Ты самый лучший и справедливый отец на свете!

– Дорогая моя! Я тоже люблю тебя больше жизни! – проговорил растроганный Таргитай, ласково целуя дочку. – А теперь ступай и пригласи ко мне Ширака, мы должны с ним все обсудить.

Мирина вприпрыжку выбежала из шатра вождя. Проводив взглядом дочь, Таргитай тихо произнес:

– Как мне не хватает тебя, ненаглядная Опия! У нас выросла замечательная дочь – чуткая, добрая, отзывчивая! Жаль, что судьба столь жестока, и мы не можем порадоваться за Мириночку вместе с тобой.

Грустно вздохнув, Таргитай налил крепкого вина в большую золотую чашу и, не отрываясь, выпил ее до дна. В шатер стремительно вошел Ширак и, в знак уважения, склонил голову перед вождем племени. Таргитай поприветствовал своего телохранителя и радушным жестом указал на место подле себя. Подобрав под себя ноги, Ширак уселся на войлочные подушки напротив вождя. Таргитай взял вторую чашу и, доверху наполнив ее вином, протянул своему преданному

другу. Скифы любили хорошие крепкие вина, но редко при этом напивались дѳпьяна. Ведя неспешную беседу, мужчины обсудили текущие дела кочевья. При этом Таргитай не забывал время от времени подливать в золотые чаши превосходный горячительный напиток.

– У меня есть к тебе поручение, Ширак, – сказал в заключение разговора Таргитай. – Мириночке довелось лечить сегодня молодую соплеменницу Аргу, случайно поранившуюся ножом. Из сообщения дочери я узнал, что год назад в битве с массагетами погиб муж этой женщины. На руках у несчастной вдовы остались двое малолетних детей и старый немощный отец. Я обещал Мирине позаботиться о семье Арги и хочу, чтобы ты, Ширак, выяснил, в чем они нуждаются?

– Спаретта была там вместе с Мириной и Томирой! – поспешно доложил Ширак. – Жена рассказала мне, что вдова и ее дети часто голодают, а у старика порой даже нет сил, чтобы добраться до реки и наловить на обед рыбы. От жалости к этой семье Томирочка даже расплакалась. Спаретта с дочуркой уже отнесли в юрту Арги немного муки, сыра и ведро кобыльего молока.

– Вот как! Почему же вдова мучилась целый год, не подумав обратиться за помощью ко мне лично?! – возмутился Таргитай. – Разве я когда-либо отказывал в помощи своим соплеменникам?

– Спаретта задала ей тот же вопрос, – отозвался Ширак. –

На что Арга ответила, что на вожде Таргитае и так лежит большая забота и ответственность за безопасность, спокойствие и благополучие племени, и ей было неловко обременять его своими горестями.

Подумав над ответом женщины, Таргитай невесело усмехнулся и, укоризненно качнув головой, отдал распоряжение своему телохранителю:

– Передай вдове, чтобы после выздоровления, она каждый день ходила на пастбище помогать женщинам доить моих кобылиц. За это ей будет позволено брать для своей семьи столько молока, чтобы не жить впроголодь. И еще, – продолжил вождь, – прикажи пастуху пригнать из моей отары самую большую овцу, ожидающую приплода. Пусть Арга вместе со стариком и детьми хорошо ухаживают за ней и разведут барашков. Тогда у них постоянно будет сытная еда и теплая шерстяная одежда.

– Может кто-либо из воинов захочет взять вдову в жены и позаботиться о ее детях? – высказал предположение Ширак.

– Вряд ли кто на это согласится! – с сомнением покачав головой, промолвил Таргитай. – В кочевье много красивых молодых девушек, которые не прочь выйти замуж и нарожать своему избраннику крепких сыновей.

Ширак неопределенно пожал плечами и поднялся с места. Выйдя из шатра вождя, он заметил терпеливо ожидавших его девочек. Мирина и Томира бросились к Шираку и,

перебивая друг друга, принялись расспрашивать о принятом Таргитаем решении.

Девочки несказанно обрадовались, узнав о распоряжении вождя помочь бедствующей семье соплеменников. Затем Ширак вместе с Мириной и Томирой прямым путем отправился в отару вождя за подходящей овцой. Легкие быстроногие девчонки с веселыми возгласами помчались наперегонки вдоль берега Катуня, далеко опередив грузного воина. Когда Ширак добрался до нужного пастбища, ему навстречу вышел пожилой пастух. Ответив на вежливое приветствие могучего телохранителя вождя, пастух сообщил, что девочки уже передали ему приказание Таргитая и вызвались сами отыскать подходящую овцу. Ширак согласно кивнул головой и некоторое время с интересом наблюдал, как Мирина и Томира гоняются за крупной толстобокой овцой. Несмотря на значительный вес, она шарахалась из стороны в сторону, ловко уворачиваясь от звонко хохочущих детей. Заметив отца, Томира с громким визгом погнала в его сторону упрямое животное. Пригнувшись, с широко разведенными руками Ширак бросился наперерез жалобно блеющей овце и схватил ее в охапку. Затем воин со знанием дела ощупал ее большой живот и остался доволен.

– Молодцы!!! – крикнул Ширак девочкам. – У этой овечки должен быть хороший приплод!

Мирина и Томира проворно завязали веревку на шее отчаянно упиравшейся овцы и с трудом потащили ее за собой.

– Ну, надо же, какая упрямая тварь попалась! – с негодованием проворчал пастух и огрел овцу по спине длинной палкой.

Массивная толстобокая овца взбрыкнула задними ногами и с неожиданной прытью помчалась прочь, увлекая за собой безудержно хохочущих девчонок. Но выбежав за пределы отары, овца вдруг разом присмирела и остановилась. Мирина резко дернула за веревку, и укрощенное животное послушно засеменило вслед за детьми. Ширак попрощался с пастухом и, догнав неразлучных подруг, наказал им гнать овцу прямо к жилищу больной Арги, а сам направился к небольшому лесочку. Там он вырвал с корнем три тонкоствольных деревца и, вытащив из-за пояса сагарк, отсек ветви и корневище. После чего он легко вскинул на плечо готовые жерди и размашисто зашагал к стойбищу.

Спаретта сидела возле своей юрты и, негромко напевая, расшивала пестрым узором войлочный ковер. Подняв голову, женщина заметила мелькнувшую между юрт богатырскую фигуру Ширика. Радостно улыбнувшись, Спаретта торпливо отложила в сторону работу, поднялась и побежала навстречу мужу.

Поговорив с женой, Ширак переложил длинные жерди на другое плечо и направился дальше, а Спаретта поспешила в свою юрту. Острым ножом она нарезала пластами свежую конину и сложила готовые куски в глубокую глиняную миску. Ополоснув руки, Спаретта вытерла их о свою юбку

и, подхватив миску с мясом, вышла из юрты. Тем временем, прибывший на место Ширак окинул хозяйственным взглядом ветхую юрту Арги. Сбросив с плеча жерди, он неодобрительно хмыкнул и с деловым видом принялся сооружать перед жилищем большую треногу. На таких треногах скифы развешивали и вялили на солнце куски говядины, конины, оленины и коптили жирную рыбу.

На непонятный шум из юрты вышел тощий подслеповатый старик в грязной залатанной одежде. Неожиданно обнаружив перед своим жилищем могучего телохранителя вождя, он растерянно заморгал глазами и прижал к груди трясущиеся руки. Добродушно улыбнувшись, Ширак подмигнул старику и веско произнес:

– Скоро вашим бедам придет конец! Таргитай прослышал о постигшем вас горе и решил позаботиться о вашей семье.

– Мы с Шираком и Томирой тоже решили сделать вам подарок, – заявила подросевшая Спаретта и, поставив на землю тяжелую миску с кониной, принялась развешивать пласты мяса на изготовленной мужем треноге.

Не веря своим глазам, старик громким срывающимся голосом закричал:

– Арга! Арга! Поди сюда скорее!!!

На зов отца из юрты выскочила болезненно-бледная испуганная женщина. Не понимая в чем дело, она втянула голову в плечи и изумленно уставилась на огромного воина, помогавшего Спаретте вешивать для просушки тонкие пласты

конины.

– После твоего выздоровления, Арга, – обернувшись к вдове, заговорил Ширак, – вождь Таргитай наказал тебе ходить каждый день на пастбище, помогать соплеменницам доить кобылиц. За это тебе будет позволено брать столько молока, чтобы хватило на всю семью.

– И еще, Арга! – поспешно добавила к сказанному мужем Спаретта. – Не забудь помолиться за жрицу Мирину. Ведь благодаря ее заступничеству, Таргитай обратил внимание на бедственное положение вашей семьи.

Взволнованная женщина не успела ответить, как из-за соседней юрты показалась Томира, гнавшая перед собой большую пузатую овцу. Следом за ними шагала Мирина с двумя увесистыми пестрыми фазанами в руках.

– Что это вы так задержались в дороге? – поинтересовался Ширак у девочек.

– Я решила показать отцу выбранную нами овечку! – бросив взгляд на беспокойно блеющее животное, пояснила Мирина. – Таргитай сказал, что в скором времени эта замечательная овца принесет щедрый приплод, а впоследствии с нее можно будет настричь много теплой шерсти. Еще отец велел передать Арге подстреленных им на охоте фазанов, чтобы она могла приготовить праздничное угощение для своих детей.

Залившись слезами радости, благодарная женщина упала в ноги Мирины:

– Да будет долог и светел твой путь, несравненная жрица! – восклицала Арга, с почтением целуя край платья девочки. – Я так долго молила Богов сжалиться над моими несчастными детьми и не дать им умереть от голода! Всемогущая Апи услышала мои молитвы и послала помощь из твоих благословенных рук, Мириночка!

Смущенная девочка погладила по голове плачущую соплеменницу и, подняв ее с земли, тихо промолвила:

– Благодарю тебя за теплые слова, Арга, но я не совершила ничего особенного. Все светлые жрецы и шаманы приходят в этот Мир, чтобы помогать людям. Это их призвание и святой долг!

– Но ты, Мириночка, – особенная! – взволнованно проговорила женщина. – Я поняла это когда, находясь на пороге смерти, вдруг увидела переливы Божественного света, исходящего от твоей головы и целительных рук.

Пожав плечами, девочка перевела взгляд на отца Арги. По глубоким морщинам на впалых щеках старика текли слезы. Не в силах прийти в себя от свалившегося на их долю счастья, он с чувством воскликнул:

– Да ниспошлет богиня Апи свое благословение мудрому и справедливому вождю Таргитаю и продлит его жизнь на долгие-долгие годы!!!

После чего растроганный старик, смахнув с лица слезы радости, от избытка чувств расцеловал морду толстой овцы и потащил ее за веревку к вбитому возле юрты брон-

зовому крюку. Окружающих развеселил нелепый поступок старика: девочки и женщины рассмеялись, а Ширак, пряча улыбку в кулак, громко хмыкнул. Неподалеку остановилась шумная ватага вернувшихся из леса ребятишек. Сын Арги – Тяйчи поставил у ног матери корзину, заполненную диким чесноком и съедобными кореньями. Раскрыв от изумления рот, мальчуган таращил глаза то на привязанную возле юрты жирную овцу, то на большую треногу, увешанную ломтями мяса, то на могучего воина, вместе с дедом чинившего полуразвалившийся загон для скота.

– Что застыл как пенек?! – прикрикнула на малыша Томира. – Живо принимайся работу! Надо нарвать побольше травы, чтобы прокормить вашу овечку!

Сорвавшись с места, Тяйчи кликнул друзей, и веселая ребятня принялась рвать траву и носить ее охапками в загон. Спаретта вызвалась помочь ослабевшей от потери крови Арге приготовить праздничный обед. Приказав Томире очищать подаренных вождем фазанов, она проворно разожгла очаг и замесила тесто, чтобы напечь лепешек. А Мирина стремглав побежала к отцу, ей нетерпелось рассказать Таргитаю, как все замечательно получилось и какой счастливой стала семья Арги.

Вечером в шатер Мирины пришла Томира и принесла теплые лепешки. Мирина отказалась от еды, предложив оставить лепешки на завтрак. Пользуясь отсутствием провидицы Аргимпасы, девочки раскрыли сундуки с одеждой.

Томира долго вертелась перед большим зеркалом, примеряя на себя все наряды и украшения Мирины. Желая сделать приятное любимой подруге, Мирина отдала ей красивый браслет с мерцающими камушками, подаренный ей месяц назад хорезмийским купцом. После прохождения жреческого посвящения Мирине надлежало носить лишь украшения, наделенные магической силой и сакральным смыслом. На небе загорелись первые звезды, когда подруги, устав от нескончаемой болтовни, навели порядок в шатре и устроились на ночлег.

Мирина проснулась от присутствия чуждой враждебной силы, окутывающей ее тело липким холодом. Подавляя сознание, темная сила проникала в сердце, вызывая чувство щемящей тоски и обреченности. Вскочив с постели, Мирина усилием воли подавила страх и решительно вышла из шатра. Стояла глухая безлунная ночь. Чистое накануне небо затянули тяжелые тучи. Мирина на миг оцепенела, увидав прямо перед собой, парящую в вязкой темноте зловещую призрачную фигуру человека в одеянии массагетского шамана, вокруг которого разливалось багрово-алое сияние. Никогда прежде Мирине не доводилось видеть столь отталкивающе-мерзкого и злобного существа, но она сразу догадалась, что встретилась лицом к лицу с Аморгом. Черный шаман был взбешен тем, что, несмотря на все усилия, ему не удалось проникнуть в шатер и убить юную жрицу во сне, настолько сильна была охранная магия старой провидицы Ар-

гимпасы. Зябко поеживаясь, из шатра показалась заспанная Томира. Увидав неописуемо жуткую призрачную фигуру, Томира взвизгнула от ужаса и спряталась за спину подруги. Мирина гордо выпрямилась и, не дрогнув, встретилась взглядом с чудовищным порождением Зла. На уродливом лице массагетского шамана появилась гадкая усмешка.

– Я Аморг! Запомни мое имя, ненавистная жрица! – грозно прохрипел он. – Степь трепещет пред моим могуществом и силой! Я поклялся истребить всех мужчин племени Таргитая, а женщин и детей сделать рабами, – хищно оскалившись, Аморг со звериным рыком добавил. – Я вырву из твоей груди сердце, постылая девчонка, и съем его сырым!!!

– Я не боюсь тебя, презренный массагет! – отважно шагнув вперед, воскликнула Мирина. – Скифы не склонили головы даже перед неисчислимым воинством Дария Ахеменида, не склонят свои гордые головы и перед ничтожным шаманом массагетов!

Обезумевший от хлестких слов юной жрицы, Аморг с неистовым криком бросился на Мирину, желая убить ее, во что бы то ни стало. Но неожиданно был отброшен назад чрезвычайно мощной незримой волной. Подняв голову, ошеломленный массагет вдруг встретился с не по-детски суровым и властным взглядом Мирины. В бездонных пронзительных глазах юной скифянки светился недюжинный ум и мудрость тысячелетних странствий нетленного Духа.

– Мы еще встретимся с тобой, белая жрица! – ядовито

прошипел Аморг и, полыхнув багряным пламенем, растворился в воздухе.

Откуда-то издалека до девочек донесся леденящий душу хохот черного шамана.

– Что это было, Мириночка! – облизнув пересохшие губы, простонала чуть живая от пережитого Томира.

– Все будет хорошо! Поверь мне, дорогая сестричка! – серьезно промолвила Мирина и, ласково обняв за плечи трепещущую подругу, увела ее в шатер.

Упав на колени перед бронзовой фигуркой богини Апи, Томира принялась горячо молиться, прося всемогущую Богиню отвести беду от Мирины и родного племени. Опустившись на ковер рядом с перепуганной девочкой, Мирина заверила ее:

– Вождь Таргитай не допустит, чтобы какой-то зарвавшийся массагетский шаман нанес значительный урон нашему племени. Мы с провидицей Аргимпасой уверены, что в степях Алтая нет вождя более мудрого и сильного, чем мой отец.

Томира согласно закивала головой и, с обожанием глядя в строгое лицо подруги, облегченно вздохнула.

– Что же касается меня, – вновь заговорила Мирина. – То я не ведаю причины столь жгучей ненависти ко мне массагетского шамана Аморга. Но, зная теперь врага в лицо, я буду начеку и не позволю ему захватить меня врасплох.

– А я всегда буду рядом с тобой, Мириночка! И пусть

только Аморг попробует напасть вновь! Я больше не испугаюсь его ужасного облика и грозных речей!!! – гордо выпалила Томира и бросилась на шею подруге.

– Я и не сомневалась в тебе, моя верная преданная Томира! – улыбнулась Мирина, ласково погладив рукой ее шелковистые косы. – Только ты никому не рассказывай о ночном происшествии! Племя должно жить спокойно, не тревожась о предполагаемых кознях черного шамана Аморга.

Прислушиваясь к раскатам грома и шороху дождевых струй, стекавших по крыше шатра, взволнованные девочки долго ворочались с боку на бок и заснули лишь под утро.

– Мирина! Мирина! – раздался где-то поблизости тонкий детский голосок.

Юная жрица подняла голову и прислушалась. Не понимая в чем дело, она протерла глаза и посмотрела на крепко спавшую рядом Томиру.

– Мирина! Жрица Мириночка!!! – вновь раздался настойчивый детский голос.

Выскочив из шатра, Мирина рассмеялась, увидев, как засверкали босые грязные пятки стремительно удиравшего Тяйчи – сына Арги. У ног девочки стояла большая плетеная корзина, в которой было полным-полно отборных грибов. Сладко потягиваясь и зевая, из шатра вышла Томира и удивленно спросила:

– Что так тебя развеселило, Мирина?

– Сынишка Арги принес нам в подарок корзину свежих

грибов и умчался прочь с такой скоростью, словно за ним гнался разъяренный массагет. Видимо малыш опасался, что я вновь откажусь от подношения! – пояснила жирица.

Томира присела на корточки рядом с корзиной и с наслаждением вдохнула грибной аромат.

– Давай отнесем эти грибы моей матери! – предложила девочка. – Пусть она пожарит их и испечет вкусный пирог!

– Хорошо! Пусть Спаретта приготовит пирог, – охотно согласилась Мирина и добавила. – Возможно, сегодня вернется из дальнего стойбища провидица Аргимпаса. Мы накормим бабушку ее любимым грибным пирогом.

– Кстати, мне вдруг так захотелось есть! – воскликнула Томира, поглаживая ладонью громко заурчавший живот. – Давай-ка поскорее завтракать!

Вернувшись в шатер, подружки с удовольствием съели вчерашние лепешки и солидный кусок овечьего сыра, запивая горячим чаем из земляники и пахучих листьев мяты. После сытного завтрака Мирина взяла костяной гребень и, старательно причесав растрепавшиеся за ночь волосы Томиры, заплела их в тугие косы. Затем она достала из ларца драгоценные височные подвески и украсила ими голову любимой подружки. Эти подвески великолепно сочетались с изящным браслетом, который Мирина подарила ей накануне вечером. Полюбовавшись радостным личиком Томиры, юная жирица веско произнесла:

– Не знаю почему, Томирочка, но тебе следует быть сего-

дня особенно хорошенькой и привлекательной!

В ответ на удивленный взгляд подруги, Мирина неопределенно пожала плечами и повернулась к зеркалу. Несколько раз небрежно проведя гребнем по своим роскошным иссиня-черным волосам, Мирина энергично потрянула головой и искрящиеся волосы рассыпались по ее плечам и спине. Затем, взяв со столика серебряный обруч, украшенный затейливой чеканкой, Мирина надела его на голову и откинула назад волосы.

– Скажи, а почему ты не плетешь косы? – поинтересовалась Томира у подруги.

– Когда у жрицы распущены волосы, она лучше чувствует и улавливает изменения, происходящие в окружающем пространстве! – с загадочной улыбкой на губах, отозвалась Мирина.

– Вам с провидицей Аргимпасой виднее! Вы мудрые и можете общаться с Духами Природы, – простодушно заявила Томира.

Покончив с делами, девочки подхватили корзину с грибами и направились к юрте Спаретты. Пока женщина занималась тестом, подруги почистили и нарезали грибы. Когда большой румяный пирог был готов, они чинно уселись на войлочных подушках вблизи очага. Получив от Спаретты по изрядному куску свежеиспеченного пирога, они принялись его с наслаждением уплетать. Вернувшийся от вождя Ширак, налил себе в чашу крепкой браги и присоединился

к трапезе. Вместе со Спареттой они позавтракали вареным бараньим курдюком, приправленным диким чесноком и хорошо распаренной чечевицей. Внимание Томиры и Мирины привлек конский топот, который вдруг оборвался возле их жилища. Любопытные подруги сорвались с места и бросились к выходу. Выбежав из юрты, они столкнулись с Гойтосиром, придерживающим под уздцы своего коня. Неподдалеку от мальчика гарцевала прехорошенькая статная лошадка темно-рыжей масти с пышной золотистой гривой и хвостом. При виде Томиры и Мирины на лице подростка появилась широкая приветливая улыбка. Подруги внимательно оглядели гостя. Гойтосир был одет в нарядную вышитую рубаху, длинные узкие штаны и мягкие кожаные полусапожки без каблуков, стянутые у щиколоток ремешками. В мочке уха мальчика поблескивала массивная золотая серьга с нефритовым камушком.

Гойтосир почтительно склонил голову перед вышедшими из юрты Шираком и Спареттой и вежливо сообщил:

– Отец велел мне пригнать в подарок вашей дочери Томире эту замечательную лошадку. Она одна из самых красивых и резвых жеребят в нашем табуне.

Наклонившись, Ширак приподнял ногу лошадки и со знанием дела ощупал ее узкое твердое копыто.

– Знатная вырастет кобылица – сильная, выносливая и стремительная, как ветер, – заключил бывалый воин и, посмотрев на дочь, спросил:

– Ну, скажи свое мнение, Томира, тебе понравился подарок моего друга Мадия?

– Еще бы! Эта лошадка просто чудо, как хороша!!! – воскликнула, замирая от восторга, девочка. – А как ее зовут? – поинтересовалась Томира у довольного Гойтосира.

– Я дал ей имя Чára, – торопливо пояснил мальчик. – Но если оно тебе не нравится, то можешь назвать кобылку как-то иначе!

– Что ты! Что ты, Гойтосир! – протестующе замахала руками Томира. – Это имя очень даже подходит моей славной лошадке! Я буду крепко любить и холить Чару!

Подойдя к жеребенку, девочка принялась ласково поглаживать его по красивой горделиво выгнутой шее. В ответ на ласку, лошадка тряхнула золотистой гривой и, потянувшись мордочкой к лицу Томиры, коснулась ее лба теплыми губами.

– Как видно и Чаре понравилась новая хозяйка! – сказала Спаретта, глядя на сиявшую от счастья дочь. – А теперь давайте-ка накормим Гойтосира! Он наверняка проголодался после дороги. А позже вы отгоните лошадку в табун. Саксафар присмотрит за ней, пока Чара не привыкнет к новому месту.

Застенчиво улыбнувшись Гойтосиру, Томира с низким поклоном произнесла:

– Я от всего сердца благодарю твоего отца Мадия за столь дорогой подарок!

Одобрительно кивнув дочери, Ширак и Спаретта ушли в юрту. Воспользовавшись отсутствием взрослых, мальчик достал из седельной сумки своего жеребца небольшой сверток и вручил его Томире.

— А это мой тебе подарок! — важно заявил Гойтосир. — Я сделал его собственными руками!

Томира осторожно развернула шелковистую ткань и восхищенно ахнула при виде вырезанной из дерева фигурки олененка. Он был изображен столь точно и искусно, что казался почти живым, готовым соскочить с посеребренной подставки. Быстро поднявшись на цыпочки, Томира неуклюже чмокнула мальчугана в щеку.

От столь неожиданного изъявления благодарности, Гойтосир густо покраснел и покосился на стоявшую рядом Мирину. При виде смущенного паренька и несказанно счастливой подружки, юная жрица весело хихикнула, но, опасаясь их обидеть, тут же зажала рукой рот и сделала серьезное лицо. Выглянувшая из юрты Спаретта, пригласила детей к столу. Бережно прижимая к трепещущей груди деревянного олененка, Томира ринулась в юрту, чтобы поскорее показать бесценный подарок своим родителям.

Плотнo позавтракав, Гойтосир с наслаждением пил обжигающе-горячий чай из шиповника и поглядывал на изготовленную им фигурку олененка, занявшую почетное место рядом с изображением богини Апи, боевым оружием Ширака и куколкой Томиры. Тем временем девочки без умолку

болтали между собой, обсуждая, как они будут тренировать и воспитывать своих жеребят, чтобы в последствии те стали великолепными боевыми конями.

– Лошадь признает вожаком того, кто имеет над ней власть, кто сможет строго наказать за непослушание, а также вовремя поощрить и приласкать. Скифский конь должен быть верным и надежным другом! – назидательно проговорил Ширак, вмешавшись в разговор подружек.

Притихшие дети внимательно, с большим уважением выслушали веские слова опытного воина.

– У Мирины тоже есть свой жеребенок? – с живейшим интересом спросил Гойтосир.

– Да, конечно! Да еще какой замечательный!!! – торопливо заговорила Томира. – Ариант необыкновенный конь! Ты это поймешь, как только увидишь его сам.

Посоветовавшись, дети решили отправиться на пастбище пешком. Спаретта решила сделать приятное старому табунщику Саксафару. Она сложила в кожаное ведро добрую порцию вареного бараньего курдюка, кусок свежее испеченного грибного пирога и сосуд с крепким вином. Гойтосир взял ведро и ласково потрепал за холку своего коня, временно оставляемого на попечение Спаретты. Тем временем девочки отвязали нетерпеливо бившую копытами Чару и двинулись в путь. Почувствовав свободу, застоявшаяся подле юрты лошадка с радостным ржанием понеслась в сторону манящей степи. Томира любовалась, как золотистая грива и пыш-

ный хвост ее маленькой лошади красиво развевались на ветру. Но стоило лишь Гойтосиру окликнуть Чару, как она послушно возвращалась и, сделав круг, вновь скакала прочь наперегонки с ветром.

Стоял душный и знойный полдень. Добравшись до родника, дети опустились на колени и стали пригоршнями пить студеною ключевую воду. Утолив жажду, они принялись дурачиться, щедро брызгая друг на друга водой. Мокрые с головы до ног девочки с пронзительным визгом погнались за Гойтосиром. Но увесистое ведро с продуктами мешало ему бежать в полную силу. Быть пойманным девчонками, Гойтосир считал унижительным. И потому, чтобы не чувствовать себя побежденным, мальчик, якобы играя, внезапно плюхнулся в траву. Не успев сориентироваться, Мирина и Томира с разбегу споткнулись об его вытянутые ноги и кубарем полетели в заросли зверобоя и душицы. Вскочив на ноги и потирая ушибленные места, подружки удивленно поглядели друг на друга, затем на беззаботно развалившегося в траве ухмыляющегося Гойтосира, и вдруг, они все вместе принялись так громко хохотать, что маленькая Чара испуганно шархнула в сторону.

Окликнув резвую лошадку, дети продолжили путь. Когда они подходили к табуну, Мирину заметил ее любимый жеребенок Ариант. Заливисто заржав, он стремительной и четкой иноходью помчался навстречу своей хозяйке.

– Вот это конь!!! – восторженно выпалил Гойтосир, любю-

ясь прекрасным серебристо-серым жеребенком с яркой белой звездочкой на лбу. – Да этот жеребец стоит целого табуна!!!

– Ну, что! Что я говорила! Ариант особенный жеребчик! – затараторила Томира, заглядывая в лицо мальчика.

Согласно кивнув головой, Гойтосир уважительно произнес:

– Когда Ариант подрастет, из него выйдет великолепный боевой конь – быстрый, как стрела, выносливый и могучий!

– Мой отец тоже так считает! – с гордостью отозвалась Мирина, обнимая за шею ластившегося к ней иноходца.

Шевеля ушами и нервно перебирая тонкими ногами, маленькая Чара опасливо поглядывала на несшуюся к ней во весь опор ослепительно-белую кобылицу.

– Это мать Арианта! – встревожено крикнула Томира и, бросившись вперед, на всякий случай загородила собой Чару.

Девочка не знала, как воспримет кобылица чужого жеребенка. Но опасения Томиры оказались напрасными. Резко остановившись перед девочкой, умное животное дружелюбно потянулось мордой к маленькой испуганной Чаре. Обнюхав ее, кобылица негромко заржала и, отойдя в сторону, принялась мирно щипать траву. По примеру матери Ариант тоже обнюхал незнакомую лошадку, приблизив к ней свои тонкие трепетные ноздри, после чего принялся носиться вокруг Чары кругами, как бы приглашая поиграть. Желая приобод-

рить нервно подрагивавшую лошадку, Гойтосир ласково хлопал ее по спине. Вскоре осмелевшая Чара сорвалась с места и бросилась вдогонку за Ариантом. Белоснежная кобылица подняла голову и некоторое время наблюдала за резвящимися жеребятами, а затем рысцой направилась в табун. Ариант и Чара послушно последовали за ней.

– Кобылица приняла Чару и не позволит другим лошадям обижать ее! – с уверенностью проговорила Мирина, глядя на удалявшихся жеребят.

Гойтосир и Томира согласно закивали головой. Внезапно внимание девочек привлекла крытая повозка, появившаяся из-за небольшого лесочка.

– Бабушка! Бабушка вернулась!!! – радостно заверещала Мирина и стремглав кинулась навстречу повозке.

Следом за подругой метнулась Томира и, немного подумав, двинулся Гойтосир. Мальчик много слышал о знаменитой на всю Скифию провидице, но увидеть воочию Аргимпасу ему довелось лишь один раз на празднике весны. Завидев бегущих к ней детей, Аргимпаса натянула поводья и остановила запряженную в повозку лошадь. Примчавшаяся первой Мирина, помогла пожилой жрице спуститься с повозки и осыпала ее лицо горячими поцелуями.

– Ах! Как же я соскучилась по тебе, бабушка! – воскликнула девочка, с любовью всматриваясь в лучистые глаза Аргимпасы.

– А наша Мириночка спасла от смерти женщину Аргу,

нечаянно поранившуюся ножом! – взახлеб принялась рассказывать провидице Томира. – Арга и ее дети голодали, а старик отец стал совсем немощным и костлявым! Мирина попросила вождя Таргитая, чтобы он помог этой несчастной семье. Вождь подарил Арге пузатую овцу и двух фазанов, подстреленных им на охоте. А еще отец Мирины приказал женщине, после ее выздоровления, ходить на пастбище доить кобылиц. За это Арге было позволено забирать столько кобыльего молока, чтобы хватало на всю семью, и ее дети больше не будут голодать!

Высказавшись, Томира перевела дух и облегченно вздохнула.

– Таргитай – мудрый вождь и достойный человек! Он всегда поступает правильно и справедливо! – с уважением говорила Аргимпаса и обняла прильнувших к ней девочек.

Мирина оглянулась и заметила стоявшего поодаль Гойтосира. Мальчуган не решался подойти ближе и с почти-тельным трепетом разглядывал величавую пожилую жрицу. Подбежав к Гойтосиру, Мирина схватила его за руку и потащила к провидице. Под пронзительным проникающим в душу взглядом Аргимпасы подросток невольно съежился. Он знал, что великой жрице достаточно было услышать голос человека или взять в руки любую принадлежавшую ему вещь, чтобы узнать его прошлое или предсказать будущее.

– Это молодой табунщик Гойтосир! – поспешила представить оробевшего мальчика Томира. – Он пригнал мне в по-

дарок чудесную лошадку Чару.

– Именно отец этого мальчика – доблестный воин Мадий убил огромного волка, который чуть было не загрыз старика Саксафара! – многозначительно добавила Мирина.

Аргимпаса приветливо посмотрела в открытое умное лицо паренька и с теплой улыбкой промолвила:

– Я рада с тобой познакомиться Гойтосир – сын Мадия!

Просиявший от добрых слов знаменитой провидицы, мальчик склонился пред ней в почтительном поклоне.

– Я, пожалуй, задержусь на пастбище, – объявила Аргимпаса. – Мне хотелось бы побеседовать с табунщиком Саксафаром. Мало кто из скифов обладает столь глубоким умом, огромным жизненным опытом и поистине уникальной памятью. Этот мудрый человек заслуживает большого уважения и почитания.

Дети побежали в степь, чтобы отыскать в табуне лошадку Чару и показать ее Аргимпаса. А провидица, тем временем, направила свою повозку к стоявшей на окраине пастбища юрте Саксафара.

Удобно расположившись у костра, Аргимпаса и Саксафар пили из глубоких расписных чаш свежее кобылье молоко и вели неспешную обстоятельную беседу. Неподалеку паслась белоснежная кобылица, и беззаботно резвились жеребята – Ариант и маленькая Чара, быстро освоившаяся на новом месте. Гойтосир с Томирой отыскиали в степи норку сурка и пытались выманить на поверхность ее обитателя. Ми-

рина не захотела принять участие в их забаве. По привычке лежа на спине в густой траве, она с интересом наблюдала за стремительным полетом ястреба, охотившегося на степных пеструшек.

Внезапно со стороны кочевья показался несшийся во весь опор всадник. Соскочив с лошади у юрты табунщика Саксафара, он почтительно склонился перед Аргимпасой.

– Я не знал, что ты уже вернулась, провидица! – взволнованно заговорил прибывший мужчина. – У моей жены начались роды. Спаретта сообщила мне о местонахождении жрицы Мирины.

Упав вдруг на колени перед Аргимпасой, мужчина со слезами на глазах взмолился:

– Помоги нам, могущественная провидица!!! Ведь наш первый ребенок появился на свет мертвым!

– В том, прежде всего, была твоя вина! – укоризненно и властно произнесла Аргимпаса. – Как ты мог позволить своей беременной жене участвовать в сражении?! Я ведь предупредила вас о возможных последствиях!

В ответ на резкие справедливые слова мудрой жрицы, мужчина тяжело вздохнул и с понурым видом опустил голову. Аргимпаса немного смягчилась и, глядя на сокрушенно молчавшего воина, строго добавила:

– Надеюсь, прошлый печальный опыт научил вас уму-разуму?! Что ж, забирай целительницу Мирину и поскорее вози к своей жене. Мирина не раз помогала мне принимать ро-

ды и потому, без сомнения, справится! Я же отправлюсь следом за вами.

Окликнув внучку, Аргимпаса быстро объяснила ей суть дела. Девочка уселась на коня впереди всадника, и тот, прищипорив жеребца, вскоре скрылся из вида.

Тепло попрощавшись с Саксафаром, жрица направилась к своей повозке. Запряженная в повозку широкогрудая гнедая кобыла смирно стояла в ожидании своей хозяйки. Старый табунщик помог Аргимпасае забраться на повозку, и она тронулась в путь. Прикрыв ладонью глаза от палящих солнечных лучей, Саксафар долго смотрел вслед удалявшейся повозке.

– Доброй тебе дороги, мудрая провидица Аргимпаса! Да продлит твою благословенную жизнь всемогущая богиня Апи на долгие-долгие годы! – негромко произнес старик и зашагал к табуну.

Аргимпаса была уже рядом с юртой роженицы, когда изнутри раздался первый крик новорожденного. Войдя в юрту, жрица увидала ликующую Мирину, державшую в руках только что появившегося на свет мокрого розового мальчика. Крепко перевязав и обрезав пуповину, Аргимпаса помогла внучке обмыть младенца теплой водой, после чего осмотрела сиявшую от счастья роженицу, чтобы убедиться все ли с ней в порядке. Радостная мать приняла из рук Мирины плачущего сына и с трепетом приложила к своей обнаженной груди, чтобы покормить.

– Ну, надо же, не успел родиться, а уже умеет так ловко есть! – восхитилась Мирина, наблюдая, как младенец, захватив открытым ротиком грудь матери, принялся жадно сосать молоко.

– Будь здоров и счастлив, малыш! – ласково произнесла Аргимпаса, осторожно завязывая на шейке мальчика золотистый шнурок с нанизанной голубой бусиной. – Да сохрани тебя от сил Зла покровительница скифов богиня Апи!

Несказанно счастливый и гордый отец, с восторгом наблюдавший за происходящим, низко поклонился обоим жрицам и почтительно произнес:

– Сердечно благодарю тебя, провидица Аргимпаса, за теплые слова и оберег, подаренный моему сыночку. А тебя, светлая жрица Мирина, от всей души благодарю за неоценимую помощь, оказанную при родах моей жене. В вашу честь я принесу в жертву богини Апи красивого скакуна, а в честь благополучного рождения ребенка – самую большую овцу из моей отары.

Попрощавшись с молодой матерью и ее мужем, Аргимпаса и Мирина направились в свой шатер. Там их уже нетерпеливо поджидала вернувшаяся с пастбища Томира. Сообщив, что Гойтосир вместе с Шираком отправился в лес за дровами, девочка поинтересовалась у Аргимпасы о причине страшной болезни, обрушившейся на поселение скифов-земледельцев.

– Это была не болезнь, Томира! – серьезно и озабочен-

но проговорила Аргимпаса. — Чья-то недобрая могучая сила, несущая гибель всему живому, наслала необычную хворь на это мирное стойбище! Мне удалось быстро распознать ее и избавить несчастных людей от мучительных страданий, неукротимой рвоты и беспричинного страха.

Внимательно выслушав опытную жрицу, девочки быстро переглянулись. Затем Мирина, сосредоточив взор на лице Аргимпасы, уверенным и твердым голосом объявила:

— Это козни черного шамана Аморга! Проклятый массажет, таким образом специально выманил тебя из кочевья, а затем явился нам прошлой ночью. Объятый зловещим багрово-красным сиянием, с горящими от лютой ненависти глазами Аморг грозился истребить всех людей племени Таргитая!

— А нашу Мириночку обещал убить и съесть ее сердце! — встряла в разговор возмущенная Томира. — Только вряд ли ему это удастся! Когда разъяренный шаман бросился на Мирину, то неведомая сила отшвырнула его в сторону! Захохотав так, что кровь похолодела в жилах, Аморг растворился в воздухе.

Томира заметила, как дрогнули руки провидицы Аргимпасы и побледнело ее благородное, умудренное опытом лицо.

— Это замечательно, что черный шаман получил достойный отпор! — подумав, проговорила жрица. — Мне доподлинно известно, что в степи нет человека подлее и коварнее

Аморга! Не победив в открытом бою, мстительный шаман будет настойчиво искать обходные пути. Но пока я с тобой, тебе нечего бояться, Мирина!

– А я и не боюсь его, бабушка!!! – гордо вскинув голову, заявила девочка.

Ласково обняв отважную внучку, Аргимпаса крепко прижала ее к своей груди и поцеловала в лоб. Откинув толстый полог из кошмы, в жилище провидицы вошла Спаретта, державшая в руках блюдо с румяным грибным пирогом.

– Девочки попросили испечь его специально для тебя, Аргимпаса, чтобы угостить по приезду из дальнего стойбища! – уважительно проговорила женщина, подавая провидице большой кусок пирога. Оглянувшись на дочь, Спаретта строго добавила. – А тебе, Томира, пора домой! Аргимпаса нужно отдохнуть с дороги, да и Ширак с Гойтосиром уже вернулись с дровами из леса.

При упоминании о Гойтосире щеки девочки залил яркий румянец. Томира изо всех сил старалась не показать вида, что по уши влюблена в этого паренька. Пытаясь скрыть охватившее волнение, она выскользнула из шатра и помчалась к своей юрте. Спаретта многозначительно улыбнулась жрицам и поспешила за дочкой.

Отдохнув от утомительного пути и событий прошедшего дня, Аргимпаса опустилась на колени перед образом богини Апи, чтобы совершить вечернюю молитву. Воспользовавшись отсутствием Мирины, в шатер тихо вошла Томира.

– Я не помешала, провидица? – робко спросила девочка, глядя на коленопреклоненную жрицу.

– Ну что ты, дорогая! – приветливо улыбнулась Аргимпаса. – Я всегда рада видеть тебя!

Томира присела рядом со жрицей, почтительно поцеловала ее морщинистую руку и, зардевшись, словно лепестки жар-цвета, с трепетным волнением промолвила:

– Провидица, можно ли мне попросить Вас изготовить амулет-оберег для Гойтосира. Не знаю почему, но этот мальчик очень дорог мне и я ничего не могу с этим поделать!

– Конечно, Томирочка! – ласково произнесла Аргимпаса. – Я с удовольствием сделаю для Гойтосира амулет. Но почему ты не обратилась с этой просьбой к Мирине? Ты боялась, что она будет подсмеиваться над тобой?!

Томира смущенно кивнула головой и с опаской оглянулась на вход в шатер. Мудрое лицо старой провидицы озарилось нежностью и добротой. Погладив девочку по голове, она сказала:

– Несмотря на то, что Мирина стала могущественной белой жрицей, в душе она осталась все той же озорной веселой девчонкой. Томира, не надо сердиться на ее беззлобные смешки и замечания! Мириночка любит тебя всем сердцем и искренне рада, что ее верной подруге приглянулся такой красивый умный и смелый мальчик. Скажу тебе по секрету, что мне недавно довелось услышать, как Мирина горячо молилась богине Апи. Она просила, чтобы через несколько лет

Гойтосир стал твоим надежным заботливым мужем и крепко любил бы тебя всю жизнь.

– Правда!!! Ну, какая же я право дурочка! – с неописуемым восторгом закричала Томира. – Как я могла сомневаться в моей дорогой Мириночке?! – взвизгнула она и, бросившись на шею Аргимпасе, принялась целовать ее щеки, лоб, нос и подбородок.

– Приходи ночью в наш шатер, и мы обязательно вместе с Мириной изготовим для Гойтосира мощный амулет-оберег! – пообещала растроганная жрица.

Томира кинулась навстречу вошедшей в шатер Мирине и чуть не задушила ее в своих объятьях.

– Что случилось? Что с тобой, Томира?! – опешила от неожиданности девочка.

– Ты даже не представляешь, как я люблю провидицу Аргимпасу и тебя, мою ненаглядную верную подругу!!! – воскликнула Томира и вприпрыжку побежала к себе домой.

Мирина посмотрела ей вслед и, недоуменно пожав плечами, принялась готовить для бабушки ароматный травяной чай.

Под покровом ночи, сидя у алтаря с разложенными на нем когтями животных, мелкими позвонками, клювами и перьями хищных птиц, Аргимпаса и Мирина делали амулет-оберег для Гойтосира. Томира сидела чуть поодаль от занятых священнодействием жриц и с усердной молитвой плела для оберега прочный шнурок из алого шелка. Воздух в шатре

был пропитан дымом от курящихся благовоний и тлеющего очага. Когда все было готово, Аргимпаса приоткрыла вход в шатер, чтобы ночной ветерок унес густой дым и стойкие запахи. Томира осталась ночевать у подруги, так как в родительской юрте на ее постели расположился Гойтосир. Немного пошушукавшись, девочки крепко заснули.

Утром, после завтрака, Аргимпаса велела Томире привести к ней Гойтосира, и та полетела как стрела, исполнять приказание жрицы. Подросток с трепетом вошел в шатер знаменитой провидицы и нерешительно остановился у входа.

– Подойди ко мне, Гойтосир! – властно позвала его жрица.

Томира подтолкнула в спину юного табунщика и, забежав вперед, встала рядом с Аргимпасой. Взяв в руки драгоценный ларец, Мирина вынула из него готовый амулет и почти-тельно передала его бабушке. Приблизившись к оробевшему Гойтосиру, Аргимпаса надела ему на шею амулет-оберег и торжественно произнесла:

– По просьбе Томиры мы изготовили для тебя этот могучий оберег, защищающий от сил Зла! Обладатель этого амулета в момент опасности способен обрести силу медведя, стремительность барса и зоркость орла.

Гойтосир с признательностью опустил на колени перед Аргимпасой и, почтительно взяв ее руки, поцеловал в раскрытые ладони. Жрице пришелся по душе этот симпатичный, крепко сложенный паренек. Она благословила Гойто-

сира и, возложив руку на его голову, закрыла глаза. Гойтосир и девочки, затаив дыхание, ждали, что скажет провидица.

– У тебя отважное сердце, Гойтосир, и чистая незамутненная пороком душа! – зазвучал ровный величественный голос Аргимпасы. – Твой жизненный путь светел и ясен. Несмотря на трудности, которые тебе предстоит преодолеть, ты с честью и достоинством выйдешь из любой сложной ситуации и не посрамишь гордый род царских скифов. Ты не ведаешь, Гойтосир, что твое счастье столь близко, но прозрение будет подобно ослепительной вспышке молнии! Так будь же счастлив, мальчик! Доброго тебе пути!!!

Выслушав пророческие слова, Гойтосир поднял голову и с благоговением посмотрел в мудрое лицо пожилой жрицы. Темные бездонные глаза Аргимпасы мерцали как яркие звезды на ночном небе. Провидица подняла с колен юного табунщика и коснулась губами его лба.

– Чем же я смогу отблагодарить, Вас за проявленные великодушие и доброту?! – молитвенно сложив руки, проговорил взволнованный Гойтосир.

– Не беспокойся об этом, мальчик! – мягко отозвалась Аргимпаса. – Ты пригнал в подарок Томире прелестную лошадку, и тем самым твоя семья с лихвой отплатила за оберег, который мы с Мириной изготовили для тебя. Мы очень любим Томирочку, она нам как родная!

– Томира и есть моя кровная сестра! – вмешалась в разговор Мирина. – Мы произвели с ней священный обряд бра-

тания.

С этими словами девочки подняли рукава. На левом запястье у каждой – розовел небольшой шрам от пореза аки-наком. Аргимпаса одобрительно кивнула головой и улыбнулась. Гойтосир с уважением посмотрел на серьезные личики неразлучных подруг. Провидица пригласила мальчика пообедать вместе с ней, Мириной и Томирой, на что тот охотно согласился.

После обильной сытной еды, присланной вождем Таргитаем, Гойтосир засобирався в дорогу. Томира с Мириной вызвались проводить его до берега Катуня. Попрощавшись с гостеприимными родителями Томиры, Гойтосир забрал своего застоявшегося жеребца, и дети двинулись в путь. Шумно болтавшие между собой Мирина и Гойтосир тщетно пытались развеселить приунывшую Томиру. Когда они добрались до берега реки, подросток тепло распрощался с полюбившимися ему бойкими девчушками. Затем Гойтосир по-молодецки вскочил на коня и, приветливо взмахнув рукой, припустился галопом вдоль каменистого берега Катуня.

Когда юный всадник скрылся из виду, Томира залилась горячими слезами. Ласково обняв безутешно рыдающую подругу, Мирина повела ее в кочевье.

МЕСТЬ ЧЕРНОГО ШАМАНА

В полдень следующего дня в кочевье на взмыленном коне прискакал табунщик Мадий. Резко осадив жеребца у шатра вождя, он окликнул Ширака, точившего неподалеку на камне свой верный акинак. Воин помог Мадию снять с крупы коня надежно притороченного к седлу пленного массагета и затащить его в шатер Таргитая. Грубо швырнув к ногам вождя связанного по рукам и ногам плененного врага, Мадий доложил:

– Большой отряд массагетов под покровом ночи совершил внезапный налет на отдаленное скифское пастбище. Они зверски убили пятерых табунщиков и угнали два табуна породистых лошадей. О случившемся поведала истекающая кровью жена погибшего табунщика, чудом уцелевшая после жуткой бойни. Нам удалось нагнать похитителей и вернуть табуны, – сделав паузу, Мадий презрительно взглянул на жестоко иссеченного пастушьими кнутами, чуть живого от побоев массагета. – Мы тут допросили одного из захваченных в плен врагов и выяснили, что массагеты вступили в стовор с племенем лихих кочевников гуйфанов и спешно собирают войско, чтобы сообща двинуться на наше кочевье.

Пленный с трудом поднял окровавленное лицо, рассеченное сыромятным кожаным хлыстом и, желчно хохотнув, выкрикнул:

– На сей раз тебе не поздоровится, Таргитай! С помощью бесстрашных гуйфанов мы истребим твое ненавистное племя!

– Что-о-о-о?! Ты осмелился грозить мне, ничтожный массагет!!! – взревел взбешенный неслыханной наглостью Таргитай.

Стиснув увесистые кулаки, он шагнул к пленнику и, ухватив его за шею, рывком поднял в воздух. Смачно плюнув в перекошенное от удушья лицо массагета, вождь с такой силой грохнул его об пол, что тот откатился под ноги Мадия.

– Убить мерзавца!!! – громогласно рывкнул Таргитай, указывая рукой на поверженного наземь врага.

Мадий с готовностью кивнул головой и мощным пинком вышвырнул из шатра корчившегося от боли массагета. Вскоре снаружи раздался короткий вопль и вернулся Мадий, с безгловым видом вытиравший окровавленный сагарк.

Во власти мрачных размышлений Таргитай некоторое время раздраженно ходил по шатру. Мадий и Ширак терпеливо ждали, какое же решение примет вождь по поводу внезапного вторжения массагетского отряда на территорию скифского племени. Таргитай не был безрассудным человеком, как опытный стратег он трезво оценивал создавшуюся ситуацию. Заклятые враги скифов – массагеты вновь подняли голову, на сей раз, объединившись с кочевниками гуйфанами – одним из самых многочисленных и кровожадных племен Алтайской степи. Таргитаю было ясно, что без поддержки

союзников его племя не сможет противостоять столь сильно-
му воинству, даже с учетом того, что массагеты были изряд-
но потрепаны после недавней битвы со скифами. Приняв,
наконец, нужное решение, вождь резко остановился перед
Шираком и Мадием, замерших в напряженном ожидании.
Устремив пристальный взор на суровые мужественные лица
своих преданных воинов, Таргитай сухо и отчетливо произ-
нес:

– Сражаться в одиночестве против столь многочисленно-
го вражеского войска, я считаю безумием! Потому ты, Ши-
рак, немедленно отправишься за подмогой к скифскому вождю
Кадрию, вместе с которым мы неоднократно ходили войной
на ненавистных врагов, одерживая убедительные победы, –
сделав паузу, Таргитай обратился к Мадю. – Отбери в ко-
чевье с десятков самых лучших наездников. Вам предстоит
оповестить о готовящемся вторжении врагов всех наших та-
бунщиков на ближних и дальних стойбищах и созвать опол-
чение.

Отвесив почтительный поклон, Ширак и Мадий, явно до-
вольные мудрым решением, принятым вождем, бросились
исполнять его приказание. Вскоре могучий всадник на ры-
жем грудастом скакуне покинул кочевье и во весь опор по-
мчался по жарко дышащей степи. Чуть позже из стойбища,
погоня резвых лошадей, устремились в разные стороны де-
сять вооруженных до зубов скифских конников.

В течение дня в кочевье продолжали поступать сведе-

ния о внезапных нападениях на отдаленные пастбища разбойничьих шаек массагетов. В жестоких неравных схватках гибли скифские табунщики и их семьи, угонялся скот. От невозможности немедленно прийти на помощь попавшим в беду соплеменникам, Таргитай в бессильной ярости метался по шатру и рычал, как раненный зверь. Даже Мирина предпочла в этот момент не попадаться на глаза своему грозному отцу. В кочевье со всех сторон стекались вооруженные отряды скифских всадников.

За ужином настроение вождя несколько улучшилось, он перестал метать гром и молнии. Сумрачно и угрюмо Таргитай раздирал руками тушку жареной куропатки, почти не жуя, глотал мясо и с хрустом разгрызал кости. Не успел он закончить трапезу, как в шатер вбежал один из телохранителей и четко доложил:

– В наше кочевье прибыл посол презренных массагетов! Он ведет себя крайне вызывающе и требует личной, без свидетелей, встречи с вождем!

Резко отпихнув от себя блюдо с недоеденной куропаткой, Таргитай гордо распрямил широкие плечи и громогласно с достоинством произнес:

– Немедля привести ко мне массагетского посла!!!

Воин со всех ног бросился исполнять приказ вождя племени. Вскоре снаружи послышалось злобное рычание и лай верных псов, охранявших жилище хозяина. Откинув полог из толстой кошмы, в шатер вошли два стражника, за ними,

горделиво ступая, следовал молодой богато одетый массагет. Таргитай жестом руки отпустил своих телохранителей. Оставшись наедине с вражеским посланцем, Таргитай впериł в него тяжелый пристальный взгляд. У массагета была крайне неприятная прыщавая физиономия с приплюснутым носом и маленькими бегающими глазками. По лицу юноши было нетрудно догадаться, что порок глубоко укоренился в его темной душе. В отталкивающем облике посланца было нечто странное, что насторожило вождя.

– С чем пожаловал, массагет?! – грубо и мрачно проговорил Таргитай.

Гадко усмехнувшись, юноша высокомерно взглянул на скифского вождя и, выпятив грудь, гордо произнес:

– Меня зовут Скилур! Я прибыл с целью сообщить, что вождь непобедимого массагетского племени Фарзай и его брат – могущественный шаман Аморг объявляют тебе беспощадную войну, ненавистный Таргитай.

При упоминании о черном шамане Аморге кровь ударила в голову скифского вождя, приведя его в неопишемую ярость. Топнув ногой, Таргитай гневно сдвинул брови и зычно гаркнул:

– Пошел вон, массагетский щенок!!! Убирайся, пока я не задушил тебя собственными руками!!!

Скилур отступил назад и судорожно вцепился пальцами в амулет, висевший на его груди поверх одежды. Амулет представлял собой сложное переплетение из черных перьев

хищной птицы, окровавленных лапок совы и зубов ядовитой змеи. Отвратительная физиономия массагетского посла вдруг словно окаменела, бегающие глазки остекленели, и их немигающий змеиный взор сосредоточился на лице Таргитая. Внезапно вождь почувствовал, что будто темный мóрок неудержимо затягивает его в свои холодные липкие сети, подавляя волю и лишая сил. Умудренный опытом Таргитай понял с кем имеет дело и, потому, резко тряхнув головой, вызвал в своем сознании светлый образ провидицы Аргимпасы. В тот же миг Скилур жутко вскрикнул от обрушившегося на него неведомо откуда мощного энергетического удара и, корчась от нестерпимой боли, грохнулся навзничь на пол. Переведя дух, массагет с трудом поднялся на карачки, а затем, с силой оттолкнувшись от пола – на ноги. Медленно развернувшись спиной к скифскому вождю, Скилур с издевкой бросил через плечо:

– Мы перебьем твоих хваленых воинов и заберем табуны золотогривых коней, а женщин и детей сделаем рабами, и тогда твоему могуществу, Таргитай, придет долгожданный конец.

– Проклятье!!! – вне себя от бешенства взревел Таргитай. – Ты что, возомнил себя вершителем судеб, паршивый массагет?!

Скифы не имели обычая убивать вражеских послов, и Таргитаю стоило невероятных усилий, чтобы, схватив меч, не отсечь голову наглецу. Почувствовав реальную угрозу,

Скилур поспешил удалиться. Проходя мимо соседнего шатра, он обратил внимание на величавую пожилую жрицу Аргимпасу и стоявшую рядом с ней хрупкую черноволосую девочку. Под властным осуждающим взглядом скифской провидицы Скилур ощутил вдруг себя жалким беспомощным зверьком, а от пронзительного взгляда Мирины у него пробежал по спине холодок и противно засосало под ложечкой.

Проводив недобрым взглядом массагетского юношу, Мирина, обращаясь к Аргимпасе, задумчиво произнесла:

– Я узнала амулет, висящий на груди вражеского посла. Нам с Томирой довелось видеть его той памятной ночью на призрачной фигуре черного шамана Аморга.

– Верно, детка! – подтвердила Аргимпаса слова внучки. – Этот могущественный амулет действительно принадлежит черному шаману Аморгу, который необычайно коварен и хитер. Передав свой амулет молодому шаману, Аморг сознательно подставил того под удар, желая таким образом избавиться от опасного соперника, ибо почувствовал в юноше стремительно возрастающую темную магическую силу! – немного помолчав, Аргимпаса сурово добавила. – Но дни этого молодого шамана сочтены, ибо я вижу над его головой зловещий ореол смерти!!!

– А у меня возникло такое чувство, бабушка, – нервно поежившись, отозвалась Мирина, – что до своей гибели, он еще успеет свершить какую-то неслыханную подлость и злодейство!

Сопровождаемый угрюмыми, полными ненависти, взглядами скифов и злобным рычанием ошестинившихся сторожевых псов массагетский посол благополучно покинул кочевье вождя Таргитая и, вскочив на горячего коня, ускакал восвояси.

Утром следующего дня дозорный, сидевший на ветвях высокого дерева, призывно прогудел в рог и завопил, что есть мочи:

– Едут!!! Едут наши верные собратья!!!

Возбужденные люди высыпали из юрт и бросились на окраину кочевья, чтобы встретить доблестную конницу вождя Кадрия. Глядя на стремительно приближающееся войско дружественного скифского племени, многолюдная толпа воинов племени Таргитая бурными возгласами приветствовала собратьев по оружию. Глазастая Томира заметила среди чужих всадников своего отца Ширика и, радостно вскрикнув, указала на него матери. Спаретта ласково улыбнулась дочери и обняла ее за плечи.

Раздался властный громopodobный голос вождя Таргитая и соплеменники поспешно расступились, пропуская вперед своего могучего предводителя. Выйдя навстречу своему давнему другу Кадрию – вождю многочисленного племени царских скифов, Таргитай с удовольствием наблюдал как тот, погоняя гривастого вороного жеребца, с гиканьем мчался впереди своих закаленных в боях воинов. В лучах утреннего солнца ярко сияли начищенные до блеска тяжелые доспехи

Кадрия и ножны его длинного меча. На голову вождя был надет островерхий войлочный шлем, украшенный золотыми фигурками оленей и фантастических зверей. Чуть отстав, по правую руку от Кадрия на рослом коне скакал его сын Палак – здоровенный детина с волевым скуластым лицом. Поверх простой походной одежды юноши был надет бронзовый чешуйчатый панцирь, а крепкую шею обвивала большая золотая гривна в виде головы барса – охранника и покровителя воинов. Палак был подпоясан двумя кожаными ремнями – стрелковым, на котором висел наполненный стрелами колчан, и основным – на котором крепились длинный меч и массивный боевой чекан. Слева от Кадрия на породистом жеребце горделиво восседала статная широкобедрая всадница с длинными темно-русыми косами, змеящимися поверх высокой девичьей груди. На дочери Кадрия был колоритный костюм в виде длинной широкой юбки, сшитой из трех горизонтально сложенных полос, каждая из которых имела свой оттенок красного цвета – алого, оранжево-красного и бордового. Окрас одежды и количество полос на юбке имели для скифских женщин особое значение – указывая на статус и положение в племенном сообществе. Поверх шерстяной юбки, подпоясанной мягким плетеным поясом с кистями на концах, на молодой всаднице была надета нарядная ярко-розовая шелковая рубаха с длинными рукавами и округлым вырезом горловины. Драгоценные украшения, завершающие богатое убранство девушки, придавали ее гордой кра-

соте изысканный блеск и значимость.

Вблизи кочевья всадники спешили, и вожди племен двинулись навстречу друг другу. Кадрий и Таргитай обменялись крепкими рукопожатиями и по-братски обнялись.

– Я рад, что ты откликнулся на мой зов о помощи, дорогой Кадрий! – с чувством воскликнул Таргитай, всматриваясь в мужественное рассеченное застарелым шрамом лицо скифского вождя.

– Как я мог отказать своему верному собрату, с которым мы неоднократно вместе кочевали и отражали набеги неприятеля! – густым басом пророкотал в ответ Кадрий. – Я высоко ценю тебя, Таргитай, как самого мудрого и отважного военачальника Скифии и дорожу твоей дружбой!

Польщенный признанием опытного воина Таргитай вновь заключил Кадрия в крепкие объятия. На задубевшем от знойного степного ветра суровом лице Кадрия, появилась довольная улыбка. Сын Кадрия – Палак, почтительно склонил голову перед Таргитаем – самым знаменитым и прославленным скифским вождем. С достоинством ответив на поклон юноши, Таргитай окинул одобрительным взором его могучую фигуру. Из-за массивного телосложения и серьезного волевого лица с глубоко посаженными серо-голубыми глазами сын Кадрия казался старше своих лет.

– Замечательный воин! – похлопав юношу по широкому плечу, веско проговорил Таргитай.

Толстые выступающие вперед губы Палака расплылись

в широкой улыбке, придав угрюмому лицу юноши неожиданно мягкое и добродушное выражение.

— А это моя младшая дочь, Нурай! — с гордостью сообщил Кадрий, представляя Таргитаю яркую русоволосую красавицу. — Ты верно уже не помнишь ее? Нурай недавно исполнилось семнадцать лет, но она уже участвовала в двух схватках с врагом, проявив себя отважной воительницей и великолепной лучницей.

Таргитай пристально глянул в прелестное смуглое личико юной скифянки. У девушки был высокий чистый лоб, выразительные голубые глаза под дугами черных бровей, чуть вздернутый носик и красиво очерченные алые губы.

— Ты ли это, Нурай?! — восхищенно воскликнул Таргитай. — Я ведь запомнил тебя нескладной, своенравной и вспыльчивой девчонкой. Как ты повзрослела и похорошела! Наверно у такой красавицы нет отбоя от женихов?!

В ответ на лестные слова могущественного вождя Нурай зарделась, как маков цвет, и бросила на него исподлобья обжигающе горячий взгляд.

— Однако!!! — озадаченно усмехнулся Таргитай и, скользнув взглядом по ладной фигурке девушки, пригладил бороду.

Кадрий взмахнул рукой и его воинство, придерживая горячих скакунов, потянулось в кочевье. Соплеменники Таргитая радушно встретили всадников дружественного кочевья, приглашая их к своим очагам. В больших котлах кипе-

ла жирная баранья похлебка, по стойбищу витали ароматы жареного мяса, хмельной браги и кумыса. Убедившись, что прибывшим воинам оказан должный прием, Таргитай повел Кадрия в свой шатер. За ними почтительно следовали Палак и Нурай, молодые люди с интересом разглядывали чужое стойбище и тихо обменивались мнениями. У шатра гостей приветливо встретили провидица Аргимпаса и жрица Мирина.

– Я искренне рада тебя видеть, могучий вождь Кадрий! – исполненным достоинства и величия голосом произнесла Аргимпаса. – Да продлятся годы твоей жизни! Да ниспошлет великая богиня Апи мир и процветание твоему племени!

– Благодарю тебя за добрые слова, мудрейшая Аргимпаса! – уважительно отозвался Кадрий и низко склонился перед пожилой женщиной.

Палак и Нурай, насыщенные о чудесах, творимых знаменитой на всю Скифию провидицей, поспешно опустились на колени рядом с отцом. На мгновение задержавшись на мужественном с резкими чертами лице Палака, пронзительный взгляд Аргимпасы остановился на очаровательном личике Нурай.

– Как зовут тебя, милое дитя? – мягко произнесла жрица, любясь девушкой.

– Мои родители нарекли меня Нурай! – почтительно взглянув на отца, ответила молодая скифянка.

– Нурай, что означает «Лунный свет»? Что ж, это прекрас-

ное имя для знатной девушки, – задумчиво промолвила Аргимпаса и, благословляя, коснулась головы русокосой красавицы.

Тем временем Кадрий с неподдельным интересом разглядывал Мирину. До него уже дошли слухи о появлении в Скифии новой могущественной жрицы. Прибывший к нему за помощью телохранитель Таргитая Ширак подробно рассказал о необычайных целительских способностях Мирины. Кадрий уловил в больших бездонных глазах девочки не свойственное ребенку выражение глубокого ума и вековой мудрости. От невысокой худенькой фигурки Мирины исходил незримый поток мощной благодатной силы. Кадрий одобрительно кашлянул и учтиво склонил голову перед юной жрицей. От такой неслыханной, как ей показалось, чести со стороны прославленного вождя, Мирина смущенно прикрыла лицо рукавом платья и прижалась к Аргимпасе.

– Моя дочь Мирина – достойная продолжательница нашего рода! – гордо произнес Таргитай, с любовью взирая на девочку.

– Ей уготована необычная судьба, полная героических свершений во благо всей Скифии и преодоления чудовищных, по своей силе, напастей со стороны темных сил! – добавила к сказанному провидица Аргимпаса.

Откинув полу из тяжелой кошмы, Таргитай пригласил гостей внутрь шатра. Еще раз почтительно поклонившись жрицам, первым вошел Кадрий. За ним, с восхищением загля-

нув в сияющие глаза Мирины, проследовал Палак. Опасливо покосившись на девятилетнюю жрицу, Нурай быстро скользнула вслед за братом. Заметив странное поведение гостыи, Аргимпаса загадочно улыбнулась, но ничего не стала объяснять недоумевающей Мирине. Пропустив вперед жриц, последним в шатер вошел Таргитай.

В жилище вождя стоял крепкий запах вареной баранины и дикого лука. На бронзовых блюдах в изобилии громоздилась жареная дичь, а на серебряных лежали горки пшеничных и ячменных лепешек. Низкие столы были уставлены вместительными сосудами с крепким вином и хмельным кумысом. Кадрий шумно потянул носом и, в предвкушении пиршества, облизнул губы и пригладил лохматую бороду. По приглашающему жесту хозяина, он, поджав под себя ноги, непринужденно уселся на войлочных подушках напротив Таргитая. По обе стороны от отца расположились Палак и Нурай, а провидица Аргимпаса и Мирина заняли места рядом с вождем Таргитаем. В знак глубокого уважения Таргитай собственноручно подал Кадрию большую золотую чашу с превосходным крепким вином. По округлым бокам чаши был тонко выгравирован фриз, изображавший скифских всадников с натянутыми луками. Сидевшая неподалеку от отца Нурай исподволь, стараясь не выказывать своей заинтересованности, наблюдала за Таргитаем, время от времени, бросая в его сторону цепкие пылкие взгляды. Но погруженный в свои мысли Таргитай не обращал на это ника-

кого внимания. Однако ничто не могло скрыться от всевидящего ока пожилой жрицы. Аргимпаса, с глубокомысленным видом отхлебывая из чаши кумыс, с благосклонной улыбкой следила за упорными заигрываниями русокозой красавицы. Во время трапезы вожди племен поддерживали пространную дружескую беседу, не касаясь главной темы. Серьезный разговор о вторжении разбойных отрядов массагетов и обсуждение плана совместных военных действий были отложены на более позднее время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.